

КАК

ПОБЕДИЛА

РЕВОЛЮЦИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“

БИБЛИОТЕЧНАЯ СЕРИЯ

КАК ПОБЕДИЛА РЕВОЛЮЦИЯ

*Рассказы участников
Великой Октябрьской
социалистической
революции*

МОСКВА

„ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“

1977

ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ

В подготовке этого издания
принимали участие
кандидат исторических наук

А. П. Ненароков,
Б. А. Слуцкий

Оформление

Г. Ордынского

Штриховые рисунки в тексте

Е. Мешкова

Тоновые иллюстрации

И. Ильинского

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Каждый год мы торжественно отмечаем день, ставший праздником людей труда всего мира,— день победы Великой Октябрьской социалистической революции.

7 ноября 1917 года красногвардейцы-рабочие Петрограда, революционные солдаты, матросы свергли Временное правительство. Владимир Ильич Ленин, вождь победоносного восстания народа, провозгласил на II Всероссийском съезде Советов создание первого в мире государства трудящихся.

С тех пор родина Октября прошла большой путь первооткрывателей, успешно претворяя в жизнь принципы коммунизма: свобода, равенство, братство, мир, труд. Все наши свершения и победы на этом пути «...есть,— как было сказано на XXV съезде Коммунистической партии Советского Союза,— прямое продолжение дела Октября... практическое воплощение идей великого Ленина».

Октябрьская революция стала началом нового этапа всемирной истории. Красное знамя социализма развевается теперь не только над нашей страной, но и над социалистическими странами Европы, Азии, Америки. И в Африке, которая много лет была колонией капиталистов, благодаря освободительным идеям Октября возникли самостоятельные национальные государства, народы которых хотят быть подлинными хозяевами своих судеб.

День победы нашей революции, день 7 Ноября,— великий праздник, который отмечается во всех уголках земного шара — большого дома человечества. Ведь с этого дня начался новый отсчет времени в его истории. И неудивительно поэтому, что нас никогда не перестанет интересовать и волновать вопрос,

какими были грозные и радостные дни 1917 года, как победила революция.

Много тяжелого выпало на долю наших дедов и отцов, на долю того поколения, которое завоевало и отстояло Советскую власть. Тем дороже для нас воспоминания старых большевиков, верных бойцов революции, которые были непосредственными участниками Октябрьской революции и под руководством В. И. Ленина боролись за ее победу.

Прочитайте эту книгу, и вы услышите живой голос тех, кому выпало огромное счастье быть первыми в рядах восставшего народа. Это славные бойцы ленинской гвардии: профессиональные революционеры, закаленные в революционных боях рабочие, солдаты и матросы, представители тогдашней революционной молодежи.

В пламенные дни революции они делали все, что требовала от них партия: организовывали Красную гвардию, шли штурмом на Зимний дворец, поднимали разрушенные войной фабрики и заводы, возглавляли наркоматы, банки, учреждения, были комендантами крепостей и городов, командирами воинских частей.

Воспоминания, опубликованные в этой книге, не претендуют на то, чтобы рассказать о Великом Октябре во всех его неповторимых подробностях. Вы, дорогие друзья, прочитаете еще множество книг, посвященных легендарным дням борьбы за Советскую власть. Но даже эти немногие страницы помогут вам почувствовать, какими были первые горячие дни зарождения нашего государства.

Пусть же эта книга поможет вам понять, как боролась и побеждала наша Революция.

ВСТРЕЧА НА ФИНЛЯНДСКОМ ВОКЗАЛЕ

В. П. Виноградов

Рабочий Металлического завода в Петрограде, в 1917 году член Выборгского райкома партии.

О том, что Ленин приезжает в Россию, большевики Петрограда узнали от его сестры, Марии Ильиничны Ульяновой.

Получив телеграмму из Торнео, где Ленин и группа большевиков, возвращающихся из эмиграции вместе с ним, остановились проездом, Мария Ильинична сейчас же сообщила об этом Центральному Комитету партии. До прихода поезда оставалось часов двенадцать. Срок короткий. Но тем не менее решено было встретить Ленина по-особому, придать этой встрече характер революционной демонстрации, чтобы сразу же стало ясно все значение возвращения Ленина в Петроград.

Времени на организацию встречи оставалось очень мало. Но все осложнялось еще и тем, что 3 апреля был нерабочий день.

За несколько часов нужно было оповестить жителей пролетарских районов города. В обычных условиях это можно было бы сделать через заводские и фабричные комитеты. Но в этот день члены комитетов и активисты партии сидели по домам или, что еще того хуже, отправились по своим делам в город.

Выборгской стороне повезло. Днем 3 апреля небольшая группа большевиков-выборжцев собралась в зале «Сампсониевского общества трезвости». Мы слушали доклад председателя нашей районной думы товарища Михайлова о задачах муниципалитетов как органов самоуправления. После окончания доклада — мы уже начали выходить из зала — вдруг кто-то взволнованным голосом из президиума крикнул: «В Петроград приезжает Ленин!» Все, кто остался в зале, окружили стол президиума.

Мы наперебой спрашивали, насколько достоверна эта новость, когда ожидается прибытие Ленина в Петроград. Тут же наскоро было решено, что каждый из нас должен сделать, чтобы за оставшиеся несколько часов подготовить встречу.

В то время партийная молодежь читала статьи В. И. Ленина в «Правде», «Звезде» и «Социал-демократе». Его выступления против войны мы знали очень хорошо и уже давно в спорах с оборонцами сами себя называли ленинцами.

Хотя мы так себя и называли и ясно отдавали себе отчет в выдающейся роли Ленина в партии, но никто из нас, молодых выборжцев, не видел его в лицо. Целых десять лет эмиграции легли между этим приездом и тем днем, когда Ленин был вынужден скрыться от преследований и в последний раз покинуть Россию. И каких десять лет! За эти годы многое переменилось в России. И даже появилось поколение большевиков, не знавших живого Ленина, не имевших возможности услышать его голос, побеседовать с ним.

Впервые в своей жизни я узнал о Ленине от рабочего Металлического завода, старого члена партии Михаила Арсеньева. Из его рассказов о прошлом — о девятьсот пятом годе, о боях с меньшевиками и ликвидаторами — вырисовывалась фигура человека, который на протяжении всех этих лет был душой партии. Этим человеком был Ленин.

Позднее, когда в 1915 году меня избрали членом подпольного Выборгского райкома партии, уже в практической работе я столкнулся с различными партийными документами и литературой, которые ближе познакомили меня с личностью Владимира Ильича. Но это было знакомство заочное. И вот теперь я смогу увидеть Ленина в лицо! Понятно, что весть о его приезде глубоко взволновала меня.

Но как оповестить о приезде Владимира Ильича рабочих? Было решено изготовить несколько больших плакатов, извещающих о встрече на Финляндском вокзале, и пустить с ними наиболее расторопных парней по району. Через час эти плакаты уже мелькали то на одной, то на другой улице Выборгской стороны.

Я кинулся на Металлический завод, на котором работал. В февральские дни у нас был создан отряд рабочей милиции, насчитывающий человек двести.

Отряд полностью сохранился и к моменту приезда Владимира Ильича. Этим благоприятным обстоятельством я и воспользовался.

Отыскав на заводе дежурного по отряду, я наскоро объяснил ему, для чего необходимо сейчас же собрать всю нашу рабочую милицию. Была приведена в действие принятая в отряде система оповещения через «пятки» — каждый пятый оповещал всех членов своей пятерки. Отряд быстро собрался, построился, и мы двинулись на Финляндский вокзал, вооруженные винтовками, со знаменем впереди.

К восьми часам вечера площадь перед Финляндским вокзалом стала заполняться народом. Приходили отряды рабочих. Появились моряки Балтийского флотского экипажа. В сопровождении солдат бронедивизиона на площадь медленно вполз броневик. Приземистая, забранная в стальные листы обшивки машина с грозно торчащими из прорезей пулеметами удивительно точно соответствовала нашему настроению. Площадь возбужденно бурлила в ожидании особо значительного, особо радостного события.

Когда совсем стемнело, неожиданно с нескольких сторон засветились прожектора. В лучах света мелькал красный кумач поднятых над головами знамен.

Отряд милиции нашего завода поставили на перроне вдоль платформы, к которой должен был прибыть поезд. На платформе стояли вооруженные красногвардейцы, матросы и солдаты. Позади мелькали платочки женщин-работниц. Какой-то совсем юный прапорщик выстраивал почетный караул. Разношерстно одетые и не имевшие военной выправки красногвардейцы, видимо, волновались и все время старались выровнять строй. Поезд запаздывал. Все напряженно всматривались в темноту, надеясь увидеть светящийся глаз приближающегося паровоза.

И вот настает эта минута. Обдав нас паром, паровоз медленно втягивает поезд под навесы длинных платформ. Все напряженно всматриваются в темноту, все ищут глазами Ленина.

Из вагона на платформу прыгивает человек среднего роста. Он стремительно проходит вперед несколько шагов, затем, обернувшись, поджидает своих спутников. Ему навстречу уже торопится кто-то с большим букетом белых роз. Ленин! Сердце начинает стучать учащеннее. Мы изо всех сил стараемся получше разглядеть его. Теперь я нахожу в нем много общего с теми фотографиями, которые были известны мне.

Я знаю, что мой товарищ, Сережа Кудрявцев, стоящий рядом, представлял себе Ленина человеком исполинского роста. Он привстает на носки, чтобы лучше увидеть то, что происходит в центре платформы. Там Ленина окружают друзья и заслоняют от нас. Но вот он выходит вперед, чтобы принять рапорт начальника почетного караула. Затем, обращаясь к застывшему караулу, произносит несколько слов приветствия.

Тремя часами позднее мне довелось увидеть Владимира Ильича вблизи и разговаривать с ним. И это более близкое знакомство укрепило впечатление, мгновенно возникшее в первые минуты встречи. Ленину глубоко чужда была какая бы то ни было поза. Во всем его облике угадывалось что-то родное, и невольно тянуло подойти к нему ближе.

Наши ряды смешались, мы постепенно пододвигались к группе, стоящей у

разогретого и все еще дышащего, как перед рывком вперед, паровоза. Оркестр играл «Интернационал». Атмосфера приподнятости чувствовалась во всем и отражалась особенно непосредственно на лицах женщин, старавшихся протолкнуться вперед, поближе к Ильичу.

Небольшой толпой мы вышли с платформы на площадь, уже до отказа заполненную людьми.

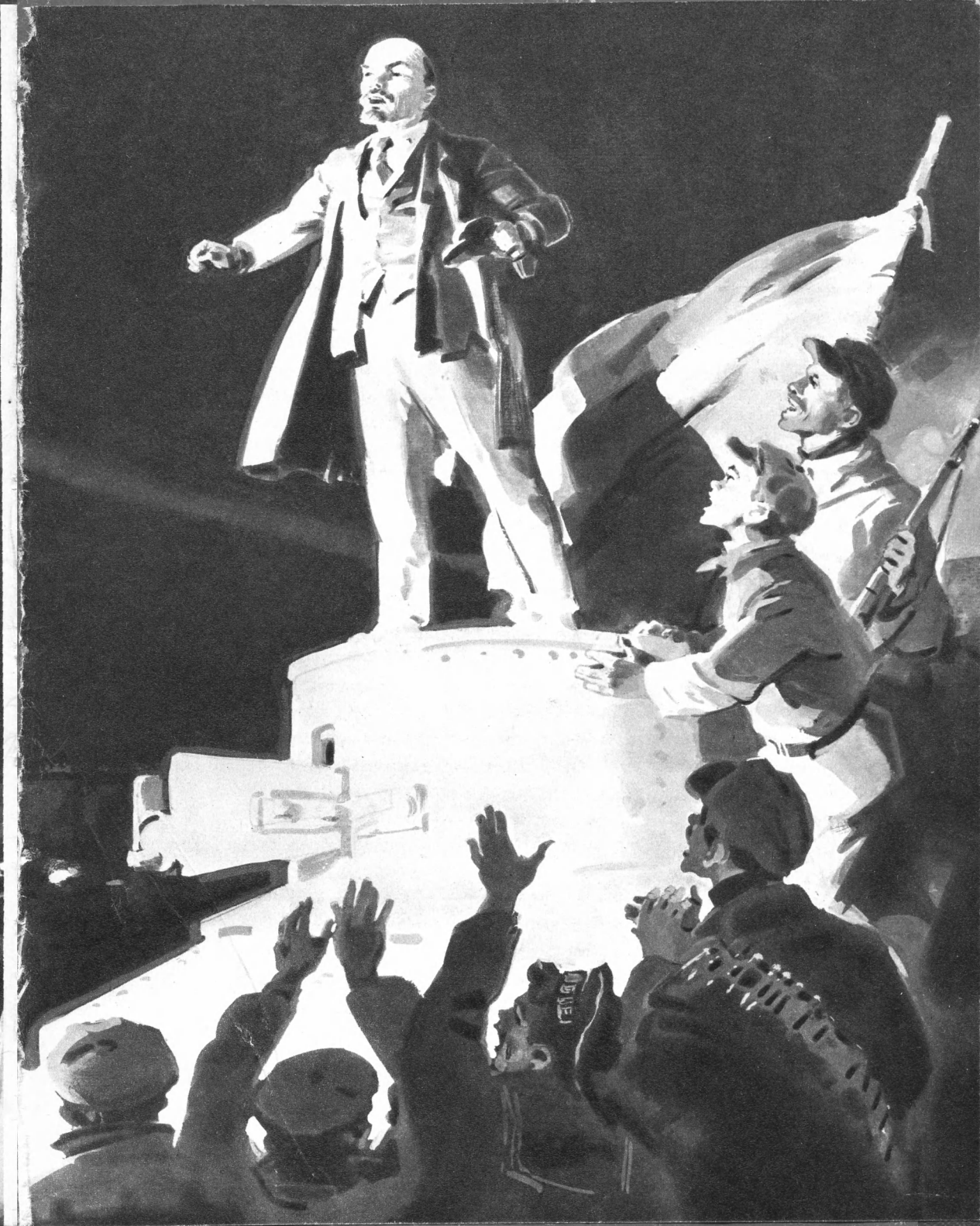
Владимир Ильич, Надежда Константиновна Крупская и еще несколько человек вошли в здание вокзала, где, как нам впоследствии стало известно, их ожидали члены Центрального и Петербургского комитетов партии большевиков, руководители районных большевистских организаций, делегация Петроградского Совета. Соглашатели поторопились выслать навстречу Ленину своих лидеров Чхеидзе и Суханова, чтобы те попытались «образумить» Владимира Ильича.

Чхеидзе взял наставнический тон. С угрюмым видом он стал говорить о необходимости сплочения рядов «всей демократии» и выражал надежду на сотрудничество Ленина. Это было предложение союза от имени тех, кто больше всего боялся дальнейшего развития и углубления революции.

Чхеидзе полагал, что оказывал честь Владимиру Ильичу тем, что явился на вокзал, чтобы встретить его и предложить союз. В то время соглашатели, имея большинство в Петроградском Совете, считали себя чуть ли не хозяевами положения. Им казалось, что Ленин, только что вернувшийся в Россию, не осмелится отклонить протянутую ему руку.

Присутствовавшие при этой встрече рассказывали о том, что Ленин, пока говорил Чхеидзе, осматривался по сторонам, разглядывал даже потолок комнаты, а затем, отвернувшись от делегации, обратился к рабочим, солдатам и матросам, вошедшим в эту комнату с вокзальной платформы вместе с ними. Он отметал Чхеидзе в сторону, обращаясь к народу с призывом, который прозвучал потом с броневика: «Да здравствует социалистическая революция!» Это было объявление войны буржуазии и соглашателям, войны не на

**Вечером 3 апреля 1917 года только что приехавший в Россию
Владимир Ильич Ленин, окруженный рабочими и солдатами,
провозгласил с броневика:
«Да здравствует социалистическая революция!»
С этой исторической минуты и начинается
непосредственная подготовка к великой революции,
которая произойдет через полгода.**

жизнь, а на смерть, и в меньшевистско-эсеровском лагере поняли это как сигнал к травле Ленина.

Площадь глухо гудела от голосов, все взоры были обращены на вокзальный подъезд. Когда Ленин появился, его сразу же окружила толпа. Подхваченный десятками мускулистых рук, Ленин был поднят на броневик, который стоял около выхода из вокзала. Это была самая подходящая трибуна для той речи, которую мы услышали минуту спустя. Ничто не могло точнее выразить весь смысл разворачивающихся на наших глазах событий, чем полная энергии, какой-то несокрушимой духовной мощи фигура Ленина на броневике.

Я стоял у самого броневика и слышал каждое слово Владимира Ильича. Ленин говорил о том, что то, что мы совершили,— это еще не полная победа, что социалистическая революция впереди. И мне казалось, что эти слова превращают нас, пролетариев Петрограда, в стройную армию бойцов, знающих, к чему они стремятся, ради чего начинают борьбу.

Призыв Ленина «Да здравствует социалистическая революция!», прозвучавший с площади у Финляндского вокзала на всю Россию, давал нам боевую программу действий, указывал цель.

Величественной была картина площади, запруженной вооруженным народом. Фигуру Владимира Ильича на броневике выхватил луч прожектора. За тронувшимся с места броневиком потекли отряды красногвардейцев — путиловцев, лесснеровцев, обуховцев... Началось шествие по улицам ночного Петрограда к Кронверкскому проспекту.

Броневик с Владимиром Ильичем медленно шел во главе колонны. По обеим сторонам тротуаров шпалерами стояли опоздавшие к встрече на вокзале. На всем пути следования прожекторной ротой Петропавловской крепости были установлены прожектора. Лучи света скользили вдоль улиц, прокладывая путь в ночной мгле. Они освещали приветствовавших Ленина людей, броневик и тесные ряды идущих за ним.

Распахивались окна домов, и глазам изумленных питер-

цев представляла необычная картина. Грозной силой веяло от всего этого ночного шествия.

Два или три раза броневик останавливался, и Ленин проносил несколько коротких фраз. Затем колонна двигалась дальше, присоединяла к себе всё новых людей. Около часа длился наш путь к особняку Кшесинской.

Возле самого особняка мы столкнулись с кронштадтскими матросами, которых привел сюда один из руководителей кронштадтских моряков Семен Рошаль. Кронштадтцы пришли в Питер по талому льду, несмотря на начавшуюся оттепель, которая и была причиной их опоздания.

В эту ночь Ленин впервые выступил с маленького балкона дома Кшесинской, откуда на протяжении последующих бурных месяцев много раз звучала его речь.

Долгое время народ не расходился с площади перед дворцом. Многие из тех, кто не был на Финляндском вокзале, хотели увидеть и услышать Владимира Ильича. Несколько раз Ленин выходил на балкон и обращался с короткой речью к мгновенно стихавшей массе народа. И каждый раз в его выступлениях звучала одна основная мысль, которую он стремился донести до возможно большего числа людей: никакой поддержки буржуазному Временному правительству! Пролетарская революция впереди.

Я присутствовал в эту историческую ночь в помещении штаба нашей партии и беседовал с Владимиром Ильичем.

В то время я был членом Выборгского райкома партии. Мы, небольшая группа питерских рабочих, были приглашены в помещение Центрального Комитета для встречи и беседы с Ильичем.

Нас провели в особняк мимо охраны, стоящей у входа. Мы поднялись на второй этаж.

Для Владимира Ильича в большой комнате второго этажа был приготовлен чай, кто-то из товарищей попытался произнести приветственную речь, видимо решив, что мы собрались здесь для того, чтобы чествовать Владимира Ильича. Ленин прервал его. Стало ясно, что мы здесь не для парад-

ных речей. Чувствовалось, что Владимир Ильич озабочен и настроен совсем не празднично. Ему не терпелось приступить к делу.

Владимир Ильич подошел к нам — мы, рабочие Выборгского и других районов, стояли группой — и сразу же забросал нас вопросами. Заметно было нетерпеливое желание Ленина найти ответ на то, что сейчас, видимо, больше всего интересовало его. Узнав, что я с Металлического, одного из крупнейших в то время заводов города, Ленин начал расспрашивать меня о настроениях наших рабочих. Волнуясь и немного сбиваясь от волнения, я ответил, что рабочие прежде всего хотят окончания войны и улучшения снабжения продовольствием. Мой ответ, как видно, не удовлетворил Владимира Ильича.

— А кто представляет от вас в Петроградском Совете? — спросил он.

Я ответил, что Февральская революция застала многих большевиков нашего завода в тюрьмах и ссылках. Неудивительно, что эсерам и меньшевикам на первых порах удалось захватить власть в Петросовете.

Выслушав меня, Ленин сказал, что надо поскорее выкорчевать их оттуда...

Мы постарались выполнить этот совет, и к Октябрьским дням из восьми наших делегатов в Петросовете было уже шесть большевиков.

Впоследствии мне тоже приходилось встречаться и разговаривать с Владимиром Ильичем. Так, в начале 1918 года, когда хозяева Металлического решили закрыть завод, мы ходили к Ленину советоваться и просить поддержки. В эти короткие встречи я успел познакомиться со своеобразной манерой Владимира Ильича разговаривать, с его поразительным умением отбросить в разговоре все несущественное, все второстепенное — так сказать, вылущить ядрышко интересующей его темы...

Вскоре все спустились этажом ниже, в большую комнату с примыкающим к ней зимним садом. Раньше здесь была

гостиная, превращенная теперь в помещение для собраний. В этой комнате продолжалась беседа.

Ленин резко полемизировал с теми, кто считал возможной тактику уступок буржуазному правительству и поддержки его. Он говорил нам о том, что праздничный период революции кончился, что предстоят суровые будни борьбы с Временным правительством, борьбы за массы. И эти мысли Владимира Ильича создавали перелом в настроениях многих из нас, намечали ясную перспективу развития революции.

Слушая Ленина, мы ощущали, что пролетариат России имеет своего вождя, ведущего его заранее намеченным и хорошо продуманным путем.

До четырех часов утра длилась беседа. Заметно уставший, Владимир Ильич неожиданно предложил:

— А знаете что, товарищи, давайте споем!

Пели вполголоса, сидя за большим столом, пели «Варшавянку», «Смело, товарищи, в ногу», «Замучен тяжелой неволей...». Пора было расходиться, нужно было дать отдых Владимиру Ильичу.

Так закончилась эта ночь, положившая начало новому этапу нашей жизни и нашей борьбы.

Через несколько часов после того, как мы попрощались с Лениным, он уже выступал перед большевиками Петрограда со своими знаменитыми положениями Апрельских тезисов.

С приездом Ленина в Россию партия твердо взяла курс на победу социалистической революции.

ИЛЬИЧ В РАЗЛИВЕ

Н. А. Емельянов

Рабочий Сестрорецкого оружейного завода. После Февральской революции депутат Петроградского Совета. Участник Октябрьской революции.

Вместе с семьей жил я под Петроградом, на станции Разлив, вблизи от Сестрорецкого завода, на котором работал.

Мы, рабочие-оружейники, сразу же узнавали обо всех невеселых событиях, которые тогда происходили.

4 июля юнкера стреляли по демонстрантам за то, что они требовали передать всю власть Советам. Временное правительство испугалось. А когда буржуазия пугается, она делает особенно много подлости.

Теперь все шло к одному: началось наступление на народ. И у нас в Сестрорецке арестовывали большевиков.

Газеты клеветали на Ильича, про него рассказывали всякие небылицы. Юнкера разыскивали его. Они часто устраивали налеты на квартиру Елизаровых, в доме на Широкой улице, где до 5 июля Ильич жил у своей сестры, Анны Ильиничны. Додумались до того, что по следу Ильича пустили знаменитую собаку-ищейку Треф.

7 июля я узнал еще одну новость: 200 тысяч рублей золотом — целое состояние — было обещано тому, кто выдаст Ленина.

Для нас, большевиков, июль 1917 года обещал быть особенно жарким.

В разгар всех этих событий ко мне в Разлив приехал товарищ Вячеслав Зоф, посланный Центральным Комитетом партии.

Он внимательно оглядел мое жилье и сказал:

— Тебе надо укрыть Ленина.

Я растерялся: уж очень это было неожиданно. Но сказал то, что знал твердо:

— Ваше доверие я оправдаю!

— Вот и оправдай,— услышал я в ответ.

Сберечь Ленина! Придумать, как лучше его укрыть! Об этом я много размышлял, советовался с женой. Она всегда помогала мне в нашей общей партийной работе.

Где у нас самое глухое место? Конечно, не здесь, в поселке, от которого рукой подать до станции Разлив, да и вблизи нашего дома расположены дачи.

Мой дом стоял на берегу небольшого озера, которое соединялось с озером Разлив. Одна калитка вела с улицы в сад, вторая выходила прямо к озерку. У этой калитки были привязаны лодки. Отсюда дорога вела к озеру, а за ним на противоположной стороне был глухой лес, покосные участки. Часть этих участков принадлежала рабочим. Места безлюдные, и дорог там почти не было.

План складывался быстро. Когда в тот же день товарищ из ЦК приехал вторично, мы с ним обо всем условились.

Дело в том, что хозяева покосов сдавали их на лето тем,

кто заготавливал зимний корм для коров, запасался сеном. Сами рабочие косили редко: они не могли поспеть на покос после работы. В летние месяцы приходили к нам наниматься финские косцы.

В ту пору Финляндия от России еще не отделилась, граница была открыта, переходили ее свободно, и бедняки финны шли к нам на заработки. Селились они в шалашах, прямо на покосах; шалаш вплотную придвигали к стогу сена.

Самое простое решение казалось мне самым верным. «Ленин,— подумал я,— ежели его переодеть, вполне сойдет за финна. Лицо скуластое, глаза чуть раскосые».

Я очень хорошо помнил Владимира Ильича, так как дважды видел его близко. Первый раз — осенью 1905 года, в Финляндии. Повел меня товарищ Ордын, руководивший боевыми дружинами, на какую-то дачу за нелегальной литературой. Было это в Оллило. Ордын не сказал, к кому мы идем.

Пришли и познакомились — я назвал себя. Новый знакомый пожал мне руку, сказал: «Владимир Ильич» — и внимательно поглядел на меня, прищурив один глаз, как-то дружелюбно, с хитринкой.

Он разговаривал со мной так, словно только и ждал моего прихода, чтобы спросить, что я думаю о заводе, о своей боевой дружине, о жизни.

И я, помню, говорил тогда, будто точно знал, что шел к нему для этого разговора по душам, чтобы обязательно выложить ему все, что думаю. И ведь выложил!

Ленин заботливо снабдил нас нужной литературой. Брошюры вынесла нам Надежда Константиновна. Она была деловитая и внимательная.

Второй раз я увидел Ильича спустя двенадцать лет, 3 апреля 1917 года. Я встречал его вместе с нашими, заводскими, на Белоострове, когда он возвращался из Швейцарии. Тогда мне и присниться не могло, что не пройдет и трех месяцев, и Ленину придется уйти в подполье.

Теперь, когда я размышлял о том, как лучше устроить

Ни на одну минуту не оставлял Владимир Ильич своей титанической работы по подготовке народного восстания, по созиданию нового государства трудящихся.

В шалаше у озера Разлив Владимир Ильич пишет свою бессмертную работу «Государство и революция».

его здесь, в Разливе, я представил его внешность, будто только что расстался с ним. Мне запомнилось, что он был лобастым и крепким. И то, что он был крепким, мне было особенно с руки.

Я решил: сниму за озером покос, поставлю Ильичу шалаш, и будет он в нем жить, как живут финны-косцы. А в случае чего, скажу: нанял на лето!

Места эти не людные, но если кто и набредет на шалаш, то не обратит внимания на незнакомого человека: ведь косцы-то — народ пришлый.

Мешкать было нельзя. И хоть я еще не успел приглядеть покос, в ночь на 10 июля уже встречал Ильича в самом Петрограде на Приморском вокзале.

В два часа ночи уходил последний поезд на Сестрорецк. Этот ночной поезд жители пригорода называли «пьяным», так как в поздний час на него часто садились подгулявшие и захмелевшие пассажиры. Мы рассчитывали, что в такой пестроте и сутолоке на нас не обратят внимания.

Перед тем как прийти на условленное место, я купил билеты и внимательно осмотрелся. Вокзал был забит солдатами. Тогда многие самовольно покидали фронт, и меня беспокоило, как бы мы не угодили в облаву на дезертиров. Потолкался среди солдат и незаметно вышел к товарной станции, примечая, где и как размещены составы. Я хотел пройти между ними и сесть на поезд в последний момент. Нельзя было рисковать и прохаживаться с Ильичем по вокзалу или перрону в ожидании поезда.

Только осмотрев все, я пришел на условленное место, неподалеку от Строганова моста, у Малой Невки. Стал под деревьями: здесь никто не мог меня увидеть, так как темень была особенно густая, и никто не мешал мне спокойно ожидать появления Ленина. Но спокойствия-то у меня и не было. Казалось, что время тянется слишком медленно.

Наконец услышал стук коляски. Бросился навстречу. Но извозчик, увидев меня, шарахнулся в сторону и давай нахлестывать лошадь. Коляска исчезла: видимо, я напугал извоз-

чика, и он малость струхнул. Да и нечего было предполагать, что Ильич приедет в коляске.

Вскоре показалась группа людей. Они шли гуськом. Я сразу приметил того, кто шел посередине. Это был Ленин. Сопровождали его Зоф, Сталин и Аллилуев. С Лениным был и Зиновьев, который тоже должен был скрываться в Разливе...

Последняя наша встреча была не похожа на эту. Тогда, 3 апреля, на станции Белоостров мы, сестрорецкие рабочие, на руках вынесли Ильича из вагона, пели песни, он выступил перед нами. А теперь Ильич уходил в подполье.

— Идите вперед, показывайте дорогу,— сказал он мне шепотом.

Мы пошли по путям. В одном месте нам преградил дорогу длинный состав. Пришлось подлезть под вагон. Ильич был быстрый и ловкий. Мы с ним сразу же выбрались к своему поезду, и перед самым отходом Ильич сел в последний вагон, на переднюю площадку. Я уже на ходу вскочил в вагон, осмотрел весь состав и вернулся к Ленину.

Он сказал:

— Оставайтесь на площадке, а я присяду на ступеньки. Если понадобится, соскочу на ходу.

Я было заспорил с ним:

— Так опасно — вдруг сорветесь...

— Ничего,— ответил Ильич,— я цепкий.

Он уместился на ступеньке и взялся за поручни. Я стал спиной к нему, чтобы прикрыть его, если бы нас вздумал кто навестить.

На первой же остановке наше положение ухудшилось.

В Лахте из станционного буфета к нашему вагону направилась подвыпившая компания. Я сразу разглядел, что это переодетые в штатское офицеры. Недолго думая я растянулся поперек прохода, будто хватил лишнего. Офицеры прошли мимо и сели в соседний вагон.

Едва поезд тронулся, я зашел в их вагон послушать, о чем они толкуют. Офицеры ехали кутить в женский батальон

смерти. Они пели дрянные песенки, говорили о своих делах и о политике, на чем свет стоит ругали Ленина.

Я вернулся на площадку. Ильич по-прежнему сидел на ступеньке.

Я рассказал ему о том, что услышал. Вдруг из соседнего вагона вышел офицер и приблизился к нам. Он с подозрением оглядел меня и наклонился над Ильичем. Офицеру взбрело в голову заглянуть Ленину в лицо. Напряжение было такое, что я еле сдержал себя, чтобы не сбросить наглого офицера с поезда.

Наконец он махнул рукой и с раздражением сказал:

— Этот все равно свалится,— и ушел.

Ильич продолжал ехать как ни в чем не бывало, хотя за минуту перед тем подвергся огромному риску.

Мы стали советоваться: не сойти ли нам с поезда на соседней станции? Но в Раздельной офицеры сошли, и мы благополучно продолжали свой путь.

В Разлив приехали, когда стало еле рассветать. Я оглянулся — никто за нами не увязался. На душе полегчало.

Ильич спросил:

— Как зовут вашу жену?

— Надежда Кондратьевна.

По тихой улочке быстро дошли до моего дома, окруженного живой зеленой стеной из березок и тополей. Я сказал Ильичу, что восемнадцать лет назад здесь было болото и мы с женой ночами, когда я возвращался с завода, на тачках возили сюда песок и землю. Засыпали болото, разбили сад. Теперь живая изгородь из деревьев и кустов сирени не только радовала глаз, но и мешала постороннему человеку заглянуть в наш двор.

Сейчас это было кстати.

Условился с Ильичем, что, пока я буду искать подходящий покос за озером, он поживет вместе с нами. Дом в то лето я ремонтировал, поэтому дачников у нас не было, а семья перебралась в сарай. Внизу в сарае у нас была комната и кухня, а наверху — сеновал.

Ильич, войдя в сарай, снял кепку, поздоровался с моей женой и обратился к ней с просьбой:

— Очень прошу вас, Надежда Кондратьевна, соблюдать полнейшую, абсолютную конспирацию. Никто — ни родственники, ни знакомые — не должен подозревать, что у вас в семье живет посторонний человек. Если при вас будут меня ругать, пожалуйста, не заступайтесь. Это только может повредить нам.

Жена ответила:

— Мы, Владимир Ильич, многое пережили и давно уже научились держать язык за зубами. Не подведем вас... А вот не хотите ли покушать? Уж и не знаю, как сказать: то ли позавтракать, то ли поужинать?

И верно, на дворе было предутреннее время.

Ильич поблагодарил, сказал, что есть не будет.

— А вот от чая не откажусь, — добавил он, — выпью с удовольствием.

Услышав наши голоса, с сеновала спустились мои сыновья. Ильич с удивлением глядел, как вслед за первым появился второй сын, за вторым — третий, потом четвертый, пятый. самого маленького Ильич уже видел: он спал внизу.

Товарищи из ЦК, видно, многое успели рассказать обо мне Ленину, но про то, что у меня было почти столько же молодцов, сколько у дядьки Черномора, позабыли сообщить.

— Большое у вас семейство, — с некоторым беспокойством сказал Ленин.

— Что же, Владимир Ильич, российский рабочий, как и крестьянин, только и богат, что детьми, — пошутил я. — У меня их семеро. Знакомьтесь: вот Александр, ему семнадцать лет, член партии большевиков, Сергею — четырнадцать лет, он, считайте, почти уже в партии, Николаю — тринадцать лет, Анатолию — десять, Льву — шесть, а спит Георгий — Гоша, ему два с половиной года, и пока ему только снятся хорошие сны.

Ильич поглядел на детей:

— Вижу шестерых, а где же седьмой?

— Нет моего второго — Кондратия. Он у меня сбился с панталыку, в анархисты угодил. Достал оружие, допоздна где-то на сборищах пропадает.

— Как же, сын — и вдруг анархист? — спросил Ильич.

Я объяснил:

— Кондратий учится в коммерческом училище, а там много купеческих сынков. Повадился к ним из Кронштадта ездить анархист, по кличке «Веник». И так этот Веник метет языком, что замел в анархисты целый выводок купчат и моего Кондратия в придачу. Кондратий вбил себе в голову, что анархисты левее большевиков, так как они, анархисты, отрицают дисциплину.

— А не проговорится ваш анархист, что вы скрываете меня?

— Нет, все-таки он мой сын. Дети ведь понимают, чему мы с женой отдали жизнь. У нас и собрания бывали, случались обыски, меня забирали. Кондратий не хуже других моих сыновей знает, как надо себя вести.

Но Ильич хотел сам обо всем этом поговорить с моими сыновьями. О многом расспросил их Ленин, да и они, кажется, не остались в долгу — засыпали его вопросами. Говорил Ильич с ними, как со взрослыми: серьезно и доверчиво, будто советовался, будто и впрямь собирался надолго войти в нашу семью.

Дети отвечали ему тем же. Они в ту ночь переговорили обо всем, даже о том, как большевики будут брать власть. У Ильича такая душевная хватка, что мы с женой только удивлялись. Он сразу брал человека — что взрослого, что малого — прямо за сердце и притягивал не только к себе, но и к своему делу.

Только потолковав обстоятельно с нашими ребятами, Ильич поднялся со мною на чердак.

— А ведь здесь совсем хорошо! — сказал он. — Свежим сеном пахнет. Люблю этот запах!

Я принес для него на чердак столик и стул, постелил ему на сене. Когда собрался уходить, Ильич попросил:

— Вернется Кондратий — пришлите, пожалуйста, его ко мне. Хочу с ним побеседовать.

Такое уж, видно, правило было у Ильича: ничего не откладывать в долгий ящик.

Кондратий с охотой пошел к Ленину. Он, как и все мои сыновья, знал, что Ленин поселился за озером, а пока поживет у нас в сарае. Кондратий сам вызвался помогать нам, в чем будет нужда.

Но вскоре после прихода сына я услышал — плачет мой большой парень. Поднялся я на чердак, спрашиваю:

— Что случилось?

Ильич отвечает как ни в чем не бывало, только глаза смеются:

— Да вот Кондратий говорит, что мы, большевики, украли у них, анархистов, программу и, представьте, выполняем ее.

А Кондратий всхлипывает и говорит:

— Я же теперь с вами, Владимир Ильич!

И сын не подвел меня. Дав слово, Кондратий умел сдержать его. После разговора с Ильичем он порвал с анархистами.

* * *

Вставал Владимир Ильич рано и до вечера писал. Надежда Кондратьевна покупала для него тетради, блокноты, чернила. Только когда сгущались сумерки, он спускался в сад и ходил по дорожкам, о чем-то размышляя. Мы понимали, что и тогда он продолжал работать.

Здесь, на чердаке нашего сарая, он писал свою книгу «Государство и революция», статьи «К лозунгам», «Ответ».

Написанное у нас не оставалось: Ленин немедленно все отсылал в Петроград.

Окон на чердаке не было, свет туда проникал через дверные щели, а дверь, которая вела наружу, во двор, — через нее мы в летнюю пору подавали сено — держать открытой

ни в коем случае было нельзя: ведь Ильича могли бы тогда увидеть посторонние люди.

Июльские дни выдались душные, и, наверно, Ильичу работать на чердаке было нелегко, но он об этом никогда не говорил. Только иногда перебирался в баню. Она стояла на самом берегу, оконце выходило на озерко, и Ильич писал здесь на подоконнике. В бане было чисто, полы покрашены, а главное, в ней было прохладно и безопасно.

Когда Ильич отдыхал, он часто расспрашивал о моей жизни. Вспоминали мы 1905 год, нашу встречу осенью того года и то, что случилось потом. Ильич сам умел очень хорошо, я бы сказал — как-то весело, рассказывать, умел расспрашивать людей, но умел и то, что не все умеют: слушать. Его очень интересовала жизнь рабочих Сестрорецкого завода, и, рассказывая о себе, я, конечно, говорил о том, как сложилась жизнь наших заводских...

* * *

Первое время я был у Ильича связным. Он мне давал поручения, и я ездил в Петроград выполнять их. Связной должен иметь выдержку, память, сметку. Сметка у меня была, но вот запоминать имена, адреса и поручения я как-то не умел. Много путал, иногда возвращался к Ильичу, по нескольку раз переспрашивал одно и то же, а главное, был очень горяч.

Из-за этого я однажды заварил такую кашу, которую потом еле расхлебал.

Я ехал с поручением от Ильича в Петроград к старому рабочему-революционеру Аллилуеву. В вагоне было полно дачников, они передавали друг другу разные сплетни про Ленина. Особенно старался возвести на него напраслину один дьякон, восседавший на скамейке против меня. В руках он держал толстенную книгу, стучал по ней пальцем, а потом читал ее, да не просто, а подвывая. Он обращался к пассажирам с чем-то вроде проповеди или прорицания:

— Паства православная, народился антихрист. Имя ему — Ленин.

Тут моему терпению пришел конец. И, забыв, что я не волен вести себя так, как мне вздумается, закричал:

— Сам ты антихрист и мразь!

Дьякон бросился на меня. Пассажиры — за ним. Когда я выскочил из вагона в Новой деревне, они меня окружили и, ругая, стали теснить. Но я рванулся, прижался спиной к какому-то строению, выставил вперед кулаки и обещал задать трепку первому, кто сунется ко мне.

Выручил меня шедший мимо солдат. Он услышал угрозы, которые сыпались на меня, и вызволил из беды. Я добрался к Аллилуеву сам не свой.

Вернулся в Разлив и все без утайки рассказал Ильичу.

— Плохой вы связной — больно горяч, — сказал он. — Да и дело у вас другое есть. Надо искать покос, пора уходить за озеро.

Я отправился на поиски. Нашел отдаленный участок, арендовал его у холостого паренька — Валентина Игнатьева, который никогда и не заглядывал на свой участок. Он уговаривал меня арендовать покос лет на десять. Но я ответил: «Мало ли что и за год случится. Что же загадывать на десять лет вперед! Нынче решил купить корову — ведь с продуктами туго, а у меня, сам знаешь, семья большая».

Пока я приглядывал место под покос, к нам приехал Яков Михайлович Свердлов.

Первым, кто увидел его, был мой младший Гоша. Он сидел на груде камней у дороги. Видит — идет человек в очках.

Свердлов (он потом нам все рассказал подробно) подошел к Гоше и ласково говорит ему:

— Хороший ты мальчик, как тебя зовут?

Гоша помнил наставления матери и братьев: они наказали ему не разговаривать с посторонними, не брать у них го-стинцев, не отвечать на вопросы. Поэтому он молчал.

— Да ты не бойся меня, — говорил ему Яков Михайло-

вич.— Ну, как тебя все-таки зовут? Скажи! — и протянул Гоше конфету.

Гоша отвернулся от Свердлова и припустился домой. Вбегает на кухню и шепчет братьям:

— Молчите, молчите! Дядя несет гостинец, сюда идет. Молчите!

Яков Михайлович пришел вслед за ним, поздоровался с моей женой, поговорил с ней и поднялся на чердак к Ильичу, о котором Гоше велено было никому не говорить. Ведь мать повторяла ему много раз, что, если он, Гоша, проболтается, отцу будет плохо. И сам Ильич рассказывал Гоше, что его будут гостинцами заманивать, чтобы только узнать, где отец прячет Ильича.

Но ведь дядя в очках заманивал Гошу конфетой и теперь положил ее на стол. Почему же его так хорошо встретили мать и Ильич? У маленького конспиратора, видимо, все спуталось в голове.

Приезд Свердлова заметно обрадовал Ильича. Он много раз мне рассказывал о Якове Михайловиче, называл его умным, чистым и преданным революции. Всегда повторял:

— Это прекрасной души человек и работник!

Партия готовилась к новой революции, поэтому Ильич находился рядом с Петроградом и постоянно виделся, несмотря на большой риск, с товарищами.

Но появление в нашем доме непрошенных гостей вызывало у нас тревогу. Пришел к нам один купчишка, с которым водили знакомство родичи моей жены. Без церемоний сел у входа в сарай и выкладывает моей жене:

— Был я намерении в чайной. Вижу, солдаты в карты перебрасываются, а потом как начали в банковку жарить — только держись! А Ленин рядом сидит, деньги им подбрасывает. Вот на что идут германские денежки, которые Ленин получил, когда через Германию ехал!..

Надежда Кондратьевна перебила его:

— Врешь ты все! Не стыдно тебе нести околесицу?

И чтобы избавиться от навязчивого гостя, повела его к озеру.

— Повезу-ка я тебя к Николаю,— сказала она,— он с тобой и потолкует обо всем.

Она знала, что купец трусоват и боится воды.

Он заторопился домой, а это только и нужно было моей жене.

Мы диву давались, как клевета при всей своей явной нелепости у многих застревает в ушах. В этом мне пришлось еще раз убедиться в те же дни.

Ильич попросил меня найти ему связного из сестрорецких рабочих-большевиков.

— Надежного человека,— сказал он.— И обязательно потолкуйте с ним, что он думает о нынешних наших делах. Я назвал одного товарища.

— Только пригласите его к себе,— попросил Ильич.— И будете беседовать — расположитесь так, чтобы я мог его видеть.

Пришел этот товарищ меня проводить: на заводе я сказался больным. Разговорился с ним и кстати спрашиваю, что он думает о Ленине.

— Ох, Александрович, и не спрашивай! Очень тяжкое положение. То про одного, то про другого слышишь: связан с Германией, шпион. Нам в Совете меньшевики и эсеры и слова вымолвить не дают. Ходят, задрав голову, важничают. И кому верить, не знаю.

Объясняю, что про Ленина всё враги придумали, им выгодно слухи распространять, нас чернить. А он так неуверенно переспрашивает меня:

— Ты так думаешь? Все теперь стараются сбить нас с панталыку...

Ну, вижу, толковать больше нечего. Пожаловался я на свою болезнь, сказал, что пойду укладываться в постель. Распрощался с ним — и к Ильичу.

Спрашиваю Владимира Ильича:

— Понравился вам мой товарищ?

Ильич только руками замахал:

— Нет, нет!

Когда же я передал наш разговор, он заметил:

— Осторожность и еще раз осторожность нужна нам на каждом шагу.

На другой день к нам в сарай пришли двое. Я опять уехал на покос, и встретила их Надежда Кондратьевна.

— У вас живет Ленин,— сказал один из них.— Пожалуйста, проводите к нему.

Жена руками развела:

— Не слышала я ни про какого Ленина.

Они настаивали:

— Нам очень нужно повидаться с ним. Скажите, где его можно увидеть?

Жена решила посоветоваться с Ильичем, а для этого ей надо было отлучиться.

— Я только схожу возьму ребенка, а потом наведаюсь к соседям — может быть, у них и живет какой-нибудь Ленин.

Сама же посадила приезжих перед сараем так, чтобы Ильич мог их разглядеть, и поднялась на сеновал.

Но Ильич издали не узнал, кто приехал к нему, и сказал:

— Ну ладно, проведите их ко мне.

К счастью, это оказался кто-то из своих людей.

От Центрального Комитета связным был назначен Феликс Эдмундович Дзержинский. Он пользовался большим доверием Ленина. Был немногоречив, но, когда говорил, за каждым словом чувствовалось: много знает, многое продумал и пережил.

Мне Ильич говорил о нем, как о человеке, прошедшем тяжелую школу революционной борьбы в Польше. К Ильичу всегда тянулись люди, которые умели беззаветно служить своему народу.

Дзержинский виделся с Лениным очень часто. Бывал у него подолгу. Ему Ильич отдавал все написанное.

Мы собрались уезжать за озеро. Взяли косы, грабли, топор и еще кое-какой инструмент. За озером я уже начал косить траву; соорудил шалаш, заготовил стожар будущего стога. Три дня ушло у меня на эти приготовления.

Еще в первый день, как Ильич приехал в Разлив, я побрил его, а жена подстригла под машинку. Волосы у него были мягкие. Товарищи из Петрограда привезли ему парик, а я дал Ильичу свою одежду: косоворотку, рабочую куртку, кепку, штиблеты.

Он переоделся, и мы с женой в один голос сказали:

— Настоящий финн! Теперь вы хоть куда, тем более на покос.

Ильич посмотрел в зеркало и рассмеялся:

— Теперь дело за немногим: надо научиться говорить по-фински.

Перед отъездом Ильич еще раз попросил всех членов моей семьи соблюдать осторожность и без пароля никого не переправлять за озеро.

Мы уходили из сарая поздно вечером. Ильич, направляясь к лодке, сказал мне:

— С вами я спокоен.

Я и сам видел, что он мне доверяет, да и мне с ним было надежно и просто.

Я погрузил в лодку грабли, косы, мережи для ловли рыбы. В лодку сел Ильич, я и мой старший сын, Александр. Следом за нами шла вторая лодка. В ней ехали Кондратий, Сергей, Коля. Они прихватили с собой немудреное наше хозяйство: чайник, котелок, чашки, подушки и одеяла.

Сыновья должны были хорошо знать дорогу к покосу, так как мы уже условились с Ильичем, что они будут переправлять товарищей, приезжающих из Петрограда.

Как только добрались до покоса, Ильич обошел весь участок, потом вошел в шалаш, пощупал рукой, много ли сена положил я на подстилку; вышел и принес еще несколько охапок. Мы улеглись; рядом с нами прикорнул Коля.

— Чудо как пахнет цветами! Не траву ты засушил, а цветы,— сказал Ленин.

И правда, кругом росли полевые цветы: ромашка, колокольчики, иван-да-марья, и запах от них шел сильный и приятный. Рано утром Ильич поднялся и пошел искать место для работы. Я показал ему на заросли ивы:

— Здесь вас никто не увидит. Даже непрощеный гость, если его занесет сюда каким-нибудь ветром, не сунется в этот кустарник.

Мы расчистили небольшую площадку внутри разросшегося ивняка, я поставил два чурбака. Тот, что повыше, служил Ильичу столом, пониже — сиденьем.

Ильич сразу же принялся за работу. И каждый день с утра он отправлялся в свой «зеленый кабинет». Так он сам теперь называл это место.

В «зеленом кабинете» Ленин продолжал писать книгу «Государство и революция». Я часто видел у него в руках синюю тетрадку, которой он пользовался во время работы. Это были сделанные им еще в Швейцарии выписки из трудов Маркса и Энгельса по вопросу о государстве. Ильич очень дорожил этой тетрадкой. Ее теперь привезли из Стокгольма, где Ленин оставил ее, когда в апреле переезжал границу.

Утром чуть свет он шел с Колей на озеро или тут же, у шалаша, умывался. Ключевую воду приносил мой сынишка. Мы разводили огонь под чайником, который висел на кольях, и завтракали.

Коля был у нас разведчиком, дозорным и поваренком. Он тщательно «прочесывал» окрестности. Его черная голова то мелькала в кустарнике, то исчезала в лесу. Когда все было благополучно, Коля свистел, как снегирь. Если к шалашу приближался посторонний человек, Коля начинал свистеть на другой лад, и мы понимали: тревога. Тогда Ильич надевал парик и брал в руки грабли.

Обычно в своем «зеленом кабинете» Ильич сидел без парика: ведь в такую жару и надевать его было неприятно.

Мы условились, что все товарищи, приезжающие к

Ильичу, приходят в сарай, сообщают Надежде Кондратьевне пароль, и только после этого она переправляет их за озеро.

На второй день после переселения в шалаш к жене явился человек с симпатичным, открытым лицом южанина. Первый пароль он сказал, но второй, ответный, не то позабыл, не то и вовсе не знал. Что тут было делать? Он очень рвался к Ильичу, но, уговаривая Надежду Кондратьевну помочь ему, даже как-то смущался. Наконец после долгих колебаний моя жена позвала Сережу и попросила отвезти товарища за озеро.

Сережа переправил незнакомца и, подходя к шалашу, зашвырнул снегирем. Тут же из-за кустов появился Владимир Ильич. Он направился к приезжему и очень приветливо поздоровался с ним. Тот ответил сдержанно. Тогда Ильич ударил его по плечу:

— Что, товарищ Серго, не узнаешь?

Обрадованный Орджоникидзе — а это был он — схватил руку Ильича и энергично пожал ее.

Ильич предложил ему поужинать вместе с нами. Правда, у нас всего-навсего была селедка да немножко сахара к чаю.

Поужинав, Серго вместе с Ильичем забрались в стог сена и долго беседовали. Орджоникидзе рассказал Ильичу о том, что происходило в Петрограде, о настроениях рабочих, солдат, о деятельности большевистских организаций, о том, что творилось в Петроградском Совете и в эсеро-меньшевистском Центральном Исполнительном Комитете.

Ильич сказал ему, что, так как меньшевики составляют в Советах большинство, Советы уронили себя в глазах рабочих.

— Теперь, — говорил Ленин, — центр тяжести всей нашей работы надо перенести на заводы. Наша опора — фабзавкомы.

Иногда наш шалаш напоминал штаб. Почти ежедневно бывал здесь Дзержинский, очень часто наезжал к нам Свердлов.

В ту пору подготавливался и был проведен VI съезд нашей партии. Тот, кто был душою съезда, скрывался в шалаше.

Да и съезд, можно сказать, находился на нелегальном положении.

Готовя съезд, направляя его работу, Ильич подробно и подолгу беседовал с товарищами, которые его проводили. Съезд выбрал Ленина почетным председателем, выбрал его в ЦК, вынес решение, чтобы Владимир Ильич не являлся на суд. Ведь все понимали, что враги только и мечтают учинить расправу над Лениным.

А жизнь в шалаше шла своим чередом. Только Коля чаще свистел снегирем, предупреждая Ильича, что к нам идут свои.

В это же время в июле и августе в наших большевистских газетах, которые с таким трудом выходили тогда в свет, появлялись одна за другой статьи Ильича. Даже как-то не верилось, что они могли проделать такой опасный путь из «зеленого кабинета» в петроградскую типографию и возвращались к нам уже напечатанными в газетах «Пролетарское дело», «Рабочий и солдат», «Рабочий», «Пролетарий». Я знал, как жадно читали статьи Ильича на заводе.

Связь Ильича с Петроградом была бесперебойной, но добираться до нас не всегда было просто. Так как Дзержинский бывал в шалаше чаще всех, ему и приходилось переносить больше трудностей. Связаны они были и с мерами предосторожности, которые он принимал, чтобы не навести ищеек на след Ильича.

Обычно Дзержинский добирался к нам кружным путем. Иногда ехал до станции Тарховка, а потом продолжал свой путь пешком.

В непогоду особенно трудно было переправляться через наше озеро: оно превращалось в маленькое море, становилось бурным.

Как-то Дзержинский приехал в такой непогожий день. Он уже возвращался от нас, когда поднялся сильный ветер. Феликс Эдмундович решил обойти озеро. Провожал его Коля. У Глиняного ручья, впадающего в наше озеро, вода разлилась, и Коля с Феликсом Эдмундовичем сели в охотничью

байдарку. Но ветер опрокинул байдарку, Дзержинский и Коля упали в воду. Они вымокли до нитки. Дзержинский устал и продрог, но ни за что не хотел повременить с возвращением. Он торопился выполнить поручение Ленина.

Коля вернулся и все рассказал нам. Владимир Ильич сокрушался, как это Дзержинский отправился в обратный путь в таком состоянии, а Коля успокаивал его как мог.

— Феликс Эдмундович,— уверял он,— выжал одежду досуха.

Однажды приехали к нам Свердлов, Орджоникидзе и Дзержинский. Они, сидя у шалаша, совещались с Ильичем.

Я подошел в тот момент, когда Ильич говорил:

— К концу сентября, к октябрю будем готовить восстание.

Орджоникидзе удивился:

— Как же, Владимир Ильич, только недавно нас разгромили враги, мы в подполье, а вы думаете...

Ленин возразил:

— Революция шагает так, что мы едва поспеваем за ней. Вот давайте спросим у рабочего, что он думает об этом... Как, Николай Александрович, возьмем мы власть этой осенью?

— Возьмем, Владимир Ильич,— ответил я сразу. Ведь не впервые мы с ним говорили об этом.

Только Ильич умел вот так перейти от большого разговора к конкретному вопросу и вместе с простым рабочим решать коренное дело всей жизни России.

— Взять власть нетрудно, а удержать ее будет значительно труднее,— сказал он. И, как бы поймав меня на слове, продолжал, обращаясь ко мне: — Вы говорите: возьмем власть,— а сами-то примете участие в управлении?

Вот этот вопрос был для меня неожиданным, но я ответил то, что думал:

— Нет, Владимир Ильич.

— Почему же?

— Не хочу отходить от своих товарищей — рабочих. Да

к тому же и образование у меня недостаточное. Есть ведь у нас люди знающие, с настоящим образованием.

— Вы заблуждаетесь,—прямо сказал мне Ленин.— Управлять государством должны те люди, руками которых сейчас подготавливается и скоро будет совершена революция. Нужны честные, проверенные самой революционной жизнью люди, рабочие.

Я отвечал Ильичу, что все это верно, но, когда человек лично стремится к власти, он потом может и забыть про интересы тех, кто поставил его на большую должность. Поэтому я и сказал Ленину:

— Не хочу, чтобы со мной такое случилось.

Ленин и это мое возражение разбил:

— Если в пролетарском государстве кто и начнет забываться, а главное, забудет про тех, кому служит: про рабочих, крестьян-бедняков,—мы возьмем его за шиворот, встряхнем, просушим на солнышке и... на завод, лечиться. А зарплату тем, кого выберем в управление, положим такую, чтобы не зарождалось барство.

Ленин умел втянуть каждого в серьезный политический разговор, учил самостоятельно думать.

Иногда подолгу происходили у него трудные разговоры, споры с Зиновьевым. Ильич подробно высказывал свою точку зрения на будущие события, а у Зиновьева было слишком много возражений, и мне представлялось иной раз, что не всегда он доверял революционным возможностям рабочего класса. Но проявилось особенно сильно это вскоре, накануне решающих событий революции¹.

Самые острые разговоры происходили у нас во время чтения газет. Их каждый день доставляли в шалаш мои сыновья. Про газеты речь зашла в первый же день, как Ильич поселил-

¹ Зиновьев считал вооруженное восстание в октябре 1917 года преждевременным. И, несмотря на то что ЦК партии большевиков принял секретное решение о вооруженном восстании, он вместе с Каменевым выступил в печати против этого решения, разгласив тем самым партийную тайну. Ленин считал этот поступок предательским и потребовал исключения Зиновьева и Каменева из партии.

ся у нас в сарае. Он попросил покупать ему ежедневно все газеты. Чтобы не привлекать внимания, Надежда Кондратьевна и сыновья приобретали их в разных местах. Ходили за ними в Сестрорецк, на курорт, в Тарховку.

Когда мы переселились в шалаш, Надежда Кондратьевна продолжала готовить нам обеды в сарае. Каждый день она посылала ребят или сама привозила газеты и обед.

Однажды разыгралась на озере буря. Жена сама правила лодкой. Мы с Ильичем видели, что ей приходится туго. Она с большим трудом направила лодку к нам. И тут Ильич, боясь, чтобы лодка не опрокинулась, бросился, как был, одетый в воду и помог Надежде Кондратьевне благополучно довести лодку до берега.

Газеты он читал так, будто видел перед собой не строчки, а людей, которые их написали. Он спорил со своими противниками вслух.

— Ах, шуты гороховые! — часто восклицал он, читая буржуазные газеты.— И как они изощряются в ругани, чего только не нагородят, и все с больной головы на здоровую!

На Ильича в те дни клеветали без удержу. Чего только не говорили про него! Будто он улетел на аэроплане через Финляндию в Германию, к «своим»; что, мол, скрывается он в Кронштадте. А то видели его на курорте с рыжей бородой и в красной рубаше, и будто ударился он в торговлю.

Владимир Ильич смеялся:

— Слыхали, Николай Александрович? Я теперь, говорят, уже и купцом заделался.

Некоторые слухи меня очень беспокоили: так, например, говорили, что Ильич работает на Сестрорецком заводе слесарем. Я понимал, что враги рыскают кругом. И действительно, иногда они подходили к нам вплотную.

Как-то ночью мы проснулись в шалаше от стрельбы. Стреляли близко. Я пошел разузнать, в чем дело. Оказывается, ночью из Финляндии на Сестрорецк была двинута войсковая часть под командованием капитана Гвоздева.

Всю ночь прочесывали местность, стреляли. Собрались

устроить в Сестрорецке повальный обыск, но осеклись. Связаться с рабочими было тогда для них уже не так просто.

Населению приказали немедленно снести на площадь все оружие. Угрожали беспощадно расправиться с теми, кто попытается утаить его. В ту же ночь арестовали восемь большевиков с нашего завода.

Когда я возвратился в шалаш, Ильича там не было. Я отправился его разыскивать. Прошел километра три по лесу, все свистел снегирем. Наконец услышал ответный свист. Я прибавил шаг, и мне навстречу выбежал Коля.

— Владимир Ильич думал, что могут нагрянуть к нам в шалаш, вот мы и ушли в лес.

Ильича я застал в глубоком раздумье. Он выслушал меня и сказал коротко и, как мне показалось, устало:

— Нащупывают.

К утру мы вернулись в шалаш.

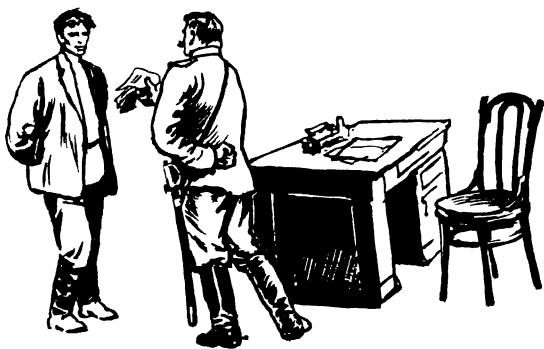
...Погода становилась дождливой, и шалаш не всегда был для нас надежным укрытием. Вместе с Ильичем мы нарубили

веток и покрыли шалаш еще несколькими слоями ветвей и сена. Надежда Кондратьевна привезла теплую одежду. Но ночи становились всё холоднее и холоднее, и мы с трудом могли согреться.

Пора было Ильичу уходить с покоса. Да и после ночного налета на лес у нас уже не было чувства безопасности. ЦК решил переправить Ленина в Финляндию. Ильич попросил меня достать

ему заводской пропуск. Многие рабочие нашего завода жили поблизости, в финском поселке Райволо, и по своим пропускам имели право переходить границу.

Как опытный слесарь и староста цеха, я и раньше часто заходил к помощнику начальника завода Дмитриевскому.

Его кабинет находился рядом с нашим цехом. На столе у него я видел пропуска уволенных рабочих.

В эти дни я решил снова навестить Дмитриевского. Уловив удобный момент, я незаметно взял несколько пропусков и принес их Ильичу. Он выбрал пропуск на имя Иванова Константина Петровича.

К нам в шалаш прислали товарища Лещенко сфотографировать Ильича. Ленин снялся в парике, и эту фотографию мы приклеили к пропуску. Но на пропуске сохранилась половина оттиска печати, а другая половина печати должна была быть на фотографии.

По совету Ильича я нашел знакомого рабочего-слесаря, который в военном комиссариате разносил еду арестованным. После долгих уговоров он вскрыл стол своего начальника и вытащил печать. Мы поставили ее на фотографию. Теперь пропуск был оформлен по всем правилам и инструкциям. Печать я вернул.

Расчет наш строился на том, что постоянно пьяный начальник не заметит перемещения печати из стола в его собственный карман. Так оно и случилось.

Получив пропуск, Ильич долго стоял в раздумье, прислонясь к дереву. Он рассматривал свою фотографию, приклеенную к пропуску, будто недоумевал. Потом обратился ко мне:

— Николай Александрович, пожалуйста, посмотрите на меня внимательно.

Я принялся разглядывать Ильича, но уже так хорошо знал каждую черточку на его лице, что ничего нового не заметил.

— Ну, что видите?

— Ничего.

— А как лицо?

Думаю: шутит Ильич.

— Вижу лицо.

— А на лице что видите?

— Нос, рот, глаза.

Ильич оживился:

— Вот-вот! А что глаза?

— Моргают.

Но Ильич не улыбнулся.

— «Моргают, моргают»! Да ведь они же у меня раскосые. Юнкера могут по глазам узнать.

— Что вы, Владимир Ильич! Да мало ли людей с раскосыми глазами! Что же, всех их и будут принимать за Ленина?

Ильич рассмеялся и поблагодарил меня за пропуск.

— Этот документ мне очень нравится,— сказал он.

Перед тем Зиновьев уехал в Петроград. Уже готовились покинуть шалаш и мы, как вдруг услышали: Коля свистит, предупреждая нас о приближении посторонних. Вскоре он появился и сообщил:

— Сюда идут парнишка с ближнего покоса и его отец. Подходит паренек и спрашивает:

— Дяденька, вы кончили косьбу?

— Кончаем. А что?

Тут подоспел его отец:

— Славный у тебя стог! Видно, чухна хорошо косит.

В ту пору у нас так грубо называли финнов.

— А по-русски он говорит?

— Нет,— ответил я.— Разговариваю с ним по-фински.

— Скажи ему, чтобы он у меня день или хоть полдня поработал. Я один не управлюсь. Боязно, что дожди захватят. Хорошо заплачу ему.

Я всполошился:

— Что ты, что ты! И не надейся на этого упрямого! Я сам просил его еще покосить для меня у озера, так он ни в какую. Собрался уходить — и все.

Ильич сидел у стога с безучастным лицом.

— Видишь, уперся! Пускай уходит,— добавил я.

Рабочий и его паренек ушли, а я перевел дух. Очень уж нехстати было это посещение.

Но не успел я опомниться, как Владимир Ильич вскочил, отвесил мне поклон и сказал:

— Ну, Николай Александрович, спасибо, что в работники меня не отдали!

План ухода из шалаша был такой: мы отправляемся на станцию Дибуну, оттуда Ленин и сопровождающие его товарищи Шотман и Рахья поездом едут до станции Удельной. Уехать из Удельной Ленин должен был на паровозе. Он поручил товарищам еще раз проверить машиниста.

Ильич спросил меня, хорошо ли я знаю дорогу на Дибуну, осмотрел ли я ее перед нашим выходом: ведь идти мы собирались ночью, почти на ощупь.

— Дорога прямая, никуда не сворачивает,— уверенно ответил я.

Понадеялся я на свою память — и напрасно.

Шли мы долго и заблудились. Чувствую, пора бы нам уже выйти к железнодорожному полотну, а лес будто и не кончается.

Наконец лес заметно поредел, но было так темно, что мне пришлось присесть и руками нащупывать землю. Я искал место, где начинались железнодорожные пути. Прошли мы еще немножко вперед, выбрались на линию. Говорю Ильичу:

— Теперь все в порядке.

А Ильич ответил мне:

— Не всегда бывает хороший конец, когда положено плохое начало. В таких обстоятельствах, в которых находимся мы, надо шесть раз отмерить — на седьмой отрезать. Дорогу нужно было проверить заранее.

Около станции Ильич спрятался в кустарник. В это время к нам подошел офицер. Он проверил документы у Шотмана и Рахьи. У них все оказалось в полном порядке, да и одеты Шотман и Рахья были прилично, не вызывали подозрений. Офицер и у меня потребовал документы.

— Я рабочий Сестрорецкого завода,— объяснил я ему.

— А что ты тут делаешь ночью?

Офицер повел меня на станцию.

«Теперь надо выиграть время, отвлечь его внимание от Ильича,— подумал я.— Надо задержать офицера, пока не уйдет поезд, а там будь что будет».

Офицер разъярился:

— Как ты смеешь моего дядю оскорблять?

«Ну вот хорошо! — подумал я. — Теперь ты долго будешь кричать, а время-то пока идет».

И верно. Хотя ему и доложили, что подошел поезд, он только отмахнулся, продолжая что-то писать и ругаться.

В это время приоткрылась дверь, и мне кивнул Шотман: все, мол, в порядке.

Меня решили отправить в Белоостров. Под конвоем вывели из комнаты, посадили в вагон. Но мне повезло: в вагон, где я сидел, заглянул знакомый унтер-офицер Смирнов.

Он спросил, что со мною приключилось, и, обругав офицера, сказал:

— Беги.

Он ушел, оставив открытой дверь купе.

Когда я добрался до дому, усталость валила меня с ног. Эта ночь была слишком тяжелой. Я сейчас же лег и заснул. Проснулся от громкого плача моей жены.

— Что же наделали, что же натворили! — причитала она.

Оказывается, пришла связная и, ничего не зная о моем возвращении, сказала Надежде Кондратьевне:

— Его арестовали, но ему помогут бежать.

Это по просьбе Ильича велели передать Надежде Кондратьевне. Но жена подумала, что речь идет о Ленине, а не обо мне. Вскоре все разъяснилось, и она успокоилась.

Потом я узнал, что в Белоострове поезд обыскивали, закрыв все вагоны. Рахья и Шотман оказались изолированными от Ильича, который уже сел на паровоз. Машинист не растерялся, отцепил паровоз и поехал набирать воду. Вернулся он перед последним свистком. Таким образом Ильич избежал проверки и благополучно перебрался в Финляндию. Перед тем как сесть на паровоз, он передал Шотману свою синюю тетрадку, попросил сберечь ее и в случае ареста передать кому-нибудь из членов ЦК.

Как только Ильич попал в Финляндию, он взял у Шотмана эту тетрадь и спрятал ее за пазуху. Так Ильич оберегал мате-

риалы, которые вошли в его труд «Государство и революция». Завершил он эту работу уже в Гельсингфорсе.

Спустя много лет я прочел в одном из первых номеров «Ленинского сборника» записку Ильича Каменеву, которая была написана в июле 1917 года, как раз в тот момент, когда Ленин был вынужден скрываться. Беспокоясь за судьбу своей работы, он очень просто и даже деловито писал о возможной своей гибели. А я ведь столько времени прожил с ним рядом и всегда видел его жизнерадостным. Бывало и так, что именно он поддерживал во мне бодрость:

— Вы, Николай Александрович, не давайте себе опускаться, а всегда надейтесь.

Он любил повторять эту фразу.

В записке, которую писал Ильич, было выражено убеждение в необходимости того труда, который оставался даже и в том случае, если погибал его автор.

Он писал: «Entre nous¹: если меня укокошат, я Вас прошу издать мою тетрадку: «Марксизм о государстве» (застряла в Стокгольме). Синяя обложка, переплетенная. Собраны все цитаты из Маркса и Энгельса, равно из Каутского против Паннекука. Есть ряд замечаний и заметок, формулировок. Думаю, что в неделю работы можно издать. Считаю важным, ибо не только Плеханов, но и Каутский напутали. Условие: все сие абсолютно entre nous!»

Так мог писать только человек, у которого было дело, касающееся всех рабочих людей земли.

Через три или четыре дня после отъезда Ленина к нам приехала Надежда Константиновна Крупская.

— Помогите и мне достать пропуск, мне нужно пробраться к Ильичу.

Пропуска для тех, кто не работал на заводе, но жил в Райволо, выдавал волостной староста. Надежда Кондратьевна взялась достать пропуск через его жену, с которой была знакома.

¹ Между нами (франц.).

Пропуск выправили на имя моей тетки Агафьи Атамановой — кстати сказать, за месяц перед тем умершей в Райволо. Надежда Кондратьевна объяснила старосте, что пропуск нашей тетеньке нужен по семейным делам.

Когда Крупская вторично приехала к нам, мы одели ее в деревенское платье, снабдили пропуском. Теперь она могла благополучно перебраться через границу. Перед отъездом Крупская развязала платочек и вынула оттуда 75 рублей.

— Возьмите, пожалуйста, — сказала она мне. — Теперь я получила деньги, а Ильич так долго жил у вас...

Я обиделся и вернул ей деньги. Проводил Надежду Константиновну через Дюны до станции Оллило, купил ей билет на Териоки, посадил в вагон и вернулся домой.

Но все-таки Надежда Константиновна переупрямила меня: засунула деньги под тарелку.

Осенью, когда мы встретились в Смольном, Надежда Константиновна сказала:

— Спасибо вам за заботу. Я не вызвала тогда никаких подозрений, хорошо доехала до Ильича.

В Октябрьские дни нас, семь человек депутатов от Сестрорецка, направили в Смольный. Сюда же доставили на машинах оружие, сделанное нашими руками. И здесь, в Смольном, 24 октября весь день и всю ночь мы его раздавали...

В те дни я видел Ильича мельком. Мы были так заняты, что и поговорить не могли. Только Ильич мог выдержать всю сутолоку Смольного, продолжая в такой обстановке свою огромную работу.

Ночью, когда я укладывался спать в коридоре Смольного на полу, я по душам разговаривал с красногвардейцами, солдатами, которые ложились спать рядом со мною, подложив под голову мешок или холщовую сумку. Часто тогда мы говорили об удивительном и близком нам человеке — Владимире Ильиче. В то время я и не думал рассказывать, что жил вместе с Лениным в одном шалаше. Но сам хорошо помнил слова, которые часто любил повторять Владимир Ильич:

— Всегда надейся!

ОКТЯБРЬСКИЙ ВЕТЕР

Е.А. Дробкина

В 16 лет вступила в партию. С июня 1917 года работала в Петрограде, одна из первых организаторов Союзов молодежи, будущего Комсомола.

В то далекое чудесное время через дорогу наискосок от дворца Кшесинской высилось грубо сколоченное, обшарпанное, пропахшее конским потом, махоркой и аммиаком, залепленное старыми афишами круглое серое здание цирка. Это был цирк «Модерн».

О цирк «Модерн», цирк «Модерн»! Может ли забыть тебя тот, кто летом и осенью семнадцатого года хоть раз побывал в твоих грязных, облупленных стенах?

Недаром кто-то (не Маяковский ли?) тогда провозгласил: «Чтоб дать отпор буржуйской скверне, спеши, товарищ, на митинг в «Модерне»!» Недаром сложенная тогда же песня

утверждала: «Не видал тот революции, кто в «Модерне» не бывал!» Выстроенный по прихоти судьбы в центре богатых кварталов, этот огромный цирк с первых же дней после падения самодержавия сделался пристанищем самых боевых кругов петроградского пролетариата и гарнизона.

Народу там набивалось — не продохнешь! Сидишь, бывало, зажатая с обеих сторон так, что пальцем не шевельнуть, твои ноги на чьей-то голове, на твоей голове — чьи-то ноги! Электричество не горит (об этом позаботилось Временное правительство. Но напрасны были его надежды сорвать таким способом собрания в «Модерне»). Рядом с ораторской трибуной пылает смоляной факел. Черно-багровое пламя колеблется под дыханием толпы; огненные отблески пробегают по лицам людей, заполнивших все места, арену, проходы, ложи и чуть ли не свисающих с барьеров и люстр.

Один оратор сменяет другого: тут и посланцы большевистской партии — Володарский, Крыленко, Слуцкий; и солдаты, приехавшие с фронта; и матросы из Кронштадта и Свеаборга; и рабочие с «Русского Рено», «Парвизайнена», «Путиловца». Цирк гудит. Он вздыхает, радуется, негодует, как один человек.

— Товарищи! Дадим ли мы Временному правительству накинуть нам на шею удавную петлю? — спрашивает оратор.

— Не дадим! Не дадим! — отвечает цирк.

— Позволим ли продолжать проклятую бойню?

— Не позволим! Долой! Пусть Керенский сам в окопах вшей кормит, а с нас хватит!

— Товарищи, оставим ли мы землю помещикам?

— Не оставим! Себе возьмем!

— Кому же, товарищи, должна принадлежать власть?

— Советам! Вся власть Советам!

И вот настал Октябрь, великий Октябрь семнадцатого года! События развивались все стремительней. Чувствовалось, что развязка близка.

Еще не так давно этого чувства не было. Но теперь, с конца сентября — начала октября, его испытывали все — и друзья революции и ее враги.

«Революция приближается! — писала в эти дни буржуазная и меньшевистско-эсеровская печать. — Барометр указывает бурю, и на горизонте показалась тень Ленина!»

Тень Ленина? Ошибаетесь, господа... Нет, это не тень! Это сам Ленин, полный неукротимой энергии и страстного желания борьбы! Пренебрегая опасностью для жизни, он, переодевшись кочегаром, пробрался на паровозе в Питер и поселился на Выборгской стороне, в квартире Маргариты Васильевны Фофановой, чтобы непосредственно руководить подготовкой восстания.

Нет, это не тень! Это живой Ленин принимает участие в заседаниях Центрального Комитета партии; разоблачает штрейкбрехеров революции; напоминает об учении Маркса о восстании, как искусстве; доказывает, что кризис назрел, что все будущее русской и международной революции поставлено на карту; требует от партии по-деловому, практически заняться технической стороной восстания, чтоб сохранить за собой инициативу и в ближайшее же время приступить к решительным действиям.

Это он, Ленин, из глубокого подполья направляет работу партии... Это его голос звучит набатом со страниц большевистских газет и находит горячий отклик в сердцах рабочих, матросов, солдат и крестьян!

О том, что Владимир Ильич вернулся в Питер, было известно лишь самому узкому кругу товарищей. Но мы, рядовые члены партии, не зная о его приезде, ощущали его близкое присутствие. словно в строй вступила мощная турбина — так энергично, быстро, четко завертели все валы партийного механизма. И каждая его самая малая шестеренка напрягала все силы, чтобы была достигнута цель, поставленная партией.

Встанешь утром, кое-как умоешься, выпьешь наскоро стакан чая—и в путь! За день надо переделать кучу дел: сначала побывать на Выборгской стороне; оттуда—отправиться на Фурштадтскую, 19, в секретариат Центрального Комитета партии; оттуда—в Смольный, потом в Московский полк, чтобы пострелять на стрельбище, которое он предоставил в распоряжение штаба Красной гвардии; оттуда—на собрание Союза рабочей молодежи в помещении одной из шумных грязных чайных с неожиданными названиями: «Зимний сад» или «Тихая долина»; оттуда—на митинг в Пулеметном полку или на заводе «Новый Лесснер» и еще в добрый десяток мест.

Работа шла быстро. Все вопросы подвергались страстному обсуждению, и тут же по ним принимались решения. Если надо было что-то сделать, кто-нибудь брался это сделать и сам находил себе помощников. А большинство дел делалось всеми сообща: надо записываться в Красную гвардию—все записываются в Красную гвардию; надо собирать оружие—все собирают оружие.

Велась ли тогда служба погоды? Если да, ее записи за октябрь семнадцатого года должны гласить: «Облачность низкая, без прояснений, временами дождь и мокрый снег. Ветер порывистый, умеренный до сильного. Температура ночью минус пять—минус семь, днем—около нуля».

Но ежели спросить, какой была в те дни погода, любого участника Октября, он задумается, пожмет плечами, улыбнется воспоминанию, разведет руками и скажет: «Великолепная! Великолепнейшая! Воздух свежий, бодрящий... Молоденький снежок... Этаким приятный питерский туман, смешанный с дымом костров... И ко всему—ветер. Отличный ветер, веселый, порывистый. Именно такой ветер, какому и положено быть в дни, когда с земли выметается нечисть старого мира».

Было ли холодно? Конечно... Бежишь по улице, и зуб на зуб не попадает. Не беда, нам не привыкать. Зато у буржуев косточки померзнут. Пусть узнают, гады, почем фунт лиха!

Поздней ночью Владимир Ильич идет по тревожному, затишшему Петрограду. Город как осажденная крепость: патрули юнкеров на улицах, разъезды казаков на заставах. Но рабочие и солдаты готовы к борьбе, и с ними их вождь и учитель — Ленин!

...Оружие, оружие, оружие! За вчерашний день нам удалось достать семь винтовок, три нагана, браунинг без патронов... За Нарвской заставой ребята раздобыли два пулемета... Говорят, что патроны можно достать в Новой деревне... А перевязочный материал выдают на Петроградской стороне... Повсюду идет поспешное обучение красногвардейцев и санитаров. Инструктор — безусый солдатик — объясняет: «Главное, не бойсь... Ползи вперед и пали с винтовки». Студент-медик сыплет скороговоркой: «На рану кладется марля, на марлю кладется вата, на вату накладывается повязка...» Тут же все принимаются бинтовать друг друга. Курс обучения — двухчасовой.

Темные ночи, темные улицы... Как изменился Питер за последние два месяца! Исчезли красные банты, украшавшие и шелковый лацкан фрака, и замызганную шинель солдата. С лиц сошло выражение умильно-благостного восторга. Буржуазные кварталы погрузились в тишину. Особняки миллионеров и иностранных посольств словно вымерли: парадные двери замкнуты на прочные засовы, зеркальные окна затянуты толстыми шторами.

Эта тишина, мы знаем, обманчива. Буржуазия не спит. Буржуазия бодрствует. Буржуазия сплачивает свои силы. Буржуазия плетет сети заговоров против революции.

«Промедление смерти подобно!» Эти слова звучали в те дни по всему рабочему Питеру.

«Промедление смерти подобно!» — говорил вожак петроградской рабочей молодежи Вася Алексеев, требуя от нас, чтоб мы протянули живую нить от Союза рабочей молодежи к каждому молодому рабочему и работнице.

«Промедление смерти подобно!» — восклицал на митинге солдат-фронтовик, призывая сплотить силы рабочих и солдат для восстания против Временного правительства.

«Промедление смерти подобно!» — заявлял рабочий за-

вода «Айваз», заканчивая свою речь, направленную против соглашателей, которые «задумали построить с капиталистическими волками овечий дом» и которых он предлагал «выгнать поганой метлой из Советов».

«Промедление смерти подобно!» — несколько раз повторила Женя Егорова, секретарь Выборгского районного комитета партии, выступая перед коммунистами района на собрании, посвященном сбору оружия, мобилизации красногвардейцев, устройству перевязочных пунктов, обогревалок и кипяtilьников, установлению прочной, надежной связи и взаимодействию между красногвардейскими отрядами и революционными солдатскими полками.

Как, откуда пришли эти слова?

Это Владимир Ильич Ленин в «Письме к товарищам большевикам, участвующим на областном съезде Советов Северной области» провозгласил, что час действия настал, что «промедление смерти подобно!».

Утро 24 октября застало меня на Выборгской стороне.

Сначала я бегала по делам Союза рабочей молодежи, потом оказалась в районном комитете партии. Там было полно народу. Все время прибегали люди с винтовками в руках. Меня усадили выписывать распоряжения об отпуске оружия, мандаты и еще какие-то бумаги.

Кругом все кипело, как в котле. Время несло с невероятной быстротой. Было уже за полночь, когда я услышала голос Жени Егоровой:

— А вы возьмите девочку. Оно не так заметно будет.

Обернувшись, я увидела, что посреди комнаты стоит Надежда Константиновна. Она куда-то шла, и мне велели пойти с нею, а если нас остановят, отвечать, что заболела бабушка и мы идем за врачом.

Когда мы вышли, нас обступила черная ночь. С того берега, за Невой, доносились глухие звуки выстрелов. Куда и зачем мы шли, я не знала. Шли мы долго, пока не подошли

к высокому дому на Сердобольской улице. Надежда Константиновна попросила подождать ее на улице. Она вернулась очень скоро, сильно взволнованная.

Лишь много позднее я узнала, что в этом доме находилась квартира Маргариты Васильевны Фофановой, где провел свое последнее подполье Владимир Ильич. В тот вечер он послал Маргариту Васильевну с письмом к членам Центрального Комитета партии — тем знаменитым письмом, которое начинается словами: «...Я пишу эти строки вечером 24-го, положение донельзя критическое. Яснее ясного, что теперь, уже поистине, промедление в восстании смерти подобно».

Не дождавшись возвращения Фофановой, Владимир Ильич ушел в Смольный. И вот Надежда Константиновна узнала сейчас, что Владимира Ильича нет, он ушел.

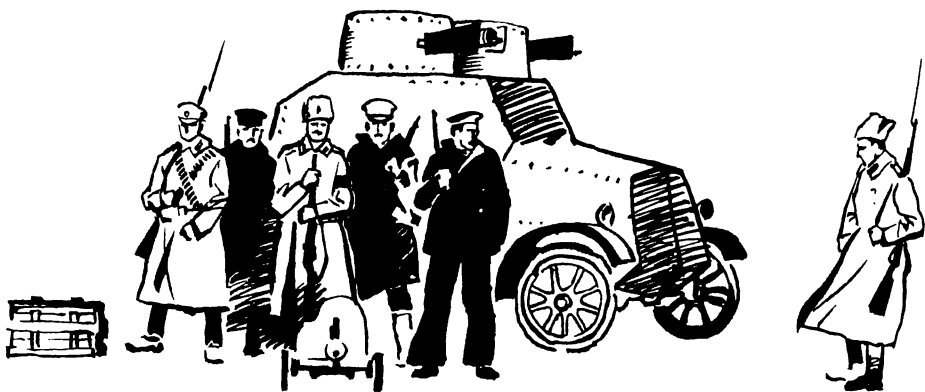
И снова мы шли по этим черным улицам. Надежда Константиновна вся сжалась, стараясь не выдать свою тревогу. Но когда мы пришли в райком, товарищи поняли по ее лицу, что случилось что-то необычайное, и кинулись к ней. Она сказала только: «В Смольный! Скорей в Смольный...» Женя Егорова подхватила ее под руку, и они умчались на каком-то грузовике.

Светать еще не начинало, но понемногу мрак сделался мутным, из темноты медленно выступили очертания домов. Когда мы вышли к Неве, на востоке занялась серая заря и можно стало различить гранитные ступени, низко осевшие баржи и тяжелый свинцовый блеск воды.

На Литейном мосту у конца, прилегающего к Выборгской стороне, дежурили красногвардейцы из отряда Патронного завода. С рабочей смекалкой они догадались снять с мостового механизма шестерни, шпонки и ручки. Поэтому Временное правительство, которое развело почти все мосты, чтоб отрезать рабочие окраины от центра города, Литейный мост развести не смогло.

На том конце моста у костра чернели фигуры солдат Керенского. Их окружили рабочие. Шел яростный спор. Рабочие уговаривали солдат перейти на сторону народа.

В Смольный мы попали часам к десяти утра 25 октября. Решетчатые ворота были раскрыты, прямо напротив них дежурил броневик. Вокруг здания были выложены штабеля дров; в случае вооруженной борьбы они послужили бы укрытием. Внизу, у колоннады, подняли вверх свои жерла пушки, рядом с ними — пулеметы. Длинные гулкие коридоры были

запружены красногвардейцами, солдатами, матросами. Слышался лязг оружия, стук винтовочных прикладов, слова команды, говор, восклицания. Все кругом двигалось, шумело, кричало, требовало, действовало. «Хаос», — сказал бы сторонний наблюдатель. Нет, не хаос, ибо каждая частица, подобно молекулам железа, попавшим в зону действия магнита, действовала согласно с господствовавшей надо всем волей рабочего класса.

Жизнь словно превратилась в сплошной летящий день. События неслись, сменяя одно другое. Но были в их потоке минуты, которые навеки врезались в память того, кто их пережил: это те минуты, когда в зале заседания Петроград-

ского Совета появился Владимир Ильич Ленин и быстро прошел к трибуне и все вскочили со своих мест и кричали от восторга, а потом, когда он остановил движением руки бурю приветствий, затаив дыхание слушали Владимира Ильича: «Товарищи! Рабочая и крестьянская революция, о необходимости которой все время говорили большевики, свершилась», а когда Владимир Ильич кончил, снова самозабвенно кричали и пели «Интернационал», и Владимир Ильич пел вместе со всеми, и рядом с ним стоял солдат с забинтованной головой, и у них обоих и у всех кругом были такие бесконечно счастливые, вдохновенные лица!

ПОСЛЕДНЕЕ ПОДПОЛЬЕ ИЛЬИЧА

М. В. Яодранова

После Февральской революции 1917 года — депутат Петроградского Совета; выполняла поручения Выборгского райкома партии. На ее квартире скрывался в своем последнем подполье Владимир Ильич.

Еще в первые дни пребывания у меня Владимир Ильич Ленин попросил достать подробный план города и путеводитель. С этим планом он не расставался вплоть до ночи 24 октября. Изучил его и перед каждым своим выходом определял маршрут, но как хороший конспиратор план предусмотрительно оставлял дома.

Первый раз Ильич вышел из дому в сопровождении Эйно Рахьи. Это было 7 октября.

Ходил Ильич всегда пешком и очень быстро. Он знал, что опасно пользоваться каким-нибудь транспортом, так как его, Ильича, усиленно искали.

Обычно выходил Ильич, когда совсем темнело. Я у него не спрашивала, куда он идет, но обязательно осведомлялась о часе возвращения. Так было условлено с Выборгским комитетом. В случае, если бы Ильич не вернулся в указанное время, я должна была сообщить об этом в комитет.

10 октября Ильич снова ушел из дому, с ним был Рахья. Только через несколько дней я узнала, что в тот вечер Ленин был на заседании ЦК. Это заседание происходило в доме, расположенном на берегу речки Малая Карповка.

Ильич должен был пройти до Малой Карповки километров семь, миновать несколько мостов через реки Большую и Малую Невки и Черную речку. Путь был долгий и небезопасный. На этом заседании Ленин призвал к захвату власти, к немедленной и планомерной подготовке вооруженного восстания, говорил о технической стороне этой подготовки: «...вопрос стоит очень остро, и решительный момент близок...

Большинство теперь за нами...

Лозунг перехода всей земли стал общим лозунгом крестьян».

Решение о немедленной подготовке восстания Центральный Комитет принял вопреки сопротивлению Зиновьева и Каменева.

В ту ночь я не могла сомкнуть глаз. Так как Ильич не вернулся в условленное время, я не находила себе места и вышла во двор, потом на улицу. Напрасно я вглядывалась — ничего не было видно. Ильич все не возвращался. Непрерывно ходила я по двору и не знала, что предпринять. Лишь под утро он вернулся.

Оказывается, вблизи от нашего дома его остановил патруль и потребовал документы. Владимир Ильич предъявил удостоверение на имя сестрорецкого рабочего Иванова. Удостоверение ему тут же вернули, но Ленин видел, что патруль продолжает свой обход по Сердобольской, и решил тогда пройти вверх, по железнодорожной насыпи за станцию Ланскую.

Обогнув дом, Ильич стал пробираться к нему через птицеводческий питомник и пролез через забор. Полы его черного пальто и ботинки были залеплены грязью. Ночью шел дождь, и болотистая земля совсем раскисла.

Наверно, патруль состоял из рабочих-красногвардейцев, но осторожность была необходима, и поэтому Ленин как настоящий конспиратор пошел кружным путем.

Ильич был очень утомлен и бледен. Перекинувшись со мной несколькими словами, он прошел в свою комнату.

С той ночи многое переменялось. Ильич все время находился в возбужденном состоянии.

Читая газеты, он часто вслух делал резкие замечания, иногда ударял ладонью по газетному листу.

Буржуазные газеты в те дни выражали крайнее беспокойство по поводу происходившего в Смольном съезда Советов северных областей. Эсеры и меньшевики пытались оклеветать самую идею Советов как органов власти, их доводы немедленно подхватила вся реакционная пресса. Это и вызвало возмущение Ильича.

Съезд проходил под знаком решений ЦК, и это было главное. На нем присутствовали представители Петрограда, Москвы, Новгорода, Старой Руссы, Ревеля, Архангельска, Гельсингфорса и многих других городов. Ильич еще 8 октября обратился к большевикам, принимавшим участие в съезде, с письмом о восстании. Оно сыграло важную роль. Даже враги вынуждены были признать в своих газетах, что победу на съезде одержали большевики.

13 октября я читала в «Рабочем пути» резолюцию съезда. Она подтверждала еще раз реальность ленинского плана: «Гибельная и предательская политика соглашательства с буржуазией с негодованием отвергается рабочими, солдатами, сознательными крестьянами... Наступил час, когда только решительным и единодушным выступлением всех Советов может быть спасена страна и революция и решен вопрос о центральной власти».

14 октября вечером Ильич, очень озабоченный, ушел из

дому. О цели этого выхода я тоже узнала только впоследствии. Ленин был в Ломанском переулке на квартире Гуго Ялавы, машиниста, на паровозе которого Ильич в августе 1917 года нелегально уехал в Финляндию, а спустя два месяца, в начале октября, вернулся в Петроград. На квартире Ялавы Ленин встретился с руководящими работниками партии, обсудил с ними практические вопросы вооруженного восстания.

Вечером 16 октября Ильич вместе с Рахьей направился на Болотную улицу, к большой двухэтажной деревянной даче. В ней помещалась Лесновская дума, и там должны были собраться члены ЦК, ПК, представители профсоюзов и другие товарищи. Ленин познакомил всех собравшихся с решением ЦК, принятым 10 октября, и снова вспыхнули споры с противниками немедленного вооруженного восстания.

Против ленинского плана выступили двое: Зиновьев и Каменев. Ильич, возражая им, разбил все их доводы. Он говорил о неизбежности восстания и требовал, чтобы к восстанию отнеслись как к сложному искусству.

Собрание приняло резолюцию, написанную Ильичем:

«Собрание вполне приветствует и всецело поддерживает резолюцию ЦК, призывает все организации и всех рабочих и солдат к всесторонней и усиленной подготовке вооруженного восстания...»

И на этот раз Ленин вернулся очень поздно. Но ни его утомленный вид, ни его волнение тогда меня не огорчили: главное, он вернулся домой целым и невредимым.

...Уже 19, 20 и 21 октября в большевистской газете «Рабочий путь» была напечатана статья Ильича «Письмо к товарищам».

Как всегда, последовательно и стремительно он опровергал противников вооруженного восстания. Ленин не мог простить им колебаний в такой решительный момент. Считая их поведение позорным, Ильич указывал на значение выступлений крестьян, видя в этом переход народа на сторону большевиков.

В «Письме к товарищам» я находила фразы, которые в эти дни часто слышала от Ильича. Так, он любил повторять, в противовес тем, кто боялся открыто взглянуть на события, происходящие в России: «Факты — упрямая вещь!»

Как он ненавидел трусливое «авось да небось» запуганных буржуазией противников вооруженного восстания! Ильич, воюя с трусами, повторял:

— Промедление в восстании смерти подобно!

С каким возмущением говорил он о тех, кто мешает готовиться к бою!

В разгар этой борьбы произошло еще одно событие, привлечшее самое пристальное внимание Ильича.

В последние дни газеты разных направлений обсуждали проект закона о земле министра земледелия эсера Маслова.

Ильич возмущался.

— Этот проект,— говорил он,— идет вразрез Наказу 242 крестьянских обществ.

Ильич попросил меня достать ему «Известия Совета крестьянских депутатов» и обязательно тот номер, где был напечатан Наказ. Я что-то долго не могла найти этот номер. Искала его в киосках, но безрезультатно. Только 17 октября купила газету в редакции «Известий» и перед уходом на работу завезла Ленину.

Когда я вернулась к обеду, Ильич, забыв о всякой конспирации, встретил меня у входных дверей.

— Маргарита Васильевна, что же вы так долго сегодня? Я вас целый день жду. Нет, вы только посмотрите! — говорил он, ведя меня в столовую и не дав снять пальто.— Какая же прекрасная вещь этот Наказ! Посмотрим, что левые эсеры будут делать после опубликования проекта Маслова. Теперь-то им надо будет с нами договориться. И вот увидите — мы договоримся! Крестьяне сами убедятся в том, кто им друг, и будут с нами.

После обеда, едва я успела собрать посуду со стола, Ленин развернул на столе Наказ. Мы читали его вслух. Ленин

склонился над листами «Известий» и подчеркивал самые важные места синим и красным карандашом.

18-го утром Ильич прочел в эсеровской газете «Дело народа» статью о том, будто законопроект Маслова служит интересам крестьян; на самом же деле он служил интересам помещиков. И тут же в газете была опубликована часть этого проекта.

— Подумайте! — говорил Ильич, обращаясь ко мне. — Предлагают землю на выкуп. Предлагают крестьянам: «Гоните денешки». А в Наказе говорится о безвозмездной передаче земли! Как же это эсеры оскандалились? И как они из этого скандального положения выкарабкаются?

Ильича проект Маслова не только возмущал, но по-своему и радовал.

— Теперь крестьянам будет виднее, и они наверняка разглядят, кто им друг, а кто враг. Ведь закон Маслова написан для спасения помещиков и для надувательства крестьян. Надо, чтобы крестьяне разобрались в этом.

Он все время возвращался к мысли о том, как ясно и точно сами крестьяне высказали свои требования.

— Прекрасно, что большие помещичьи хозяйства переходят в пользование государства, превращаются в показательные участки. Вот с помощью этого мы получим опытные социалистические хозяйства, — говорил Ильич.

Он то ходил по комнате, то останавливался, размышляя вслух. Потом умолкал, просунув большие пальцы обеих рук за проймы жилетки, и раскачивался, стоя на одном месте и улыбаясь, как бы вслушиваясь в смысл того, что в это время формулировал.

Читая Наказ, мы говорили с Ильичем о том, как крепко сидит в русском крестьянине мысль о земле. Припоминали события 1905—1906 годов. Я была свидетельницей крестьянских волнений в Рязанской губернии и об этом теперь рассказала Ильичу. И опять мы читали и перечитывали Наказ по пунктам.

Ленин уже обдумывал ответ министру — эсеру Маслову.

Спустя неделю, 24 октября, появилась в нашей газете «Рабочий путь» его статья «Новый обман крестьян партией эсеров».

Но в тот день, когда Ильич был так увлечен мыслью о разоблачении эсеров, его ожидал тяжелый удар.

Только вечером Ленин взял в руки газету «Новая жизнь». Он был потрясен, прочитав в этой непартийной газете выступление Зиновьева и Каменева, которые не только возражали против вооруженного восстания, но и выболтали врагам революции его сроки.

Ильич пришел в ярость. Он был в крайне возбужденном состоянии. Я чувствовала, что Ленину не хватает аудитории, ему необходимо было немедленно и публично изобличить штрейкбрехеров. Он испытывал тревогу за судьбы восстания.

Ильич понимал, что теперь тем более необходимо торопиться с восстанием, чтобы не дать Временному правительству опомниться и подготовиться.

Ильич говорил о поступке болтунов с гневом и возмущением. Он сказал, что товарищами считать их больше не может.

Пришла Надежда Константиновна. Она уже знала все. Ильич излил ей всю свою горечь и возмущение. Он говорил, что за такой поступок этих людей следует исключить из партии.

В тот же вечер он написал об этом «Письмо к членам партии большевиков».

Ильич писал: «...молчать перед фактом такого неслыханного штрейкбрехерства было бы преступлением...

Несомненно, что практический вред нанесен очень большой...

Трудное время. Тяжелая задача. Тяжелая измена».

Но и в эти горькие часы он ни на единый миг не сомневался в силе революционного пролетариата и сказал об этом в заключительных строках своего письма: «...пролетариат должен победить!»

Ночью Ильич не мог заснуть. И в последующие дни он не ложился без снотворного, но и оно ему не помогало.

В ночь на 21 октября Ильич снова вышел из дому. Поблизости от нашей квартиры, на той же Сердобольской улице, произошла встреча с руководителями Военной организации при ЦК партии, о чем я узнала от Ильича 24 октября. За день перед тем Военно-революционный комитет провел совещание представителей Петроградского гарнизона. Собрание заявило: «Мы все на своих постах, готовые победить или умереть».

А днем 22 октября в частях гарнизона и на заводах происходили митинги — солдаты и пролетарии выражали свою готовность к выступлению.

Восстание было уже делом дней, и Ильич сам проверял, как оно подготавливается.

24 октября волнение Ильича достигло высшего предела.

Я отправилась на работу с одной только мыслью: как можно скорее вернуться к Ильичу.

Вхожу в издательство, где я работала, навстречу мне:

— Маргарита Васильевна! Николаевский мост разведен.

Я узнала еще утром о разгроме типографии газеты «Рабочий путь».

Обычно в издательстве было тихо, все служащие сидели за своими конторками. Теперь все разговаривали громко, собирались группами. Говорили, что Керенский долго не удержится, власть в Советах теперь у большевиков.

Я немедленно ушла из издательства и пешком отправилась с Васильевского острова домой. Трамваи стали. Кто-то сказал, что разведен и Сампсониевский мост, по которому шло все движение с Петроградской стороны на Выборгскую. Я подошла к Гренадерскому мосту. Вблизи на лошадях разъезжали девицы из женского батальона смерти.

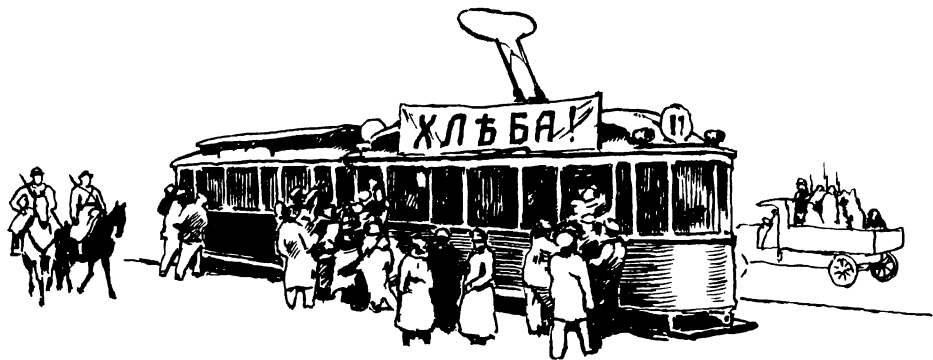
Меня выручил незнакомый рабочий — провел через мост и помог выбраться на Сампсониевский проспект.

Я поспешила к Ильичу.

Ленин задавал вопросы, на которые я не могла дать вразумительные ответы. Кто приказал развести мосты? С какой целью? Что делал женский батальон у Гренадерского моста?

Я могла только рассказать о возбуждении народа, вышедшего на улицы, и о том, что видела натянутые на трамваях полотнища, на которых было начертано: «Хлеба!»

Ильич с утра ничего не ел, и я попыталась вернуться к своим обязанностям хозяйки. Но, увидев, что я разжигаю керосинку, Ленин попросил меня оставить хлопоты и, не медля ни минуты, отнести его письмо в Выборгский комитет. Это было письмо, предназначенное Центральному Комитету.

Придя в Выборгский комитет, я вручила письмо Надежде Константиновне Крупской. Она вскоре передала Ильичу ответ ЦК: ему не разрешили покинуть квартиру.

Едва я успела войти, как Ильич взял из моих рук письмо и прочел его тут же, в коридоре. Он сказал:

— Чего они боятся за меня, чудаки? Не пойму!

И снова отправил меня в комитет с письмом.

И опять я принесла отрицательный ответ.

Ильич воскликнул:

— Их надо, в конце концов, переубедить!

Было, наверно, уже часов девять вечера. Я помню: Ленин с нетерпением поглядывал на часы, снова и снова доставая их из кармана жилетки. В третий раз отправляя меня в Выборгский комитет, Ильич с нескрываемым волнением твердил:

— Нельзя ждать. Можно потерять все! Ведь Подвойский

мне позавчера сказал, что у них в распоряжении есть такой-то и такой-то полки. Вы спросите, есть ли у них сто верных солдат или сто красногвардейцев с винтовками.

Пока Ленин в третий раз писал в ЦК, я на ходу приготовляла обед. Из кухни в столовую перенесла керосинку, поставила на нее кастрюлю, накрыла на стол.

Письма Ильича я вкладывала во внутренний карман пальто; они были написаны убористо, на небольших листочках.

Я отвезла членам ЦК письмо, которое сжато и точно определяло момент выступления:

«Товарищи!

Я пишу эти строки вечером 24-го, положение донельзя критическое. Яснее ясного, что теперь, уже поистине, промедление в восстании смерти подобно.

...Нельзя ждать!! Можно потерять все!!

...Взяв власть сегодня, мы берем ее не против Советов, а для них.

...Правительство колеблется. Надо добить его во что бы то ни стало!

Промедление в выступлении смерти подобно!»

Напутствуя меня в третий раз, Ильич сказал:

— Я жду вас до одиннадцати часов.

Я торопилась выполнить его поручение и так устала, что решила на обратном пути взять извозчика, а денег у меня не было. Пришлось попросить у Надежды Константиновны.

Я приехала за десять минут до срока, назначенного Ильичем.

Открываю дверь — темно. Как на грех, куда-то запропастились спички. Наконец нашла коробок, зажгла в кухне лампу. Зашла в столовую. Когда я прикоснулась к стеклу лампы, висевшей над столом, оно было еще горячим.

Подошла к комнате Ильича. Из щелей не пробивался, как обычно, свет. Неужели ушел? Открыла дверь — на вешалке нет пальто.

Я вернулась в столовую. На столе два прибора с остатками еды, но стоит и третий, чистый, для меня. Видимо, Ильич

ужинал с Эйно Рахья. Глубокая тарелка отодвинута, в ней узенькая, длинная записка:

«Ушел туда, куда вы не хотели, чтобы я уходил. До свидания».

И подпись:

«Ильич».

Записка сначала меня удивила, а потом обрадовала. Если, уходя из конспиративной квартиры, Ленин подписался своим именем, значит, он был уверен в успехе задуманного.

Я оставила в квартире все, как было, только погасила лампы, захватила с собой кусок хлеба и бросилась вслед за Ильичем.

Надо было заехать в Выборгский комитет, сообщить об уходе Владимира Ильича Ленина, но я торопилась в Смольный, туда, куда направился он.

Удалось сесть на случайно шедший в город трамвай. В Смольный я попала вместе с толпой.

Я вошла в комнату, где обычно собиралась фракция большевиков, и услышала крики: «Ильич, Ильич!» Протиснулась через толпу, окружавшую Ленина.

Рядом с Ильичем стояли Свердлов и неизменный Рахья.

Вижу, Ильич в волнении снимает с головы кепку вместе с париком и сует ее в карман пальто.

Так кончилась его конспирация.

На какое-то мгновение я почувствовала себя безработной, и меня охватила усталость. Пришлось сесть на окно. Но необходимо было вернуться в Выборгский комитет, повидать Крупскую. Я села в трамвай и... заснула. Проснулась только в трамвайном парке, добралась домой и впервые за месяц разделась и легла.

Сквозь сон я услышала звонок. С трудом поднялась. Кто же это? Ключ остался в комнате. Я только могла спросить:

— Кто?

— Это я, — ответила мне Надежда Константиновна. — А где Володя?

— Ушел в Смольный. Сейчас открою.

— Не надо, — сказала Надежда Константиновна, и я услышала, как она спускается по лестнице.

Двадцать пятого я поехала в Смольный и не уходила оттуда три дня подряд.

Мельком увидела Ильича, упрекнула его:

— Как же вы это ушли раньше времени?

Ильич хитро прищурился и ответил:

— И сколько вы еще будете помнить об этих десяти минутах?..

А назавтра, 26 октября, на Втором Всероссийском съезде Советов, провозглашая Декрет о земле, Ильич вслух зачитал Наказ 242-х, тот самый, который мы обсуждали у себя на квартире.

Этот номер «Известий» срочно понадобился Ленину. Меня в тот момент не могли разыскать, и сперва он отправил ко мне домой Марию Ильиничну, отдав ей свои ключи. В комнате Ленина она не нашла «Известий», и тогда уже пришлось за ними поехать мне.

То, что Ильич сказал, он выполнил! В первый же день существования нашего Советского государства съезд Советов принял декреты о земле и мире.

ВОЖДЬ ОКТЯБРЯ

Ж. М. Подвойский

Председатель Военной организации при ЦК большевиков. В дни Октябрьского вооруженного восстания — председатель Петроградского военнореволюционного комитета, один из руководителей штурма Зимнего.

Навсегда остался в памяти вечер 20 октября. После митинга в одном из полков спешу в Смольный.

В комнате много народу. Это — ответственное совещание представителей всех районов Петроградской организации большевиков и Военной организации при ЦК партии. Обсуждается вопрос о вооруженном восстании. Председательствует товарищ Свердлов. Посредине комнаты — небольшой стол, совсем простой, ничем не покрытый.

Напряжение в этот час вечера было сильное, а речи короткие. Проходит один доклад за другим о готовности рабо-

чих и солдат Петрограда к восстанию. Работники районов цифрами и фактами подтверждают: момент назрел...

В качестве председателя Военной организации большевистской партии я докладываю совещанию о Красной гвардии, войсковых частях и флоте.

Присутствующие слушают с напряженным вниманием, стараясь не пропустить ни слова.

Кончаю доклад и отхожу в сторону. В этот момент ко мне подходит Яков Михайлович Свердлов и шепотом говорит:

— Теперь пойдешь к Ильичу. Он вызывает тебя с отчетом о подготовке.

Свердлов сводит меня с Антоновым-Овсеенко. Ему тоже идти. Кроме нас, Ильич вызывает еще Невского. Все трое мы будем отчитываться перед ним о том, как Военная организация партии подготовила массы к восстанию. По соображениям осторожности решаем идти порознь, каждый со своим сопровождающим.

Ночь. Меня сопровождает коренной питерский рабочий т. Павлов. Строго соблюдая требования конспирации, идем, замечая след,— это намного дальше, но вернее. Последнее время охота за Ильичем заметно усилилась, по городу бродят десятки шпики, всюду расставлены замаскированные пикеты. «Временные» чувствуют, что господству их приходит конец, они понимают, какова роль Ленина в том, что массы все настойчивее и настойчивее требуют свержения власти буржуазии. Шпики с ног сбились, разыскивая Ленина.

Избегая встреч с патрулирующими юнкерами, идем по малохоженным улицам.

Вот Троицкий мост. Пройдя его, двигаемся по Петроградской стороне; делаем вид, что и не думаем направляться в Выборгский район.

Убедившись в том, что за нами никто не следит, переходим на Выборгскую сторону. Вот на этой улице находится дом, в котором нас ждет Ленин. Обходим его, осматриваем каждый уголок, нет ли подозрительных людей. На улице

пусто. Входим в ворота. Меня охватывает естественное волнение.

Поднимаемся. Осматриваемся. Стучим, как условлено. Дверь открывается — перед нами незнакомый человек. Владимир Ильич был так загримирован, что я узнал его только по голосу, когда услышал: «Здравствуйте, товарищ Подвойский».

Когда я шел сюда, то тщательно обдумывал, о чем, в какой последовательности буду делать «доклад».

Но на самом деле получился не доклад, а простая задушевная беседа.

Усадив нас, Владимир Ильич начал с Антонова-Овсеенко, предложив ему высказать свои соображения по поводу восстания. Антонов-Овсеенко сказал, что он не берется уверенно судить о положении в Петроградском гарнизоне, но что ему хорошо известно состояние Гельсингфорсского и отчасти Кронштадтского флота. Моряки готовы к выступлению...

Невский подтвердил, что флот восстанет — Антонов-Овсеенко прав.

...Подошел мой черед. Я сказал, что подготовка восстания проводится Военной организацией самым интенсивным образом, что принято решение направить ответственных товарищей на фронт.

Я указал, что принятому нами решению о связи с действующей армией Военная организация придает серьезное значение, а выполнение этого потребует известного срока. Поэтому целесообразно было бы восстание несколько отложить, дней так на десять. Тем более, что время явно работает на нас...

Внимание, с каким Ленин слушал мое сообщение о готовности к восстанию, сменилось крайним нетерпением, когда я заговорил об отсрочке.

— Вот именно! — перебивает он меня. — Как раз поэтому-то и нельзя откладывать! Всякое промедление с нашей стороны даст возможность правительственным партиям, обладающим мощным государственным аппаратом, подгото-

виться более решительно к разгрому нас с помощью вызванных для этого надежных войск с фронта. Ведь они, несомненно, осведомлены о предстоящем восстании... Готовятся к нему. А за время отсрочки подготовятся еще более. Вот ведь как! Восстание должно произойти до съезда Советов — особенно важно, чтобы съезд, поставленный перед свершившимся фактом взятия рабочим классом власти, сразу же закрепил бы декретами и организацией аппарата власти новый режим...

Предложив мне продолжать, Ленин снова приготовился слушать.

Я перешел к характеристике положения в Петроградском гарнизоне и в Красной гвардии... Указал, что рабочие с каждым днем всё настойчивее требуют оружия. Усилился приток в Красную гвардию молодежи.

Особенно обрадовало Ильича то, что военные занятия, проводившиеся ранее тайно, в скрытых местах, вдали от заводов и рабочих кварталов, перенесены теперь на территории предприятий и в манежи соседних войсковых частей. Но потом на лице его выразилось какое-то беспокойство. Владимир Ильич встал со своего места, подошел ко мне, взял меня за руку, подвел к дивану, стоявшему в углу комнаты, и, усадив рядом с собой, спросил:

— Полностью ли вы отвечаете за все сведения, сообщенные мне? Проверены ли они вами?

Я ответил. Руководящие члены Военной организации, в том числе и я, ежедневно бывают в отрядах Красной гвардии и в войсковых частях. Солдаты и офицеры, члены Военной организации, ведущие обучение Красной гвардии, а также руководители большевистских ячеек в войсках сообщают в Бюро военных организаций при ЦК партии каждый день сведения о ходе военных занятий и о росте большевистского влияния в среде солдатских масс.

И вот мне кажется, Владимир Ильич удовлетворен моим докладом. Я и сам доволен, получилось очень хорошо, картина полная, по всем вопросам даны исчерпывающие сведения — помогло, видать, то, что перед этим была «репетиция».

Но вот Ильич начинает донимать меня уточнением этих сведений. Кто сообщил? Когда сообщил? При каких обстоятельствах? Откуда следует, что на этот завод можно целиком положиться? Когда были перевыборы ротного или батальонного комитета? Кто от завода или полка послан при перевыборах в Петроградский Совет?

Я понимаю, что все эти вопросы «законные», но от неожиданности их меня начинает бросать то в жар, то в холод. А Ильич продолжает «уточнять». Из кого состоит районная дума? А районный Совет? Какая связь со штабом Красной гвардии у такого-то завода? Как связаны между собой заводы, войсковые части? А райком? Он как связан с войсковыми частями своего района? Откуда думает Военная организация получить оружие? Кто и как обучает рабочих стрельбе?

Теперь вопросы Ленина относятся уже к руководителям красногвардейских отрядов и батальонов. Но и от них я себя чувствую не лучше, чем неопытный боксер на ринге...

— Вот вы сказали, что на таком-то заводе хорошая боевая организация, в Красной гвардии триста человек, есть винтовки, есть патроны и даже пулеметы, говорите, есть? А кто там командир, вы знаете его?

— Да, знаю.

И я рассказываю, что мне о нем известно.

— Замечательный, говорите, человек? Голову положит за революцию? А какова его военная квалификация? Сам-то он умеет бить без промаха, хотя бы из револьвера? К пушке подойти сможет, если потребуется? А на автомобиле перевезет что-нибудь необходимое, если придется? Умеет он управлять автомобилем? Ну, а тактику уличных боев знают ваши командиры Красной гвардии?

Оказалось, что ни одного командира с этой стороны я не знаю. Владимир Ильич поднялся, заложил пальцы в жилетные карманы и укоризненно покачал головой:

— Ай-я-яй, вот так председатель Военной организации! Как же вы будете руководить восстанием, если вы не знаете, что представляют собой ваши командиры? Это недостаточно,

что они хорошие агитаторы, хорошие пропагандисты, что они хорошо делают доклад, прекрасные организаторы масс. Восстание — это не собрание для выслушивания докладов, восстание — это действие оружием. Там надо действовать, и действовать не только самоотверженно, но и умело, иначе самый малейший промах может стоить жизни красногвардейцам, революционным матросам и солдатам. Да что там жизни! Промех может поставить на карту весь исход восстания!

Я увидел, какую громадную ошибку мы допустили. Стало ясно, что Петроградская организация большевиков, повернувшая к восстанию гигантские массы рабочих и солдат, очень мало уделяла внимания чисто военным вопросам, а это являлось прямой обязанностью Военной организации. Мне в этот момент хотелось только одного: поскорее пойти обратно и засучив рукава начать наверстывать упущенное...

Заметив мое смущение, Владимир Ильич старался вывести меня из того неловкого положения, в котором я находился.

— Батенька мой,— сказал он,— восстание — это самый острейший вид войны. Это — великое искусство. Конечно, смелые командиры своим примером, дерзновением и храбростью делают чудеса. Но какой же это командир для вооруженного восстания, если он не умеет стрелять? Следует сейчас же заменить таких командиров другими. Руководители, не знающие тактики уличного боя, погубят восстание. И учтите, пожалуйста, что солдаты солдатами, но больше всего мы в своей борьбе должны рассчитывать на рабочих.

С этого момента я стал смотреть на восстание глазами Владимира Ильича. Теперь мне было ясно, что именно следовало сделать в те несколько дней, которые оставались до восстания. Надо было добиться того, чтобы Красная гвардия стала не только ведущей политической силой, но и ведущей военной силой, определяющей успех восстания.

— А уверены ли вы,— продолжал Владимир Ильич,— что командиры войсковых частей не подведут? Это ведь царские офицеры?

Я сообщил товарищу Ленину, что за четыре месяца вынужденного пребывания в подполье влияние большевиков в войсках выросло необычайно. В войсковых частях остались на своих местах только те командиры, которые признают контроль со стороны солдатских комитетов. Солдатские же комитеты, как я уже сообщал, находятся в большинстве воинских частей под влиянием большевиков. Даже в таком полку, как Семеновский, нам удастся проводить свои решения без особых усилий. Правда, Преображенский полк еще не наш, но мы уверены в том, что и его завоюем. Тут я перечислил тех командиров — главным образом пулеметных полков и некоторой части гвардейских полков, — которые безоговорочно примкнули к нам в последние дни.

— Какая силища у революции! — с особым удовлетворением сказал Владимир Ильич. — Теперь самое главное — это управлять ею так, чтобы победить, а без применения военной науки победить нельзя.

— Важнейшее дело сейчас, — продолжал Ленин, — подобрать ядро самоотверженных рабочих, особенно молодежи, способных пойти на гибель, но не отступить, не сдать позиций. Необходимо заранее составить из них специальные отряды, которые займут телефонную станцию, телеграф и, главное, мосты.

Мосты... Рабочие районы Петрограда были связаны между собой и с центром восемью мостами: Литейным, Троицким, Дворцовым, Николаевским, Охтенским, Большим и Малым Сампсониевскими, Тучковым. Удержать в своих руках эти мосты было делом насущно необходимым.

После этого Ленин перешел к вопросам вооружения.

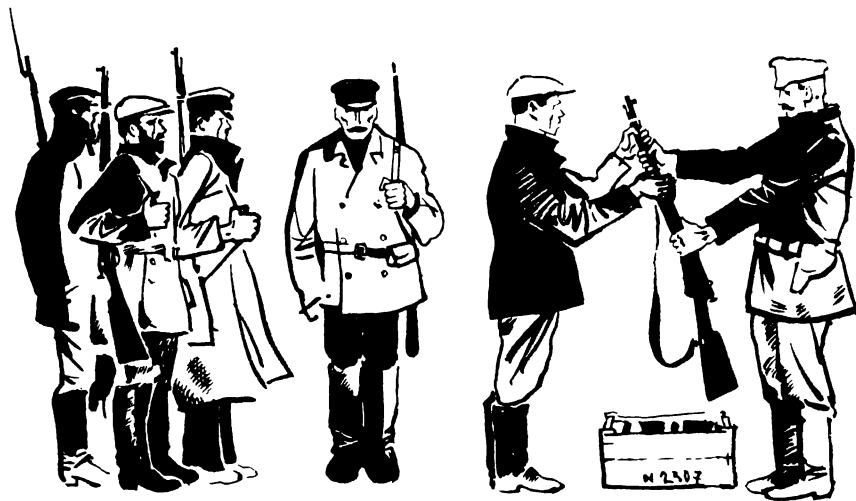
— Вы говорите, что рабочие все настойчивее и настойчивее требуют оружие. А где вы его собираетесь раздобыть?

Нашей гордостью, гордостью Военной организации, было то, что мы могли в любом полку вычерпать почти все оружие из цейхгаузов, потому что большевистские военные ячейки в каждом полку, на кораблях, в артиллерии представляли собой силу. Только казаков мы еще не сумели распропаган-

дировать. А во всех остальных частях округа и в ближайшей прифронтовой полосе у нас было такое положение, что оружие мы могли достать в любом количестве.

Но когда я об этом сказал Владимиру Ильичу, лицо его почему-то выразило не радость, не удовлетворение, а какое-то недоумение: что, мол, это он говорит?

— Позвольте... Чем больше мы выкачаем оружия у солдат, тем меньше им останется. Так ведь? — замечает Владимир Ильич.

...Да, над этим я как-то не подумал.

— Не годится! Надо теснее связаться с арсеналами и складами боеприпасов,— продолжал В. И. Ленин.— Там ведь тоже рабочие и солдаты. Разработайте такой план и обеспечьте так дело, чтобы мы могли взять оружие из самых складов непосредственно перед тем, как оно потребуется. Сестрорецкий завод — это хорошо, но этого мало. Уверен, что если вы поможете большевикам Петропавловского арсенала, Нового арсенала на Литейном и Старого на Выборгской стороне развернуться по-настоящему, они в нужный момент откроют склады для раздачи оружия рабочим. Так ведь?

Я никогда раньше, несмотря на свой опыт 1905 года, не представлял себе, насколько вооруженное восстание органически связано с вооружением самых широких слоев рабочего класса. Не представлял себе также, что высочайший революционный подъем масс далеко еще не обеспечивает победы. Она может быть достигнута только искусным руководством. Лишь изумительный хозяйский подход Владимира Ильича к вооруженному восстанию, к массам, руководителям, оружию обеспечивал всеобщее участие в восстании рабочих и солдат и гарантировал необходимый успех его.

...В конце беседы я обратился к Владимиру Ильичу с вопросом:

— Не целесообразно ли предварительно заготовить в миллионах экземпляров декреты: о земле, о мире, о рабочем контроле над производством и об организации Советской Республики?

Владимир Ильич взглянул на меня и захохотал.

— Вот вы куда хватили! Сперва надо победить, а потом уже печатать декреты.

Простились мы трогательно. Было уже далеко за полночь. Словно на крыльях, неся я обратно. В голове, как молотом, стучали ленинские слова: «Массы налицо. Наладить военное руководство ими. Дать им в руки возможно больше оружия — вот что надо».

В эту же ночь был поставлен на ноги весь актив Военной организации. Все, как один, немедленно приступили к проведению в жизнь указаний товарища Ленина.

СТРАНИЧКА РЕВОЛЮЦИИ

С. Т. Уралов

Активный участник Октябрьского вооруженного восстания. Член Центрального совета фабрично-заводских комитетов Петрограда.

Вечер 24 октября. Сидим и оживленно обсуждаем события дня в комнатах первого этажа Смольного, которые были заняты Центральным советом фабрично-заводских комитетов Петрограда и его окрестностей. Наверху заседал Военно-революционный комитет. Атмосфера кругом накалена. Вот-вот раздастся призыв. И он раздался.

В комнату к нам вбегают Н. А. Скрипник и кричит: «Вы что сидите, началось восстание, марш наверх!» Не успел он и договорить, как мы уже летели со всех ног в Военно-революционный комитет.

Не стану описывать долго, что происходило в комнатах Ревкома, да и не много пришлось мне быть там. Люди мелькали из одной комнаты в другую. С первого взгляда казалось, что происходит настоящее вавилонское столпотворение, но это только первое впечатление. Пробыв несколько минут, ты уже чувствовал, что здесь каждый имеет строго свое задание и назначение.

В эту историческую ночь, самую великую ночь, какую видел мир, простые рабочие от станка и солдаты из казарм, входившие в двери Военно-революционного комитета, выходили уже в качестве комиссаров огромных и сложнейших учреждений и частей, выходили комиссарами областей и губерний. Так рождалась в вихре революции доподлинная рабоче-крестьянская власть.

...Дошла очередь и до меня. Не чувствуя ног под собой от радости, взлетаю по лестницам на третий этаж в комнаты Военно-революционного комитета.

В Ревкоме я увидел Подвойского и подошел к нему. «А, фабзавкомы! Вот и отлично. Для вас тоже есть дело», — сказал мне Николай Ильич. И тут же объявил: «Вы назначаетесь комиссаром Военно-революционного комитета для занятия типографии газеты «Русская воля». И поставил передо мной боевую задачу: «Поедете в типографию «Рабочего пути», возьмете матрицы. По пути заедете в Семеновский полк и возьмете с собой человек 20—30 солдат на «всякий случай», возможно, там засели юнкера. Мы не можем допустить, чтобы партия и рабочий класс хотя бы на один день лишились своего боевого органа. Займете типографию и редакцию «Русской воли». Если потребуется — вооруженной силой. Обеспечьте выход газеты «Рабочий путь» к утру 25 октября. Обождите минуту — сейчас получите мандат».

Через 5 минут подходит товарищ Подвойский и вручает мне два мандата: один с назначением комиссаром в типографию «Русской воли», подписанный Н. И. Подвойским и В. А. Антоновым-Овсеенко, а другой на получение наряда солдат из Семеновского полка.

Итак, мандаты в руках. Быстро получен грузовик. Полный ход вперед, и мы летим на Кавалергардскую, в редакцию «Правды» (в тот момент выходившую под заголовком «Рабочий путь»). В типографии были следы некоторого разгрома — результат неудавшегося выполнения последнего приказа издыхавшей керенщины о закрытии центрального органа большевистской партии газеты «Рабочий путь».

Меня встретил А. Я. Беленький. Терять время было нельзя. Быстро погрузили матрицы в грузовик и понеслись в казармы гвардии Семеновского полка.

Доро́гой мысль: а как отнесутся солдаты? Все ли они верны своему Совету и его Военно-революционному комитету? Поддержат ли в решающую минуту?

Приехали. Вхожу в казарму. Солдаты собирались спать. Выхожу на середину спальни и громко обращаюсь к солдатам: «Товарищи! Долгожданный момент наступил. В городе началось великое восстание под руководством большевиков за передачу всей власти Советам.

Мне как представителю Военно-революционного комитета поручено занять типографию газеты «Русская воля», владельцем которой был бывший царский министр внутренних дел — Протопопов. А в типографии будет печататься большевистская «Правда». Мне нужна ваша помощь: 20—30 человек. Согласны ли вы ехать со мной? Возможно сопротивление юнкеров». Неожиданность моего сообщения произвела впечатление разорвавшейся бомбы.

Не успел я кончить, как в ответ грянуло громовое «Ура!». Солдаты вскакивали с мест и тесным кольцом окружали меня. Неслись радостные возгласы по адресу большевиков, и сыпались проклятия на голову Керенского и буржуазии. Жали руки и засыпали вопросами. Слышались выкрики: «Наконец-то!», «Давно пора!» Но нужно было действовать. Солдаты бросились одеваться и к оружию.

Мы выбежали на улицу, солдаты облепили грузовик, и мы двинулись дальше, на Большую Ивановскую улицу. Помня предупреждения товарища Подвойского, что в типографии

«Русской воли» могут находиться юнкера, мы остановились, не доезжая здания, расставили на случай пикеты. Ворота оказались на замке. Сторож отказался открыть без «доклада». Но пара слов быстро заставила его изменить свое первоначальное решение.

Входим в первый этаж, где стоят ротационки; рабочие моментально сгрудились. Я рассказал им вкратце о начавшемся восстании и задал вопрос: согласны ли они печатать свою рабочую газету «Правду» и признают ли они власть Советов? И здесь, как и в казарме, рабочие ответили криками «Ура!» и «Да здравствуют Советы!».

Оставив рабочих обсуждать события и отрядив к ним двух солдат, мы двинулись в следующий этаж. Это было матричное и еще какое-то отделение. Здесь та же картина, что и внизу.

Пока поднимались выше, весть о том, что мы заняли типографию, дошла и до «верхов». Кроме наборщиков, линотипистов, корректоров и метранпажей, мы застали весь букет

представителей буржуазной идеологии. Здесь были: сотрудники, корреспонденты, литераторы, редакторы и прочая черномаховая братия, которая встретила нас резко враждебно, злостным шипением, как придавленная змея.

Первый разговор был с печатниками и наборщиками. Большинство из них радостно встретили известие о восстании, но меньшевики начали

потихоньку бузить. Жалкие и трусливые интеллигентики из редакционной братии облепили меня со всех сторон, с перекошенными от злобы лицами, и не давали мне пройти в кабинет редактора. Засыпали вопросами (многие из них, вероятно, в надежде поместить услышанное на другой день в своей

газете с чудовищными извращениями), проявляли жалкие потуги на острооты, кто-то настойчиво выпытывал, надолго ли их арестовали и куда отправят. Какая-то высокая дама визжала, что у ней опять... стащат манто.

Чтобы покончить с этим, я отдал распоряжение солдатам очистить проход в кабинет редактора. Они все рассыпались, как горох, под общий хохот рабочих.

Доложив по телефону ВРК о занятии типографии, я просил прислать редработников «Правды». А братии объявил, что именем революции уже отпечатанный тираж «Русской воли» конфискуется и уничтожается, а газета закрывается. И отдал распоряжение начать печатать родную «Правду».

И уже к 5 часам утра 25 октября 1917 года «Рабочий путь» был отпечатан в количестве более 10 тысяч экземпляров.

Интересная картина произошла рано утром: нахлынувшие толпой газетчики «Русской воли» были ошеломлены, когда вместо буржуазной газеты получили нашу рабочую «Правду». Они хватали экземпляры с жадностью, кто сколько может, и бомбой вылетали на улицу, обгоняли друг друга и кричали о восстании большевиков, пугая своими криками обывателей.

В ГРЕНАДЕРСКОМ ПОЛКУ

*А. Ф. Млин-
Женевский*

В Октябрьские дни 1917 года—комиссар запасного Гренадерского полка.

Когда 21 октября 1917 года от имени Военно-революционного комитета Петроградского Совета мне был выдан мандат, в котором значилось, что я назначаюсь комиссаром своего запасного огнеметно-химического батальона, я понял, что мы входим в полосу вооруженного восстания.

...Получив мандат, прежде всего отправился к солдатам сообщить им о моем назначении и дать в качестве комиссара первые необходимые указания.

Предупредив все роты и чувствуя за собой поддержку солдат, решил поставить в известность о моем назначении

и командира батальона. Однако полковника Мартюшова в кабинете не было, и принял меня его помощник, поручик Надеждин. Заслушав мое сообщение и прочтя мандат, он поднял на меня свои холодные, стальные глаза и бесстрастным голосом ответил:

— Мы принимаем распоряжения и назначения только от штаба Петроградского военного округа. Вы как офицер должны были бы это знать.

Я вспыхнул.

— Хорошо,— сказал я,— попробуйте действовать помимо меня, ни одно ваше распоряжение не будет выполнено солдатами.

Глаза поручика на мгновение блеснули злобой, но, овладев собой, он пожал плечами и сказал:

— Хорошо, я передам ваши слова командиру, но только помните, что вы играете опасную игру.

Я ничего не ответил, поклонился и вышел из комнаты. Мне нужно было спешить в Смольный, где от Николая Ильича Подвойского я должен был получить дальнейшие инструкции.

...Здесь все волновалось и кипело. Поминутно приходили и уходили люди, получавшие те или иные распоряжения. Подвойского я застал разговаривающим с каким-то неизвестным мне подпоручиком.

— А! Вот вы очень кстати! — обрадовался Подвойский, увидя меня.— Поезжайте-ка в Гренадерский полк, там у нас до сих пор нет комиссара.

— Но ведь я, Николай Ильич, только что получил назначение комиссаром в свой запасный огнеметно-химический батальон,— напомнил я ему.

— Ничего, вы будете совмещать,— ответил мне Подвойский.— Ведь обе эти части расположены на Петроградской стороне и не так далеко одна от другой. Имейте в виду, что это назначение весьма ответственное. Гренадерский полк принимал активное участие в июльских событиях, за это подвергся репрессиям со стороны Временного правительства, и теперь настроение в нем довольно упадочное. Меж-

ду тем для нас весьма существенно держать этот полк в своих руках.

В Гренадерском полку я увидел довольно своеобразную и любопытную картину.

Прежде всего я установил, что командир полка не пользуется абсолютно никакой властью и всеми делами управляет полковой комитет, состоящий почти поголовно из левых эсеров.

Члены полкового комитета встретили меня любезно и на экстренно созванном собрании комитета единогласно утвердили меня в моих правах, но за всем этим чувствовалась какая-то недоговоренность. Я понимал, что на этих «друзей» особенно полагаться не следует. Дружьями они являются только до поры до времени.

Совсем иное отношение встретил я со стороны общего собрания солдат, которое я сейчас же созвал вслед за утверждением меня комитетом полка. Здесь я с первых же слов почувствовал нити доверия, которые протянулись между мной и слушавшей меня аудиторией.

Мое сообщение о политическом моменте часто прерывалось возгласами «правильно!», а когда я закончил и предложил резолюцию с выражением готовности встать как один на защиту Петроградского Совета, за мою резолюцию поднялся целый лес мозолистых солдатских рук.

Убедившись, что со стороны солдат Гренадерского полка я встречу полную поддержку своим мероприятиям, я направился в запасный огнеметно-химический батальон сообщить о своем новом назначении.

Придя в батальон, я прежде всего устроил небольшое заседание с руководителями большевистской ячейки и информировал их о политическом положении и о своих ближайших планах.

Товарищи приветствовали мое назначение в Гренадерский полк, считая контакт с такой крупной воинской единицей для нашего батальона, слабого по численности и вооружению, весьма полезным. Одобрили они и мое намерение обосно-

ваться в Гренадерском полку и нашли нужным поставить перед батальонным комитетом вопрос о выделении специальной революционной тройки, которая являлась как бы заместителем во время моего отсутствия в батальоне. Договорившись таким образом с товарищами, я вернулся в Гренадерский полк.

Вместе с большевиком подпоручиком Никоновым мы решили никуда не отлучаться из полка и расположились в помещении пулеметной команды, где оказались две свободные кровати.

Перед тем как ложиться спать, мы обошли все казармы для того, чтобы я мог ближе познакомиться с солдатами и узнать их настроение. В одном месте по просьбе солдат мы провели даже нечто вроде небольшого митинга, рассказав солдатам, как работает и к чему стремится партия большевиков.

Солдаты всюду дружелюбно и ласково нас встречали. Я еще раз почувствовал, что могу быть совершенно за них спокоен. Правда, они не рвались в бой, но зато можно было с уверенностью сказать, что, в случае чего, они поддержат нас.

Ложась спать, мы не рискнули совсем раздеться, готовые по первой тревоге вскочить на ноги, и сняли только сапоги.

Утром ко мне прибежал солдат и сообщил, что Временное правительство разводит мосты.

Мне невольно вспомнились июльские дни, когда Временное правительство именно с того и начало свой поход против нас, что развело мосты. Разведение мостов мне представилось как бы первым шагом попытки к нашему разгрому со стороны Временного правительства.

Неужели Временное правительство опять одержит над нами верх? Нет, теперь уже соотношение сил не то. Весь петроградский гарнизон как один за нас. Нужно только нам самим быть решительнее. И в первую очередь мы никоим образом не должны допускать разведение мостов.

Я немедленно вызвал несколько человек солдат, сформир-

ровал из них два патруля и послал один к Гренадерскому, другой к Сампсониевскому мосту с твердой директивой во что бы то ни стало свести мосты.

— Если будет оказано сопротивление, действуйте оружием,— сказал я им на прощанье.

Через несколько минут один из патрулей вернулся, таща какие-то тяжелые железные предметы.

— Товарищ комиссар,— доложил мне старший,— мы свели мосты, а чтоб надежнее было, забрали ключи, которыми сводится и разводится мост. Теперь уже его никак нельзя развести.

За патрульными, кряхтя и ругаясь, тащился старик — сторож моста, недовольный тем, что солдаты забрали имущество, вверенное его охране.

— Ничего, дедушка, не беспокойся,— утешил я его,— ключи у нас будут в полной сохранности. Вот мы их здесь положим, в полковом комитете, а дня через два-три, когда все успокоится, вернем тебе обратно.

— Да я ничего... Уж ладно...— проворчал себе под нос старик и, взглянув еще раз на ключи, повернулся к выходу.

Такое же распоряжение о доставке в полковой комитет ключей для разводки моста дал я и другому моему патрулю. Скоро весь угол комнаты, где помещался полковой комитет, был завален тяжелыми ключами.

Едва я покончил с этим делом, как меня попросили к телефону. Говорил Н. И. Подвойский.

— Что, у вас разводятся мосты?— спросил он.

Я рассказал ему подробно, как было дело, и сообщил о сделанных мной распоряжениях.

— Прекрасно,— ответил Подвойский,— ни в коем случае не допускайте разводки мостов. Такая директива дана всем полкам. Каждый мост мы поручили охране близ расположенному полку, а охрану Тучкова моста мы возлагаем на запасный огнеметно-химический батальон.

Выслушав Подвойского, я немедленно дал распоряжение в запасный огнеметно-химический батальон взять под свое

наблюдение Тучков мост и ни в коем случае не допускать его разводки.

Эпизод с мостами интересен и характерен тем, что здесь мы впервые выступили как власть, противопоставляющая себя Временному правительству. Временное правительство дало распоряжение, а мы, самочинно, опираясь на вооруженную силу, отменили это распоряжение и настояли на своем. Этим шагом мы уже непосредственно вступали в борьбу с Временным правительством.

На другой день, 24 октября, положение выяснилось с достаточной ясностью. На вызов Временного правительства явились лишь ничтожные кучки юнкеров и солдат разного рода оружия. Было совершенно очевидно, что весь Петроградский гарнизон стоит на стороне Петроградского Совета.

Группируя сведения, поступившие ко мне со всех сторон, я составил себе такую картину количества войск, прибывших к Зимнему дворцу на защиту Временного правительства: два отделения Михайловского военного училища; 700 человек юнкеров Петергофской школы прапорщиков; 300 человек Ораниенбаумской школы прапорщиков; три роты (около 500 человек) Гатчинской школы прапорщиков; 200 человек ударного женского батальона; 200 человек казаков. Всего, по моим расчетам, выходило около двух тысяч человек. Это была вся та «несметная рать», которую Временное правительство смогло противопоставить силам революции. Понятно, что дальше ждать было бы смешно, и Военно-революционный комитет приступил к активным действиям по свержению Временного правительства и захвату власти в свои руки.

В ПОХОД „ЗА ВЛАСТЬ СОВЕТОВ“

И. П. Фуровский

В Октябрьские дни как член Петроградского военно-революционного комитета возглавлял сводный отряд моряков.

Брезжило пасмурное осеннее утро, когда в Кронштадте началась посадка на корабли. В черных бушлатах, с винтовками за плечами и патронными сумками у пояса, с морской быстротой и ловкостью взлетали по веревочным лестницам на боевые корабли матросы. Неуклюже карабкались непривычные солдаты гарнизона и красногвардейцы. Часам к восьми посадка закончена. Революционный штаб поместился на минном заградителе «Амуре» в каюте судового комитета. «Амур» шел головным флагманом эскадры десанта.

Рожок проиграл сбор, и матросы сгрудились на верхней и средней палубе корабля. Надо было сказать слова революционного напутствия.

Когда передо мной встали тысячи сосредоточенных лиц, когда я увидел эту массу глаз, на меня устремленных, я почувствовал небывалый восторженный трепет. Он пронизал насквозь все тело, первые секунды сжал горло. Я, как никогда, реально осязал нити, связывающие меня с этой массой лиц и глаз. Хотелось не говорить, а броситься и обнять эту многоликую силу пролетарской революции, великой мечты, готовой вот-вот стать действительностью. С большим трудом я мог вымолвить несколько слов: «Товарищи, наступают исключительные события в истории нашей и всего мира. Мы идем творить социалистическую революцию. Мы идем оружием сбросить власть капитала. На нашу долю выпало величайшее, небывалое счастье — осуществить страстные мечты угнетенных...»

Картина этого митинга последних минут перед выступлением как живая стоит перед глазами, и едва ли кто из участников ее забудет. Ни рукоплесканий, ни криков, ни возгласов. Сжимают друг друга в крепких объятиях, целуют, тискают руки. На энергичных обветренных лицах слезы.

Другое собрание. В кают-компании господ офицеры. Здесь настроения иные — тревога, озабоченность, недоумение.

При моем появлении и обычном приветствии встали. Стоя выслушали короткое объявление и... приказ:

— Мы идем свергнуть Временное правительство. Власть переходит к Советам. На ваше сочувствие мы не рассчитываем, и оно нам не нужно. Но мы требуем, чтобы вы были на своих местах, точно исполняли свои обязанности по кораблю и наши приказы. От лишних испытаний мы вас избавим. Всё. Приказываю сняться с якоря. Направление — Петроград.

В ответ прозвучало короткое морское «есть» командира судна, и сейчас же офицеры разошлись по местам. Командир вышел на мостик.

Медленно тронулся «Амур» с матросами, сплошь покрывшими палубу. Было их свыше двух тысяч. В каюте судового комитета, где разместился революционный штаб, тоже теснота.

Рождается мысль: а что, если Временное правительство, отлично зная, что революционный Кронштадт и Балтийский флот не останутся в стороне от восстания и придут на помощь Питеру, предусмотрительно заложило пару мин в канале? Так просто это сделать и разгромить наше предприятие. Тем более, что наш «Амур» — минный заградитель, имеет свой солидный груз мин, а это значит... Даже жутко представить, что это значит.

Но Временному правительству не до того. Там царила растерянность и чувство обреченности.

Вот и Нева. Фабричные трубы, суда — все спокойно, без признаков грядущей революционной грозы.

Мы решаем, где встать для высадки десанта. Вдруг слышим ликующее могучее «ура». Выскакиваем на палубу. Посреди Невы, не доходя Николаевского моста, развернулся крейсер «Аврора». Моряки с крейсера встречают нас радостными криками, машут приветственно бескозырками.

«Амур» стал невдалеке от «Авроры». Через несколько минут на палубу взбирается Антонов-Овсеенко, один из руководящей тройки Военно-революционного комитета. Кроме него, в эту тройку входили Подвойский и Чудновский.

— Запоздали, товарищи! Да не беда, еще вся боевая работа впереди.

Наскоро сообщает новости: правительство Керенского объявлено низложенным, Ильич выступал в Петроградском Совете, вечером открывается съезд Советов. Зимний, где

**Завоевать власть народу! С этой мыслью отважные
красные матросы грузятся на свои корабли, чтобы
двинуться в Питер, свергнуть ненавистное
контрреволюционное Временное правительство!**

засело правительство, окружается войсками и отрядами красногвардейцев.

Дух захватывает от таких новостей. Не запоздали ли мы, в самом деле? Но нет, Антонов-Овсеенко передает распоряжение Военно-революционного комитета: одной части нашего десанта направиться к Зимнему дворцу и занять места в цепи окружения, другой — высадиться на Васильевском острове.

Отдаем распоряжение о высадке. К «Амуру» подходят буксиры. Высадка пошла споро и быстро. Палуба пустеет. Мы с Антоновым-Овсеенко идем в помещение штаба.

Договорились: если мирный ультиматум Временному правительству будет отвергнут министрами, обстрелять дворец. Было решено, что по сигналу Петропавловской крепости «Аврора» выстрелит из шестидюймовки холостым. С крейсера это было удобней, «Амуру» для выстрела пришлось бы менять позиции.

Наступил вечер. Уже начало темнеть, когда вернулась делегация, отвозившая в Зимний ультиматум. Ответ был отрицательный. Дали на «Аврору» сигнал приготовиться.

Набережные Невы были усыпаны глазеющей публикой. Не понимая смысла происходящих событий, питерский обыватель не представлял себе опасности вооруженных боев в городе, а зрелище — боевые суда на Неве — привлекало многих. Зато когда по сигналу с Петропавловки гроыхнула из своего орудия «Аврора», эффект вышел поразительный. Грохот и сноп пламени при холостом выстреле куда значительнее, чем при боевом. Любопытные шарахнулись от гранитного парапета набережной, попадали, поползли.

Меня выстрел с «Авроры» застал в кают-компании, где вновь собрались офицеры и шла мирная беседа, далекая от текущих событий.

Выстрел «Авроры» произвел на кают-компанию ошеломляющее впечатление. Все вздрогнули и бросились к окнам. У командира странно запрыгали губы, как перед плачем или истерикой.

— Не волнуйтесь, господа, это только холостой...

Но в кают-компании долго не могли успокоиться. Разговор затих. Командир в тревоге и смущении промолвил:

— Выстрел по столице... С русского корабля...

Глаза командира блеснули подозрительной влагой. Напомним, это было в начале гражданской войны. Потом господа офицеры привыкли к русским выстрелам по русским городам. Делали их с остервенелым наслаждением. Но тогда... тогда это было им больно и непонятно.

После выстрела наступила тишина. Дворец, видимо, еще сопротивлялся. Оттуда изредка доносились стрекотанье пулемета и залпы, но все уже было предрешено.

ШТУРМ ЗИМНЕГО

Ж. Р. Рабов

Рабочий петроградского Металлического завода. Одним из первых вступил в заводской отряд Красной гвардии. Принимал участие в штурме Зимнего дворца.

Утром 25 октября в штабе заводского отряда появился Константин Иванович Янушкевич. Он был в серой шинели без ремня, в старой солдатской шапке. Его серые спокойные глаза были немного воспалены. Сказывались, видимо, бессонные ночи.

— Становись! — скомандовал он.

Мы построились быстро и дружно.

Константин Иванович не торопясь вынул из кармана бумагу и сказал:

— Поступило следующее распоряжение: пятьдесят процентов отряда откомандировать в распоряжение штаба Крас-

ной гвардии Выборгского района; двадцать пять процентов использовать для охраны завода, а остальных держать в резерве...

Всем стало ясно, что наступает час решающей схватки. Никому поэтому не хотелось оставаться на охране завода, а тем более в резерве. Все рвались к настоящему делу, каждый стремился попасть в распоряжение районного штаба Красной гвардии.

Поднялся крик, шум, гомон.

— Ну вот, — сказал, улыбаясь, Константин Иванович, — из простого вопроса сделали сложный. Чтобы никого не обидеть — будем тянуть жребий. Согласны?

— Согласны! — в один голос ответили красногвардейцы. — Это будет по справедливости...

Раздобыли где-то бумагу, ножницы, начали нарезать билеты, надписывать.

Между тем восстание в Петрограде было уже в полном разгаре. Полным ходом шла мобилизация всевозможного транспорта. Отряды Красной гвардии вместе с солдатами и матросами, примкнувшими к восставшим, занимали тактически важные пункты. На помощь красногвардейцам Выборгского района выступили солдаты Московского полка. Литейный, Гренадерский и Сампсониевский мосты через Неву уже заняты.

— Ну давайте, товарищи, тяните, — сказал Янушкевич. — Подходи!

Я сунул в чью-то кепку руку, зажмурил глаза и схватил свернутую в трубку бумажку.

— В распоряжение районного штаба! — сказал Константин Иванович, развернув листок, который я отдал ему не читая.

— Становись! — снова раздалась команда.

Старший группы Васильев проверил всех по списку, подравнивал шеренги и как-то по-особенному, торжественно, громко и четко скомандовал:

— Шагом марш!

Мы двинулись. Оставшиеся закричали нам вслед:
— Не подкачайте, товарищи!
— В случае чего, мы вам на подмогу придем!

Штаб Красной гвардии Выборгского района помещался недалеко, в трактире «Тихая долина».

Шумно было теперь в «Тихой долине». Сюда один за другим прибывали красногвардейские отряды со всех заводов

и фабрик Выборгской стороны. Много оказалось здесь знакомых и друзей, с которыми проходили наши детство и юность на этой любимой рабочей окраине. Становилось еще легче и радостней на душе.

Мы прибыли сюда уверенными, что нас сразу же направят в бой, пошлют на штурм, прикажут подниматься в атаку.

В штабе между тем не торопились. Без суеты и горячности здесь занимались учетом и расстановкой сил, формированием сводного отряда, группами отправляли на отдельные задания: взять под охрану гараж, разоружить юнкеров, перебросить оружие.

Многих направляли в распоряжение Смольного. Мы все им очень завидовали.

— Становись! — раздалась знакомая команда.

Началось формирование сводного отряда Красной гвардии Выборгского района.

— Видал, народу-то сколько? — шепчет мне на ухо Петр Бондарев.— Наверняка Зимний штурмовать пойдем...

Мне опять повезло — я в сводном отряде. Будем штурмовать Зимний...

Наш отряд прибыл в центр города на исходные позиции еще засветло. Расположились на углу Невского проспекта и Морской улицы.

Отсюда до Зимнего дворца, казалось бы, рукой подать — метров двести, от силы триста. Но попробуй проберись, пробегии или проползи их! Они могут стать и последним рубежом твоей жизни, и началом большой судьбы.

Вместе с нами за зданием Главного штаба и на прилегающих к Зимнему дворцу улицах, возле Полицейского моста сосредоточивались отряды Красной гвардии и Петроградского района. Тут же находились броневики, зенитная батарея и полубатарея полевой артиллерии. Дальше по Невскому, у Казанского собора, стояли в полной боевой готовности артиллерийские орудия... Нам рассказали, что эти орудия были вызваны Временным правительством с фронта. Однако, прибыв в Петроград, артиллеристы перешли на сторону восставших.

Вблизи Александровского сада дворец окружали моряки из 2-го Балтийского и Гвардейского флотских экипажей, солдаты Кексгольмского полка и отряды Красной гвардии и броневики автобронедивизиона.

Рассказывали, что окружение дворца ведется и со стороны Адмиралтейства, Певческого моста, Миллионной улицы,

вплоть до Зимней канавки. Вдоль Невы, по набережной Петра Великого в районе Троицкого моста, расположился ударный батальон моряков, прибывших из Ревеля.

А отряды всё прибывали и прибывали.

На том берегу Невы стягивались рабочие отряды заводов Василеостровского района. Подступы к Дворцовому мосту, соединявшему Васильевский остров с центром, находились уже в руках красногвардейцев.

Ни выстрелов, ни разрывов гранат. Притаился перепуганный Невский.

Поступило приказание:

— Уйти с мостовой и тротуаров! Расположиться в ближайших дворах и подъездах.

Почти в одно мгновение проспект и улицы обезлюдели, опустели. Глядя на них теперь, никто бы не мог и догадаться, какая сила притаилась рядом, готовая в любую минуту, по первому сигналу броситься в последний и решительный бой.

Наш отряд расположился вдоль полукруглой стены здания Главного штаба, выходившей прямо на Дворцовую площадь.

Товарищ Васильев, наш командир, все время держал нас в курсе обстановки.

— Весь Петроград,— сказал он,— уже в руках восставшего народа. С минуты на минуту в Смольном откроется Второй Всероссийский съезд рабочих, крестьянских и солдатских депутатов...

— Где товарищ Ленин? — спрашивали красногвардейцы.

— Ленин на посту. Он руководит восстанием. Он с нами.

— А что слышать про Керенского? — спросил я.

— Точных сведений не имею. Наверное, вон тут, за этими штабелями,— ответил Васильев.— Ведь в руках Временного правительства остался один Зимний дворец...

— А кто его защищает? — последовал новый вопрос.

— Говорят,— ответил Васильев,— что верными Временному правительству остались юнкера.

— Молокососы! — крикнул кто-то из цепи.

— Прапорщики... — продолжал Васильев.

— Продажные шкуры! — опять прервали его.

Васильев сделал паузу, потом, с трудом сдерживая улыбку, произнес:

— Женский ударный батальон смерти.

— Ха! Ха! Ха! — разнеслось по рядам.

Со всех сторон слышались выкрики:

— Докатились!

— За бабские спины прячутся!

— Тише, товарищи! — подняв руку, сказал Васильев. — Помните, что нам все-таки предстоит бой не на жизнь, а на смерть. Там, вон за этими штабелями дров, притаились пулеметы. Там в каждой щелке дуло винтовки. В нас будут стрелять, нам попытаются преградить дорогу. Но мы обязаны любой ценой захватить этот последний оплот контрреволюции.

— Когда будет сигнал к атаке? — слышались нетерпеливые голоса.

— С минуты на минуту, — сказал товарищ Васильев, — должен прогреметь выстрел «Авроры», над Петропавловской крепостью вспыхнет красная ракета...

И опять все смолкло. Шел дождь.

Военно-революционный комитет, желая избежать крово-

пролития, направил Временному правительству ультиматум. Министрам предложили сдаться. Если вечером в 6 часов 20 минут они не сдадутся, говорилось в ультиматуме, с фортов Петропавловской крепости и с крейсера «Аврора» будет открыт огонь, который и явится сигналом к штурму.

Временное правительство, пытаясь всячески оттянуть сроки, не отвечало на ультиматум.

Министры, видимо, ожидали чуда: авось придут обещанные ставкой верные Временному правительству полки!

Но полки не приходили.

Срок ультиматума истекал, но министры потребовали отсрочки. Они по единственной ниточке телефона, которую не смогли обнаружить солдаты, захватившие телефонную станцию, связывались с фронтом, с Москвой и умоляли выручить их. Получив заверение, что помощь на подходе, министры Временного правительства отклонили ультиматум.

Время шло.

Один за другим сматывались защитники Зимнего. Ушли, несмотря на уговоры, казаки. Сдались с орудиями юнкера Михайловского артиллерийского училища, к 8 часам вечера — юнкера Ораниенбаумской школы прапорщиков.

А сигнала все не было.

Не слышно выстрела «Авроры», не видно красной ракеты над Петропавловской крепостью.

Нам не терпится, и вот уже небольшими группами, перебежками один за другим мы пытаемся продвинуться вперед, поближе к цели.

Сорвешься с места, пробежишь шагов десять и падаешь прямо в лужу, образовавшуюся от дождя. Мокро, холодно,

Через суровую осеннюю Неву с бастионов Петропавловской крепости еле-еле проглядывается силуэт притихшего Зимнего дворца. Еще немного, и начнется штурм последнего оплота Временного правительства! И, если нужно, заговорят пушки Петропавловки, ставшей крепостью революции...

а сразу подняться невозможно: враг заметил тебя и бьет из винтовки, строчит из пулемета. Наши немедленно спешат на выручку, прикрывают огнем, и ты, чудом уцелев, отползаешь обратно.

Такие перестрелки вспыхивали всё чаще, становились всё ожесточеннее...

В наших рядах показались женщины-санитарки. Это были работницы одной из фабрик, добровольно принявшие участие в наступлении. Они делали перевязки раненым, уносили тяжело пострадавших. Легкораненые, как правило, оставались в строю.

Наконец грянул выстрел «Авроры».

— Ура!..

— Ура!..

— Ура!..

Как ураган, этот могучий, все время нарастающий возглас раздавался со всех сторон. Будто один человек, поднялись в атаку тысячи красногвардейцев, солдат, матросов и сплошной, неукротимой лавиной бросились в наступление.

Ударило орудие из-под арки Главного штаба. Видно было, как снаряд попал в карниз и разорвался прямо над главными воротами дворца.

Могучие крики «ура!» заглушили трескотню пулеметов и винтовок, но вот стрельба становится слышней, громче, и вскоре она совсем заглушает голоса людей.

Первая атака, которую мы вели на открытой площади, захлебнулась. Цепи залегли, прижатые пулеметным огнем. Послышались стоны раненых. Стало ясно, что наступление на главные ворота потребует много жертв. Наступать надо было и с флангов.

Началось перестроение.

Пользуясь темнотой, мы стали по одному, по два, то ползком, то перебежками продвигаться вперед, накапливаться на новых рубежах.

Погода отвратительная — дождь, ветер.

Мы подбираемся к штабелям дров на расстояние одного броска гранаты. Особенно успешно накапливались наши силы у Александровской колонны. Этот огромный гранитный монолит служил нам сейчас великолепным укрытием от пули врага. Прижимаясь к его высокому постаменту, мы видели, как многие юнкера и вояки из женского батальона, заметив, как близко подползали наши товарищи, немедленно оставляли свои позиции...

Наступила полночь...

Раздался новый сигнал к атаке.

И первое, что я услышал, было урчание моторов. Со стороны арки Главного штаба на помощь наступающим двинулись броневики. Вот они уже поравнялись с нами.

Я услышал громкий, звонкий голос Петра Бондарева:

— В атаку, Колька! Вперед! Прижимайся к броневикам!..

Лавиной хлынули отряды атакующих.

Кожаные куртки, ватники, пиджаки рабочих, бушлаты матросов, шинели солдат и красные косынки санитарок — все смешалось в единый могучий, нарастающий, неукротимый порыв, захлестнувший все вокруг.

Мы преодолеваем груды разбросанных дров. Под ногами мокрые от дождя поленья, они скользкие, на них не устоишь. Они мешают нам. Треснули набитые песком мешки. Песок тоже мокрый, он прилипает к подошвам, бежать становится очень трудно, но мы бежим.

Корабли, стоявшие на Неве, включили прожектора. Вспыхнул прожектор и со стороны Александровского сада. Дворцовая площадь будто загорелась и вспыхнула всеми цветами радуги. Свет ослепляет защитников Зимнего дворца, они бросают оружие, падают на колени, просят пощады.

— Ура! Ура! — несется со всех сторон.

Было уже далеко за полночь, когда мы ворвались в Зимний дворец. Не чувствуя ног, мы неслись по широким мраморным лестницам, продвигались всё вперед и вперед.

Мы, как буйные вешние воды, прорвав плотину, разливались неудержимым потоком. Нас уже было не остановить.

Через длинный коридор мы попали в огромный зал, а оттуда вышли на противоположную сторону дворца. За окнами виднелась набережная Невы. Там, освещенные прожекторами, полыхали красные знамена. Всё новые и новые отряды рабочих подходили к Зимнему дворцу. Однако некогда было любоваться этой незабываемой картиной.

Снизу по мраморной лестнице поднимались бросившие оружие ударницы женского батальона. Завидя нас, они падали на колени, начинали плакать.

— Не троньте нас, мы не виноваты,— просили они, заливаясь слезами.

Мы собрали их и заперли в одном из многочисленных помещений дворца.

В это время я увидел Антонова-Овсеенко. Он с группой красногвардейцев и матросов направлялся в Малахитовый зал, чтобы арестовать министров Временного правительства.

— Проверить все комнаты, очистить их от юнкеров! — приказал нам товарищ Антонов-Овсеенко.

Он был невысокого роста, в очках; из-под широких полей его черной шляпы виднелись длинные волосы.

Мы принялись выполнять задание. Юнкеров пришлось вытаскивать буквально из-под диванов, темных углов под лестницами, иногда завернутыми в портьеры.

Неважный вид был у них. Они были страшно перепуганы, многие начали заикаться. Низко опустив головы и подняв руки вверх, они просили о пощаде, давали честное слово никогда больше не воевать против народа.

Мы им поверили, да только напрасно. Не раз потом эти барские выкорышки выступали с оружием в руках против революции.

Одно за другим очищали мы помещения дворца от спрятавшихся юнкеров. В это время на площадку лестницы вышел один из членов Военно-революционного комитета и громко, четко предупредил:

— Товарищи! Военно-революционный комитет категорически запрещает брать какие-либо предметы из дворца или

портить художественные ценности. Помните, товарищи, это все теперь является достоянием народа...

— Правильно! — во весь голос заявил стоявший рядом со мной старый питерский рабочий. — Нынче все на этом свете наше. И дворцы, и заводы, и даже вот эта штукавина...

И он обратился к высокому бородачу, в одной руке державшему винтовку, а в другой — огромную книгу в ярком золоченом переплете.

— Где это ты подобрал?

— В царских покоях, — смущенно ответил бородач.

— А зачем? Не твое ведь?

— Сам ведь баил, что нынче все тут наше.

— Наше, народное, да не твое. Разумеешь? Клади на место...

Бородач смутился и положил книгу в золоченом переплете.

Командиры отрядов и подразделений немедленно послали связных, чтобы объявить о приказе Военно-революционного комитета по всем помещениям и комнатам дворца.

— Ведут! Ведут! — закричал Саша Коротков.

— Кого? — спросил я.

— Этих самых, временных, — ответил Саша и побежал.

Мимо нас проходили арестованные министры Временного правительства. Выводили их так. Впереди вооруженный красногвардеец, за ним арестованный министр, по бокам матрос и солдат с винтовками наизготовку. Затем опять красногвардеец, опять арестованный министр, потом матрос и солдат по бокам.

И так все пятнадцать министров-капиталистов, министров-помещиков, министров-соглашателей.

Все, кроме Керенского.

Как потом мы узнали, глава Временного правительства на автомобиле американского посольства покинул столицу и отправился к войскам, чтобы уговорить их и направить на восставший рабочий Петроград.

— Становись! — раздалась знакомая команда.

Мы быстро и дружно построились, подровняли ряды.

— Шагом марш! — эхом разнеслось по набережной Невы.

Сводный отряд Красной гвардии, выполнив боевое задание, возвращался домой, на нашу родную Выборгскую сторону.

Дул ветерок.

В небе, вдруг очистившемся от туч, высоко над шпилем Петропавловки занимался рассвет.

Был первый день Советской власти.

ЛЕНИН НА II СЪЕЗДЕ СОВЕТОВ В ОКТЯБРЕ 1917 ГОДА

А. А. Андреев

В 1917 году член Петроградского комитета партии большевиков, работал в Петроградском союзе металлистов.

Присутствуя на Втором Всероссийском съезде Советов, мне довелось видеть и слышать Ленина в момент победы Октябрьской революции — Ленина как руководителя восстания и организатора первого в мире Советского государства.

...Открытие Второго Всероссийского съезда Советов было назначено на 25 октября.

Смольный, где открывался съезд, представлял собой незабываемое зрелище, походил на боевой лагерь.

Был темный и холодный петроградский вечер. Перед Смольным горели костры. Приходили и уходили, получая на-

значения, вооруженные отряды рабочих, солдат и матросов. У входа в Смольный стояли орудия, броневики.

...В зале заседания задолго до открытия съезда собрались делегаты. Шли заседания фракций.

Съезд открылся поздно вечером. Меньшевики и эсеры, оказавшиеся на съезде в жалком меньшинстве, пытались поднять шум по поводу происходящих на улицах Петрограда событий, но, получив дружный отпор большинства, ушли со съезда. «Левые» эсеры и часть меньшевиков остались.

На первом заседании Ленин не присутствовал: он руководил вооруженным восстанием и в этот день выступал в Петроградском Совете.

Съезд утвердил порядок дня. Важнейшими вопросами были вопросы о мире, о земле и образовании рабоче-крестьянского правительства.

С огромным воодушевлением съезд принял написанное Лениным обращение к рабочим, крестьянам и солдатам, в котором объявлялось о победе восставших петроградских рабочих и солдат, о свержении Временного правительства, о том, что отныне вся власть переходит в руки Советов.

В обращении съезда в сжатой форме была изложена программа ближайших шагов Советской власти: речь шла о предложении немедленного демократического мира, о передаче помещичьих земель крестьянским комитетам, о рабочем контроле над производством, о доставке городам хлеба, а деревне товаров, о праве наций на самоопределение.

В ходе съезда делегатам из президиума все время сообщалось об успешном разворачивании восстания. Взятие Зимнего дворца было встречено бурными аплодисментами. Первое заседание съезда окончилось поздно ночью; большинство делегатов съезда так и не расходилось из Смольного до следующего заседания.

Вечером на другой день началось второе заседание. Первым вопросом был доклад о мире.

Когда Ленин появился на трибуне, весь зал поднялся и сдвинулся к трибуне, где стоял Ленин. Он долго не мог

начать свою речь из-за непрекращающихся аплодисментов и возгласов: «Да здравствует Ленин!»

В зале заседания творилось что-то невероятное. Аплодисменты перемешивались с криками радости. Тут уж были не только делегаты съезда, зал наполнился до отказа находившимися в Смольном рабочими, солдатами и матросами. Люди становились на подоконники, на выступы колонн, на стулья, лишь бы увидеть стоявшего на трибуне Ленина. В воздух летели шапки, кепки, матросские бескозырки, мелькали поднятые вверх винтовки. Так, стоя, съезд выслушал доклад Ленина о мире.

...После обсуждения доклада, которое вылилось по существу в демонстрацию поддержки внесенных Лениным предложений, съезд с большим подъемом, дружно одобрил Декрет о мире. Этот декрет, написанный Лениным, замечателен тем, что в нем со всей прямотой говорилось о мирной политике Советской власти с первого же момента ее существования.

В декрете съезда были заложены основы всей дальнейшей мирной политики Советского правительства и нашей партии.

Дальше съезд перешел к рассмотрению вопроса о земле.

Снова на трибуне Ленин, встреченный бурными аплодисментами. Его выступление было кратким...

Земля, говорил Ленин, должна быть передана крестьянам. Правительство рабоче-крестьянской революции в первую голову должно решить вопрос о земле.

Ленин читает Декрет о земле, которым помещичья собственность отменяется, все помещичьи земли, как и земли удельные, монастырские, с постройками, живым и мертвым инвентарем, переходят в распоряжение земельных комитетов и Советов. Ленин тут же пояснил, что в декрете помещен Наказ земельным комитетам, составленный на основании 242 наказов местных Советов крестьянских депутатов. Как демократическое правительство, заявил Ленин, мы не можем обойти постановление народных низов. Мы должны предоставить полную свободу творчества народным массам. Суть

в том, чтобы крестьянство получило полную уверенность, что помещиков в деревне больше нет. Так был решен одним взмахом в самом начале социалистической революции вековечный вопрос о земле.

Краткостью своего доклада, сжатостью его Ленин как бы подчеркивал, что наступило время практических действий, что социалистическая революция и Советское правительство с первых своих шагов решительно, без лишних слов, без проволочек, по-деловому разрешают насущные вопросы восставшего народа.

Близились утро. После единодушного принятия Декрета о земле съезд избрал первое в мире Советское правительство во главе с гением пролетарской революции В. И. Лениным. Так началась новая, социалистическая эра человеческой истории.

ПОД БОЛЬШЕ- ВИСТСКИМИ ЗНАМЕНАМИ

М. Р. Любвинская

Член Военно-революционного комитета
Сушевско-Марьинского района в
Москве, одна из организаторов Крас-
ной гвардии района.

Помню хмурый, непогожий день 25 октября 1917 года — день, когда до Москвы дошла радостная весть о победе пролетариата в Петрограде.

Утром этого дня в гостинице «Дрезден» (на Скобелевской, ныне Советской, площади) происходило заседание Московского Комитета партии. На это заседание явился начальник штаба Красной гвардии А. С. Ведерников, который нам и передал эту весть.

Заседание немедленно переключилось на обсуждение организационных мероприятий, связанных с восстанием.

Тут же был создан боевой партийный центр в составе: Е. Ярославского, В. Подбельского, М. Владимирского, О. Пятницкого, В. Соловьева и других.

Московский Комитет партии дал наказ немедленно приступить к созданию районных ревкомов, к усиленному формированию отрядов Красной гвардии. По указанию В. И. Ленина решено было начать с захвата почты, телеграфа, Кремля и вокзалов.

Открытая вооруженная борьба с буржуазией в Москве начиналась в условиях, когда широкие рабочие массы твердо шли за большевиками.

На заседании пленума Московского Совета, состоявшегося в 6 часов вечера 25 октября в Большой аудитории Политехнического музея, огромным большинством, в 394 голоса против 110, при 28 воздержавшихся, было принято решение о немедленной организации вооруженного восстания. На этом же пленуме был избран Военно-революционный комитет...

Того же 25 октября, в 9 часов вечера, состоялось заседание городской думы на площади Революции, там, где теперь Музей В. И. Ленина.

Мне как гласному районной думы довелось присутствовать на этом заседании.

Эсеры и меньшевики пытались было смазать решение пленума Моссовета, но встретили достойный отпор большевиков. В моей памяти запечатлелась речь И. И. Скворцова-Степанова, который с исключительной силой и убедительностью обличал эсеров и меньшевиков:

— Вы — жалкие, мелкие людишки. Народ, рабочие и крестьяне, ненавидят вас за ваше небывалое предательство интересов революции. Начало революции вы стараетесь представить как выступление кучки заговорщиков. Из большинства вы стали ничтожным меньшинством. Суд истории настанет для вас раньше, чем вы это могли предполагать.

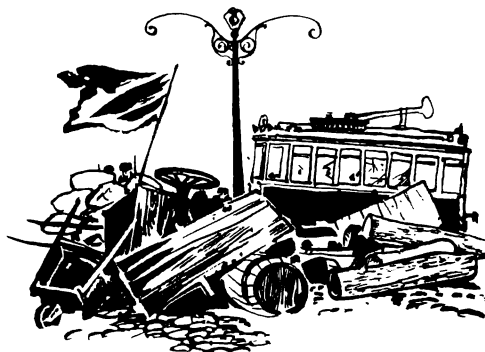
Выступление Скворцова-Степанова произвело огромное впечатление на присутствующих.

Бодрое, боевое настроение ощущалось на всех предприятиях Бутырского и Сущевско-Марьинского районов. К Октябрьским дням районная партийная организация, имевшая широкое влияние в массах, насчитывала уже 2 тысячи, за короткий период удвоив число своих членов.

25 октября районный комитет партии разработал конкретную программу действий в районах, которыми руководил тогда Бутырский райком партии (в Бутырском, Сущевско-Марьинском, Всехсвятско-Петровском), наметил план и пункты наступления, а также порядок связи с партийным центром. 26 октября состоялось чрезвычайное заседание районного Совета Сущевско-Марьинского района.

Был избран Ревком, в состав которого вошла и я как представитель райкома партии большевиков.

Ревкомом было решено в первую очередь захватить комиссариаты милиции (их было четыре), почту, отделение банка, помещение театра «Олимпия» (для штаб-квартиры Ревкома), помещение института благородных девиц на Екатерининской площади (ныне площадь Коммуны, где помещается Дом Советской Армии). Были намечены участки, где должны были строиться баррикады. На Александровской улице (ныне Октябрьская), на Трифоновской, Божедомке, на Екатерининской площади и в других точках баррикады выросли буквально в течение нескольких часов. Строили их и взрослые и подростки — дети рабочих.

Вскоре начали поступать донесения:

— Почта в наших руках!

— Отделение банка под контролем красногвардейцев!

— Комиссариаты милиции захвачены!

Первый, второй и четвертый комиссариаты сразу же отдали себя в распоряжение Ревкома. Упорство проявил лишь

Вперед! Восставший народ опрокинул последних защитников старого строя и ворвался в Зимний дворец. По мраморным лестницам, через тронный зал бегут революционные рабочие, солдаты, матросы, чтобы покончить с последним капиталистическим правительством в России.

третий комиссариат, находившийся под влиянием эсеров. Милиционеры этого участка долго митинговали, выясняли, какую позицию занимает правление союза милиционеров — за большевиков или против них... В конце концов и этот комиссариат подчинили Ревкому.

Захват кинотеатра «Олимпия» на Александровской улице (ныне Октябрьская, 26) поручили красногвардейцам военнопатриотического завода. Юнкера тоже хотели организовать в этом здании свой штаб. Но красногвардейцы их опередили и помещение заняли. Вскоре, однако, показались юнкера, попытавшиеся ворваться в здание с боем. На помощь красногвардейцам подоспела конвойная команда Бутырской тюрьмы, некоторые другие воинские части и более 200 вооруженных рабочих. Атака юнкеров была отбита. На следующую ночь они направили сюда свой броневик. Однако близко к зданию он подойти не мог, так как здесь была вырыта большая канава. Обстрелянный красногвардейцами, броневик вынужден был скрыться, и юнкерам не удалось занять здание.

С оружием вначале дело обстояло плохо. На первых порах наш Ревком располагал всего лишь семью винтовками и одним пулеметом. Но потом, когда организовали изъятие оружия, положение улучшилось.

Отбираемое у офицеров и юнкеров оружие немедленно поступало в руки красногвардейцев. Рабочие завода «Дукс» собрали и передали штабу Красной гвардии района два ручных пулемета. Появились и ручные бомбы. Два ящика патронов получили из Александровского юнкерского училища через офицеров, сочувствовавших большевикам.

Затем Ревкому стало известно, что на запасном пути Казанской железной дороги стоит состав вагонов с оружием. Направили туда отряд на машинах и из вагонов, на которых было написано «селедки», выгрузили 80 ящиков новеньких русских винтовок.

На следующее утро снарядили экспедицию на трех машинах под Симонов монастырь, на Патронный завод. Патронов

там в этот день не достали. Но на другой день Патронный завод был занят нашей воинской частью, и патроны мы получили.

Красная гвардия у нас была разбита на «сотни», а «сотни» — на «десятки». Командирами были солдаты и рабочие, прошедшие военную подготовку. Молодежь и работницы несли главным образом разведывательную и санитарную службы.

В первый же день восстания — 26 октября — партийный центр Москвы вызвал отряд двинцев, расквартированных в нашем районе.

В поход двинулся отряд из 300 бойцов разных родов оружия: здесь были пехотинцы, артиллеристы, пулеметчики, гранатометчики, связисты.

Отряд этот выполнял важное боевое задание — он сопровождал колонну грузовых автомобилей, направляющихся в Тулу за оружием.

27 октября из нашего района на охрану Московского Совета направился отряд двинцев под командой Федотова. Путь оказался свободным, и отряд добрался благополучно. Но свыше 150 двинцам, вызванным Ревкомом из Замоскворечья (из числа тех, что были расквартированы в Озерковском лазарете), не удалось проскочить без жертв. По дороге в Моссовет они столкнулись на Красной площади с юнкерско-офицерскими частями. Завязался кровопролитный бой. Двинцы под командованием Евгения Николаевича Сапунова пробились к Моссовету штыковой атакой. В этом бою командир отряда Сапунов пал геройской смертью. Двинцы потеряли в этом бою около 70 человек, но и юнкера лишились не менее половины состава и разбежались, оставив на площади убитых и раненых.

Следует напомнить, что условия борьбы за власть в Москве были весьма осложнены тем, что здесь не было такой мощной Красной гвардии, как в Петрограде. В сформированных с большим запозданием красногвардейских отрядах было мало обученных бойцов, да и вооружения у них не хватало.

Силам же революции противостояло не менее 20 тысяч человек из офицерских частей, сосредоточенных в Москве. На стороне контрреволюции были такие крупные юнкерские училища, как Александровское и Алексеевское, шесть школ прапорщиков, кадетский корпус в Лефортове и др. Противник был сильный, хорошо вооруженный, и разбить его в открытом бою представляло трудную задачу.

Кроме того, положение крайне осложнялось тем, что во фракции Моссовета и в составе Военно-революционного комитета были колеблющиеся.

Недаром еще в начале сентября Владимир Ильич Ленин, предупреждая партию об ответственности момента, писал: «Крайне важно, чтобы в Москве «у руля» стояли люди, которые бы не колебались вправо, не способны были на блоки с меньшевиками, которые бы в случае движения понимали новые задачи, новый лозунг взятия власти, новые пути и средства к нему».

В силу этого долгое время не удавалось преодолеть сопротивление эсеровско-меньшевистских представителей в Моссовете и двинуть вперед вооружение рабочих и организацию красногвардейских отрядов. Устав Красной гвардии был утвержден буквально накануне вооруженного восстания. Бесконечные и явно бесплодные переговоры велись и с социал-соглашателями, и с явно черносотенными элементами, вроде полковника Рябцева¹ и эсера Руднева, создавших при городской думе центр контрреволюционных сил, так называемый Комитет общественной безопасности².

В ночь на 27 октября объединенное заседание партийного центра и Военно-революционного комитета совместно с представителями районов дало Ревкому указание — ни в какие переговоры с белогвардейцами не вступать, солдат 193-го полка из Кремля не выводить и начать общее наступ-

¹ Рябцев — командующий Московским военным округом.

² Комитет общественной безопасности при городской думе был создан в Москве вечером 25 октября по инициативе городского головы Руднева якобы для охраны населения. На самом деле это был орган контрреволюции.

ление против сил контрреволюции силами воинских частей, перешедших на сторону рабочих, и отрядами Красной гвардии. Но, несмотря на это, в результате переговоров с Рябцевым и колебаний среди членов Ревкома утром 27 октября рота 193-го полка была выведена из Кремля. Там остался в качестве охраны батальон 56-го полка.

Утром 28 октября полковник Рябцев захватил Кремль. Ворвавшись в Кремль, юнкера расстреляли много солдат 56-го полка и рабочих арсенала.

Вечером 27 октября полковник Рябцев, заняв своими частями ряд важных стратегических пунктов в городе и запросив у ставки фронта помощь, которая была ему обещана, объявил Москву на военном положении и предъявил Ревкому следующий ультиматум:

- 1) Немедленная ликвидация всех действий Военно-революционного комитета и его упразднение.

- 2) Немедленный отзыв из Кремля караульного батальона 56-го полка.

- 3) Немедленный возврат вывезенного из арсенала оружия.

- 4) Разоружение рабочих.

- 5) Безусловное подчинение Временному правительству.

Он давал 15 минут на размышление.

В случае неполучения положительного ответа Рябцев грозил подвергнуть здание Моссовета артиллерийскому обстрелу.

Помню заседание Военно-революционного комитета. Кроме членов комитета, присутствовали представители районных ревкомов. Обстановка была очень напряженной, говорили вполголоса. Один из членов ВРК выходит из телефонной будки. Вид у него мрачный, растерянный. Приглушенным голосом передает членам Военно-революционного комитета:

— Рябцев ставит ультиматум и требует через 15 минут распустить Военно-революционный комитет...

Все сидели в молчании.

И тогда отчетливо и твердо прозвучал голос Скворцова-Степанова:

— Товарищи, кто боится смерти — да покинет сей дом. Кто боится борьбы и не уверен в победе, тот пусть лучше откажется от участия в этом великом деле.

В ответ на ультиматум Рябцева Московский Комитет партии, Моссовет и Центральное бюро профсоюза призвали рабочих Москвы прекратить работу на фабриках и заводах, встать грудью на защиту революции.

28 октября с раннего утра на заводах и фабриках выступали наши агитаторы. Состоялись массовые собрания рабочих. Сообщая об ультиматуме Рябцева, большевистские агитаторы широко пропагандировали ленинский план вооруженного восстания, разъясняли боевые указания Владимира Ильича об искусстве и плане вооруженного восстания. «Никогда не играть с восстанием, а, начиная его, знать твердо, что надо идти до конца... погнубнуть всем, но не пропустить неприятеля».

Весть об ультиматуме Рябцева, о занятии белыми Кремля и расстреле солдат 56-го полка вызвала у рабочих гнев и возмущение. Фабрики и заводы прекратили работу.

Рабочие тысячами записывались в отряды Красной гвардии. Работницы создавали отряды Красного Креста.

Командующий правительственными войсками полковник Рябцев запросил помощь от ставки фронта. Ему обещали прислать артиллерию, казаков и два полка пехоты. Прибытие этих войск ожидалось через 5—6 дней. Пока же имевшиеся в распоряжении Рябцева офицерско-юнкерские части, захватив Кремль и другие важные пункты, перешли к наступательным действиям на улицах города. Развернулась длительная, упорная и кровопролитная борьба с белыми.

На помощь центру двинулись рабочие отряды из всех районов. Заняли все вокзалы. На Воробьевых (ныне Ленинских) горах установили артиллерию. Днем и ночью шли бои. Наша артиллерия непрерывно обстреливала Кремль и прилегающие к нему дома, где находились юнкера.

Успех борьбы был предрешен, так как в ней активнейшую роль играли рабочие массы, являвшиеся основной движущей силой, душой восстания и руководимые партией большевиков во главе с Лениным. На подмогу московским рабочим поднялись рабочие уездов, увлекавшие за собой и деревенскую бедноту.

Под большевистскими лозунгами сплотились революционные части гарнизона и наиболее передовые элементы трудовой интеллигенции. В этих условиях мы не могли не победить.

МОЛОДЕЖЬ КРАСНОЙ ПРЕСНИ

А. Ч. Митвейко

Член партии с марта 1917 года. Работница Электроламповой фабрики в Москве.

И вот наконец пришли дни, которых мы ждали. Неделя октябрьских боев слилась для меня в один непрерывный боевой день — самый счастливый день моей жизни.

Когда вспоминаешь, кажется, будто обычного чередования дней и ночей в эту неделю не было.

Утром я, как всегда, пошла на работу. Вижу, на улицах народ, трамваи стоят. Вчера мы уже слышали, что в Петрограде начались большие события. Вот оно и у нас начинается!..

Я побежала.

В фабричном комитете Наташа Богачева и Фадеев читают воззвания. Одно — от Военно-революционного комитета: призыв участвовать в вооруженном восстании; другое — от Комитета общественной безопасности: просьба соблюдать спокойствие, не прекращать работы.

Наташа решила сразу:

— Дай-ка мне эту «безопасность», я ее разорву, чтобы никто больше не читал таких глупостей.

Фадеев остановил ее, воззвание Комитета общественной безопасности засунул в ящик стола, а воззвание Военно-революционного комитета пошел прибывать к фабричным воротам.

Наташа заторопилась и предупредила меня:

— Как услышите гудок, чтоб все в вашем цеху выходили!

Фабрика остановилась.

На фабричном дворе начался митинг. Говорили, что Временное правительство свергнуто, что в Петрограде вся власть перешла к Советам, что съезд Советов принял декреты о земле и о мире, что у нас в Москве большевики уже заняли Кремль, почта, телеграф, что на Пресне бастуют все фабрики и заводы.

Выступала и я, говорила: «Восстание! Иного пути нет и не может быть!»

Теперь я уже ничуть не стеснялась. Чтобы стесняться, нужно все-таки и о себе немножечко помнить, а тут помнилось, думалось лишь об одном: чтоб поддержать восстание.

С митинга мы пошли в райком. В райкомовском дворе Федя Шеногин выстраивал вооруженный отряд — в него влились теперь все «пятерки», «десятки».

Оружия не хватало. Петя Воробьев требовал у Феди карабин, возмущался, ходил к Калачову. Миша Дугачев, Анатолий Попов и Жаров отправились в Кремль за оружием — в Кремле стоял 56-й полк; солдаты этого полка были революционно настроены, они обещали дать районам оружие.

Скоро отряд Шеногина ушел к Московскому Совету — таков был приказ Военно-революционного комитета.

...С вечера все руководители райкома ушли в здание, где была кухня Трехгорки, сказали, что там будет Военно-революционный комитет Пресненского района.

В райкоме оставили дежурить нас, молодежь: Васю Устинова, Шуру Соколова, Сережу Яковлева, Федю Кучерова, Таню и меня.

Нам сказали:

— Охраняйте райком, будьте готовы!

К чему готовы? Да и как быть готовым? На всю охрану две берданки, причем исправная только одна. Сидим слушаем: кажется, где-то стреляют, в центре должно быть. Действуют уже люди, а мы — в стороне.

Решили: нечего ждать, надо самим доставать оружие. Указаний нам никто не давал, но у нас в Предтеченском, в конце переулка, был участок районной милиции. Мы вооружили двоих берданками: Васю Устинова и Шуру Соколова — пусть идут впереди, а сами — за ними.

Открыли дверь: милиционеры сидят при оружии, их больше, чем нас, но лица у всех такие, будто они и без нас уже тут испугались чего-то.

Вася Устинов начал совсем как Наташа в Совете:

— Власть в руках большевиков, сдавайте оружие!

Мы окружили стол, за которым сидят милиционеры; у них — оружие, у нас — ничего.

— Все оружие положите на стол, а то будем обыскивать! — скомандовал Вася.

Они выложили на стол револьверы:

— Да мы не против. Нам приказали сидеть тут.

Мы отпустили их по домам, оружие поделили между собой.

В райком возвращались героями. Казалось: раз это нам удалось, значит, и все удастся.

В райкоме до утра разбирали оружие, учили друг друга. Утром с оружием пошли в Ревком.

Председатель Ревкома рассылал людей разоружать другие участки городской милиции. А мы догадались сами!

Особенно нас никто не расхваливал: не до того было...

В центре уже начались бои. В райком стали приходить рабочие, рассказывали: отдельные группы юнкеров появляются и в нашем районе — на Горбатом мосту, у Никитских ворот, на Поварской, на Новинском бульваре. Словом, все было гораздо труднее, чем нам показалось ночью, после первой победы.

Ревком решил к Ходынским казармам направить делегацию: убеждать солдат принять участие в вооруженном восстании.

Уходя с этой делегацией на Ходынку, Калачов сказал, что нужно кого-то отправить и в Московский Совет, связаться с отрядом нашего Феде Шеногина и просить, чтобы отряд вернули в район, если есть такая возможность.

Вижу: Таня хочет идти. Говорю:

— Пошлите нас с Рыбаковой. Вид у нас мирный.

Вид у нас был действительно мирный: на мне цветной вязаный шарфик, перекинутый через шею назад, и такая же шерстяная шапочка с пушистым помпоном — мама недавно связала. Словом, обычная девчонка; даже странно, что так я уже ходила и печать отбирать в Совете, и оружие себе добывать. Таня была в простом сером платке.

Мы шли через Кудринскую площадь, по Никитской, по переулкам. В переулках, между Никитской и Тверской, ближе к Совету, за углами, в подъездах уже стояли юнкера и кадеты; через улицу — вооруженные отряды рабочих; началась перестрелка.

Кто-то кричал нам из подъезда: «Девки, дурехи, прячьтесь! Не слышите, что ли? Стреляют!»

Каким же молодцом была моя Таня! Идет себе как ни в чем не бывало. Ну, а раз Таня ничего не боится, чего же я буду бояться? Юнкерским патрулям мы рассказывали что-то про больную маму, про врача. На нас махали руками: «А ну вас, идите! Болтаетесь тут, девчонки!»

Совет тогда помещался на Скобелевской площади — там, где теперь Московский Совет.

Все здание Совета было занято отрядами вооруженных рабочих, отсюда они уходили на охрану почты и телеграфа; по коридорам бегали связисты; тут же в комнатах работал Военно-революционный комитет.

Только наших нигде не было видно.

Мы спрашивали у всех: «Вы не видели пресненского отряда?» Одни отвечали: «Они в переулке». Другие: «Вон, на крыше!»

Кто-то с красной повязкой на рукаве подозвал нас, повел за собой в коридор, на второй этаж; там на полу вповалку лежали раненые красногвардейцы.

— Вот, помогите пока.

Наконец-то и мы оказались нужны, а то мечемся без толку. Девушка-медсестра сунула нам в руки бинты, объяснила, что нужно делать. Мы с Таней стали перевязывать раненых. Первый раз в жизни я видела кровь...

Оставить раненых мы уже не могли, но я беспокоилась: ведь все же у нас другое задание! Нужно найти Шеногина.

Вдруг что-то загрохотало, из окон в коридор посыпались стекла, кто-то застонал. Кто-то крикнул:

— Из броневика, гады, бьют!

Все бросились вниз, на улицу; мы побежали тоже.

Снова загрохотало, снова посыпались стекла.

Уже на ходу вытаскивали наганы; выбежав, стреляли по броневiku, стоявшему перед зданием. Поднялась такая пальба, что ничего не поймешь. Я тоже держала в руках свой «смит-вессон» — мне очень хотелось выстрелить. Только по какому месту стрелять в броневик? Не просто же так! Мне хотелось выстрелить наверняка. Пока я искала цель, броневик дал еще одну очередь и быстро ушел.

Прямо перед нами на мостовой лежал человек. Мы с Таней подбежали, хотели помочь ему приподняться; встать он не смог.

Мы потащили его.

Я никогда не знала, что раненые становятся такими тяжелыми: мы вдвоем еле справлялись с ним.

Я спросила его:

— Вы стреляли?

Он удивился:

— А как же!

С какой завистью я смотрела на этого человека! Может быть, он уже никогда не будет ходить, но он стрелял, не растерялся, не упустил момента...

Я призналась:

— А я не успела.

Он усмехнулся:

— Еще успеешь!

В коридоре, где находились раненые, мы снова помогали сестре. Вдруг слышу за спиной:

— А вы тут, девчата, чего?

Оглянулась: Федя Шеногин! На плече винтовка, на боку револьвер. Всегда хмурый, угрюмый, а тут так тепло, по-братски смотрит на нас. Я, по правде сказать, всегда его немножко побаивалась — вернее, как-то стеснялась; теперь он мне показался совсем родным.

— Федя! Где ж вы все? Мы тут вас ищем! В районе плохо.

Вижу, за Федей идут по коридору Вася Устинов, знакомые рабочие с Тильманса, с Трехгорки, с Электроламповой. У меня было такое чувство, что вот они — надежда и сила Пресни. Только как же: они все тут, а район остался без всякой защиты?

Оказывается, они только с боевого дежурства.

Федя сказал, чтобы мы тут подождали. Он сходит в Ревком, спросит, как быть.

Девушка-медсестра раздобыла где-то чайник с кипятком, кружки, чай, сахар, хлеб. Мы снова помогали ей: раздавали раненым сахар, хлеб, поили их чаем.

Раненые мне казались людьми особенными. Я считала: ранен — значит, герой. Если раненый что-то просил меня, я не знала, куда кинуться, чтобы только скорее...

Пришел Федя. В Ревкоме ему сказали: «Идите к себе в район». И помощь пообещали.

В белоколонном зале Смольного под громовые овации делегатов II съезда Советов Владимир Ильич Ленин провозглашает создание первого в мире Советского государства.

Мы возвращались в район перед рассветом. Шли переулками по одному, по двое; только у Пресни Шеногин построил отряд.

Уже во дворе Трехгорки мы увидели наших ребят, узнали от них: Ходынские казармы с нами! Солдаты обещали нас поддержать, в Ревком привезли оружие. Дугачев и Попов только что пришли из Кремля.

В Ревкоме, на кухне Трехгорки, было оживленно. Толпился народ. Раздавали оружие. Щелкали затворы винтовок.

Увидев меня и Таню, Петя Воробьев бросился к нам, начал хвалиться:

— Смотрите, что у меня!

Он достал где-то и револьвер и карабин, был страшно доволен, даже на месте стоять не мог — все пританцовывал. Да и у всех настроение было приподнятое. Подошли к нам и другие ребята, тоже показывали револьверы, ружья.

Миша Дугачев стоял окруженный людьми и что-то рассказывал. Мы с Таней протиснулись к нему, стали слушать:

— В такую перепалку попали, чуть не погибли. Юнкера солдат построили и приказали: «Каждый десятый — вперед». Этих «десятых» снова построили и стали расстреливать. Солдаты так прямо и падали. Мы за бревна попрятались, тем и спаслись.

Он был взволнован, разгорячен, рассказывал, размахивал руками. Мне казалось, что он что-то преувеличил: такое за Мишей бывало, он иногда увлекался. Потом я узнала, что все это правда... В Кремле юнкера расстреливали из пулеметов безоружных солдат.

Шеногин докладывал членам Ревкома о событиях в центре.

Тут же стали рассылать по улицам вооруженные патрули — охранять подходы к району.

Днем из Московского военно-революционного комитета к нам пришел офицер-большевик Златоверов для руководства военными действиями в районе. В Ревкоме выполняли обещание, которое дали Шеногину. Златоверов сразу рас-

порядился: перевести Ревком с Трехгорки поближе к Кудринке — к месту, где возможны боевые действия.

Выбрали помещение пожарной части у Кудринской площади. Перебирались туда под вечер. Шли по Большой Пресне, посреди мостовой, подальше от тротуаров: из подворотен стреляли.

К Кудринской площади и дальше, к центру, направляли отряды вооруженных рабочих. Отсюда, с Поварской, с Никитского, с Новинского, с Горбатого моста, на район действительно шли юнкера и кадеты. Из ворот, из телег, из бревен на улицах строили баррикады.

На другой день утром у Зоопарка стояли две пушки с Ходынского поля. Пушки били по центру. Потом одну из них перетаскили на Кудринку. Стояла пушка и у Горбатого моста.

Днем в районе появились солдаты с Ходынки; до сих пор баррикады занимали только отряды вооруженных рабочих.

На улицах уже шли бои.

Среди молодежи нашего Союза не нашлось ни одного, который в эти дни не был бы с нами. Ребята ушли на баррикады; девушки вместе с Наташей Богачевой работали в Ревкоме, на питательном пункте.

Нам с Таней поручили организовать медицинский пункт. В медицине мы смыслили мало, но из городского комитета нам прислали медицинскую сестру Чайкину. Она сказала, что прежде всего нужно достать вату, бинты, носилки. Как? Об этом мы не спрашивали. Заходили в частные аптеки, говорили: «Дайте нам то-то и то-то...»

Растерянные хозяева приносили пачки ваты и свертки марли. Мы совали им расписки, которых, кстати, никто не просил.

Устроили палату для раненых тут же, в Ревкоме, а кроме того, потребовали для наших раненых отдельную палату в соседнем госпитале. Госпитальным врачам и сестрам мы не доверяли; назначили в эту палату своего комиссара — мою сестренку Катюшу.

Интересно у нас получалось с Таней. Каждая по отдельности — просто девчонка, а Таня — так та и вовсе тихоня, но

вместе мы чувствовали себя совсем по-другому, словно это уже не мы с Таней, а вся наша фабрика.

В палате, которую мы устроили в Ревкоме, оставалась сестра Чайкина, а мы с Таней ходили по улицам, по отрядам — там, где могли быть раненые. Тут же на месте делали перевязки, тащили раненых в нашу палату, к Чайкиной, или в госпиталь. Помню, только я привела раненых в нашу палату, передают по цепочке, что Рыбакова срочно просит носилки к проезду Новинского бульвара, дом номер такой-то. Я схватила носилки и побежала. Вижу, в подворотне лежит паренек из нашего Союза, Вася Любимов, весь перевязанный, держит в руках Танину руку. Рядом сидит Таня, в сторону отвернулась, чтоб Вася не видел слезы.

Позже я узнала, что тут случилось. Юнкера открыли сильный огонь со стороны бульвара. Вася Любимов упал посреди проезда. В бой вступил пулемет. Пули так и свистели вдоль проезда — нельзя было поднять головы. Таня выбежала из подворотни, где она укрывалась, под огнем бросилась к упавшему человеку. Она не знала, что это Вася. Он был ранен в бедро и в таз, ползти не мог. Таня взвалила его на себя, вытаскивала на тротуар, спрятала в подворотне, перевязала...

Может быть, вас не поразит Танин поступок: мало ли де-вушек выносили раненых из боя во время гражданской войны и после, в дни Отечественной войны! Но в том-то и дело, что позже таких примеров было немало, было кому подражать, а Тане подсказывали только сердце и совесть.

Очень чувствовалась наша товарищеская спайка в те Октябрьские дни. Бежишь по улице с каким-то заданием, видишь: стоит у баррикады Шура Соколов, или Воробьев Петя, или кто-то другой из наших ребят, из Союза, — и сразу станет тепло-тепло на душе.

Не хватало патронов, не хватало снарядов... Юнкера про-рвались на Кудринку, заняли площадь, почти подошли к Ревкому; потом их снова отбили до самых Никитских ворот.

Домой в эти дни никто не ходил, даже Наташа Богачева, а у нее дома оставалась пятилетняя дочка.

Сережа Яковлев увидел у баррикады девочку. Шла перестрелка, но девочка не замечала ее. Сережа выскочил из укрытия, схватил девочку на руки:

— Куда ты идешь?

— В райком.

— Зачем тебе?

— К маме.

Сергей догадался, что это дочка Наташи Богачевой, принес девчушку в Ревком. Наташа отвела ее в палату для раненых. Девочке так понравилось здесь, что она даже уходить не хотела.

Устанешь — придешь в Ревком; на полу (голова на локоть, а то на кулак, чтобы скорее проснуться) спят Дугачев и Слесарев; кто-то в палате для раненых прикорнул: лежит на полу, а голову к раненому в ноги примостил, на носилки. Свернешься тут же где-нибудь в уголке (больше, чем час-два, мы и не спали с Таней) и снова бежишь.

Как мы питались? Так вот, у Наташи Богачевой был питательный пункт. Раз отбили обоз у юнкеров — появились консервы. Наташа давала на троих целую банку. Это, конечно, было роскошно. А то просто кружку чая выпьешь с куском хлеба. Бывало и так, что прибежишь к Наташе — у нее нет ничего. Кружку кипяткахватишь — и всё.

Доставали продукты в лавках под те же расписки, но лавочники прятали свои припасы и прятались сами. Трудно было с продуктами, но в те дни нам и в голову не приходило придумать какие-нибудь списки, талоны; просто делились, как делятся обычно в семье. Невозможно было, чтобы один ел, а другой сидел рядом голодный.

Наташе Богачевой братишка притащил из дому мерку картошки — не знаю уж, где они достали такое богатство. Наташа поставила мерку на стол: «Попируем, товарищи!» Картофель был сварен в мундире; от него еще шел пар — горячий и какой-то по-особому сытный. Это был действительно пир; не помню, чтобы еще когда-нибудь мне пришлось сидеть за таким веселым столом...

...30 октября по городу было объявлено перемирие. Мы не очень поверили в это, старались использовать время с толком: чистили оружие, разоружали в своем районе казавшихся нам подозрительными вооруженных людей. На другой же день перемирие юнкера нарушили.

Мы с Таней по-прежнему ходили в разведку: спускались по Никитской до Манежа, смотрели, как располагаются по переулкам юнкерские и кадетские части.

У Никитских ворот мы проходили мимо отряда Феди Шеногина: тут строили баррикаду. Шеногин был такой, как всегда,—немногословный, собранный, даже, пожалуй, спокойнее, чем обычно.

Около него так и сновали мальчишки: тащили бревна, мешки, уходили в разведку по ближним переулкам. Когда начиналась стрельба, они разлетались, как воробьи, прятались в подъезды, в подвалы; а стихало—снова окружали Шеногина.

— Дети любят только хороших людей; они это чувствуют лучше, чем взрослые,—сказала мне как-то Таня.

Когда мы шли мимо Шеногина с новым заданием, откуда-то стреляли по баррикаде. Один мальчонка из Фединового резерва забрался на крышу и долго лежал за трубой. Слез и доложил Шеногину:

— Стреляют с церковной колокольни.

Потом Петя Воробьев прибежал в Ревком, показывал в лицах, что было дальше.

Поднялись они на колокольню, видят: действительно стоит пулемет, у пулемета поп в рясе, с большим крестом на груди—все, как положено. Лежит поп, прицеливается. Петя и говорит: «Не божеское это занятие, батюшка, бог на тебя будет в обиде».

Попа с колокольни свели, а Петя улегся на его место, только пулемет повернул к Никитским воротам: там стояли тогда юнкера.

Тяжелые это были бои—у Никитских ворот. В аптеку попал снаряд. Воспламенились спирты. Начался сильный пожар,

а в аптеке — наши солдаты. Как им помочь? Юнкера окружили горящий дом и не выпускают оттуда. Наши не успели прорваться на помощь: много здесь погибло наших людей.

Бои у Никитских ворот и у Новинского бульвара были последними в районе.

У Новинского бульвара баррикады не строили: здесь стреляли из-за деревьев, из-за тумб, из-за скамеек, перебежали от дерева к дереву.

Помню, между деревьями густой цепочкой шли юнкера. Наши выстрелили из орудия, стоявшего на Кудринской площади. Юнкера рассыпались, потом снова собрались, стали отстреливаться.

Я заметила: в проезде бульвара лицом к земле лежит человек в солдатской шинели. Через бульвар продолжается перестрелка. Я решила: оттащу его в подворотню — все-таки там потише, а потом уж перевяжу, пошлю за носилками.

Тащить его было трудно, к тому же стреляли. Я что-то говорила ему; он не откликался.

Нагнулась, повернула к себе его голову — глаза у него остановились, голубые такие, светлые-светлые. Усы рыжеватые, лицо простое, крестьянское, немолодое: тридцатилетние мне в ту пору казались уже немолодыми. Где-то в деревне у него, должно быть, ребята, жена... Живут и еще не знают о том, что случилось.

Впервые так близко я видела мертвого человека.

Тяжело было оттого, что ничего нельзя уже сделать.

Потом, после боев, были похороны жертв революции. Гробы, обитые красным, несли на руках от Пресни до Красной площади. Не было ни цветов, ни оркестров. Пели: «Вы жертвою пали...» У кремлевской стены вырыли огромные братские могилы, в них подряд клали гробы.

Я шла вместе с другими в колонне, а в глазах у меня все стояло, не уходило это лицо...

ЗДРАВСТВУЙ, НОВАЯ ЖИЗНЬ!

Д. А. Рурманов

Выдающийся советский писатель. В 1917 году член Иваново-Вознесенского Совета рабочих и солдатских депутатов. В Октябрьские дни 1917 года — председатель революционного штаба Ивановского Совета.

25 октября 1917 года на шесть часов вечера назначено было заседание нашего Иваново-Вознесенского Совета.

Настроение в тот вечер было исключительное. Спорили как-то особенно горячо, неистово, безо всякого соответствия значению вопросов. Возбуждались быстро. Реагировали на все болезненно. То и дело подавались ядовитые реплики. Протестовавшие вскакивали на лавках, словно пузыри на воде: попрыгают-попрыгают и пропадут. А там другие...

Можно было видеть, что все эти вопросы — не главные, на них только вымещают что-то кипящее внутри. Вот то самое

главное, о чем так хочется говорить, чего ждут не дождутся собравшиеся делегаты... Ведь сегодня 25-е... Может быть, утром... Может быть, в ночь придет... А может быть, и теперь, вот в эти самые минуты, гремят там орудия, дробят пулеметы, колоннами идут рабочие и льется, льется, льется братская кровь... Эх, скорей бы узнать! Уж разом бы узнать — все станет легче...

Три раза пытался я связываться с Москвой телефоном — не выходило. Наконец дали редакцию «Известий» и оттуда сообщили незабываемой силы слова:

«Временное правительство свергнуто!»

Чуть помню себя: ворвался в зал, оборвал говоривших, стала мертвая тишина, и, четко скандируя слова, бросил в толпу делегатов:

— Товарищи, Временное правительство свергнуто!..

Через мгновение зал стонал. Кричали кому что вздумается: кто проклятия, кто приветствия, жали руки, вскакивали на лавки, а иные зачем-то аплодировали, топали ногами, били палками о скамьи и стены, зычно ревели: «Товарищи!.. Товарищи!.. Товарищи!..» Один горячий слесарь ухватил массивный стул и с размаху едва не метнул его в толпу... Уханье, выкрики, зачатки песен — все сгрудилось в густой бессвязный гул...

Кто-то выкрикнул: «Интернационал»!»

И из хаоса вдруг родились, окрепли и помчались звуки священного гимна...

Певали свой гимн мы до этого, певали и после этого многие сотни раз, но не помню другого дня, когда его пели бы как теперь: с такою раскрывшейся внутренней силой, с таким горячим, захлебывающимся порывом, с такою целомудренной глубокой верой в каждое слово:

Вставай, проклятьем заклеянный,
Весь мир голодных и рабов!
Кипит наш разум возмущенный
И в смертный бой вести готов...

Мы не только пели — мы видели перед собою, наяву, как поднялись, идут, колышутся рабочие рати на этот смертный последний бой: нам уже слышны грозные, воинственные клики, нам слышится суровая команда — чеканная, короткая, строгая, мы слышим, как лязгает, звенит оружие... Да, это поднялись рабочие рати.

И если гром великий грянет
Над сворой псов и палачей,—
Для нас все так же солнце станет
Сиять огнем своих лучей.

Эти вести из Москвы — вот он и грянул великий гром! Рабочие победили. Рабочие взяли власть... Враг разбит — повержена «свора псов и палачей»...

А солнце сияет, сжигает огнем своих лучей... Да-да, все как в песне: наш путеводный гимн, самая дорогая, заветная песня, которую пели в подполье рабы, за которую гнали, ссылали, расстреливали, вешали, истязали по тюрьмам — может ли ошибаться эта песня, впоенная кровью мучеников?.. Пришли наши дни — их мы ждали. Здравствуй, новая жизнь!..

ПЕРВЫЕ ДНИ СОВНАРКОМА

В. Д. Бонч-Бруевич

Активный участник Февральской и Октябрьской революций в 1917 году. С первых дней Октября — управляющий делами Совета Народных Комиссаров.

Дней через пять после Октябрьской революции в Петрограде Владимир Ильич, ужиная у меня поздно ночью, перед тем как, казалось, пора уже было идти спать, вдруг оживленно заговорил о том, что наступило время приступить к органической работе управления страной, для чего надо немедленно создавать аппарат, прежде всего при центральном правительстве. Было совершенно очевидно, что схема всего управления страной у него давно продумана и, можно сказать, отчеканена, так как на каждый вопрос он немедленно давал ясный и точный ответ.

— Вы беритесь за весь управленческий аппарат¹,— сказал Владимир Ильич мне.— Берите это в свои руки, имейте со мной непосредственное постоянное общение, так как многое, очевидно, придется разрешать немедленно, даже без доклада Совету Народных Комиссаров или сношения с отдельными комиссариатами. Наладить комиссариаты,— прибавил он,— дело нелегкое.

Я согласился взяться за это.

На другой день с утра прежде всего я отправился в Смольный подыскать помещение для кабинета Владимира Ильича, примыкающее к его квартире в Смольном, куда собирались его поселить. Первые недели революции он жил у меня. В кабинете Владимира Ильича мы предполагали собирать Совет Народных Комиссаров.

Рядом с этим кабинетом нужно было иметь большое помещение для Управления делами Совнаркома, где бы расположились секретари, делопроизводители и прочий персонал. Помещение Смольного было неудобно для всех этих учреждений, так как комнаты были огромны, без перегородок. Однако удалось найти две смежных комнаты— одну поменьше, другую большую,— где мы и обосновались.

Прежде всего оборудовали кабинет Владимира Ильича и позаботились поставить коммутатор для телефонной связи через центральную телефонную станцию Петрограда. Рабочий-телефонист, член нашей партии, был первым, кого я пригласил для обслуживания Совнаркома.

На Пулковских высотах и вокруг Петрограда шли бои, приходилось все время не только думать о создании правительственного аппарата, но и принимать участие в снабжении армии, отправке оружия, эвакуации раненых. В то же время к нам в Смольный повалили со всех сторон и рабочие, и обыватели, и представители дипломатического корпуса, и всевозможные военные атташе, и иностранцы, случайно в то время проживавшие в Петрограде. Из провинции поступало огром-

¹ Бонч-Бруевич В. Д. был назначен управляющим делами Совета Народных Комиссаров 1(14) ноября 1917 года.

ное количество телеграмм, запросов, и на все это надо было отвечать, а управленческий аппарат совершенно отсутствовал. Волей-неволей приходилось торопиться с его созданием.

Я пригласил двух-трех товарищей для того, чтобы помочь хоть как-нибудь разместиться в помещении. Мы стали устанавливать столы, табуретки, скамейки, сделали перегородку, отделявшую ту часть залы, где мы работали, устроили две приемные комнаты, у входа в которые поставили двух часовых и столы для регистрации посетителей, приемки почты, пакетов и прочего, устроили раздевальню. У дверей кабинета Владимира Ильича была назначена особая смена испытанных и хорошо нам известных красногвардейцев, которым запрещено было кого бы то ни было без разрешения пускать в кабинет Владимира Ильича, кроме лиц по особому списку...

Первое время приходилось работать не только дни, но почти все ночи напролет.

Просителей приходило так много, что не было возможности их всех принять. С полного согласия Владимира Ильича с первых же дней каждому посетителю, кто бы он ни был, дана была возможность совершенно свободно прийти в правительство для заявления своей нужды.

Очень много народу приходило из любопытства, по самым малейшим пустякам, и в первые же дни стало ясно, что таких посетителей необходимо направлять в городскую думу, раз это касалось городских дел, где все дела забрал в свои крепкие руки Михаил Иванович Калинин¹.

Вокруг Управления делами Совнаркома стали вырастать здесь же, в Смольном, временные управленческие аппараты других комиссариатов.

Первый комиссариат, который мы здесь организовали, был Комиссариат по иностранным делам, на что толкала нас сама жизнь, так необходимо было организовать прием дип-

¹ Первое время после революции в городах параллельно с Советами сохранились старые органы власти — городские думы, занимавшиеся хозяйственными вопросами. Петроградским городским головой после Октября был М. И. Калинин, ставший затем комиссаром городского хозяйства Петрограда.

ломатических иностранцев из всех посольств, которые к нам почти ежедневно приходили.

Возникла необходимость организовать Комиссариат финансов. В комиссары финансов был выдвинут товарищ Менжинский. Его назначение состоялось поздно вечером. Менжинский был в то время чрезвычайно переутомлен работой. Для того чтобы немедленно привести в исполнение предписание правительства, он с одним из товарищей принес большой диван, поставил его около стены тут же в Управлении делами и крупно написал на писчем листе бумаги: «Комиссариат финансов». Укрепив эту надпись над диваном, он лег спать на диван, мгновенно заснул, и его похрапывание разносилось по Управлению делами Совнаркома.

Владимир Ильич вышел из кабинета, и я сказал ему:

— Смотрите! У нас уже организован и второй комиссариат, и тут же близехонько. Позвольте вас познакомить с ним.— И я подвел Владимира Ильича к дивану, на котором товарищ Менжинский блаженно спал.

Владимир Ильич прочел надпись, увидел спящего комиссара, самым добродушным образом расхохотался и заметил, что это очень хорошо, что комиссары начинают с того, что подкрепляются силами.

Так шаг за шагом мы создавали советский аппарат, который вскоре заработал очень четко.

В Управлении делами Совнаркома приходилось разрешать всевозможнейшие вопросы, и разглашать быстро, потому что многие из них не терпели отлагательства. Владимир Ильич просил меня обращаться к нему только в самых важнейших случаях, все же остальное, пока не организуются комиссариаты, брать на собственную ответственность,— «делать и делать», как говорил он. Я только настоял на одном, чтобы он разрешил мне докладывать ему в самом сжатом виде решительно обо всем, что за истекший день было сделано в Управлении делами Совнаркома. Важнейшие же бумаги и распоряжения, конечно, я всегда считал для себя обязательным давать на его визу или на прямое утверждение...

КАК СОЗДАВАЛСЯ РАБОЧИЙ АППАРАТ СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ

Н. П. Горбунов

Член партии с 1917 года. После Октябрьской революции — секретарь Совета Народных Комиссаров.

В то время, когда на улицах Петрограда и Москвы происходили еще революционные бои, Владимир Ильич уже со всей энергией организовывал правительство.

Я вместе с несколькими другими товарищами работал в Смольном, стараясь установить какой-нибудь порядок и наладить справочную службу, чтобы рабочие, тысячами пришедшие в Смольный, могли в первозданном революционном хаосе, в котором уже выкристаллизовывались органы Советской власти, найти то, что им было нужно.

Неожиданно получаю записку от В. Д. Бонч-Бруевича с просьбой немедленно прийти к нему.

Иду к нему, и он, ничего не объясняя, тащит меня наверх, на третий этаж, в ту маленькую угловую комнатку, где в первые дни работал Владимир Ильич.

Я вижу Владимира Ильича, который здоровается со мною и, к моему изумлению, говорит: «Вы будете секретарем Совнаркома».

Никаких указаний я тогда от него не получил. Понятия о своей работе, да и вообще о секретарских обязанностях, не имел никакого. Где-то конфисковал пишущую машинку, на которой мне довольно долго самому приходилось двумя пальцами выстукивать бумаги, так как машинистку найти было невозможно, где-то отвоевал комнатку и начал «формировать аппарат», который в первые дни состоял из одного меня.

Одной из первых пришла ко мне Анна Петровна Кизас. Я ее не знал, но раз пришла, значит, своя.

Начали мы с установления наличия учреждений, возникавших стихийно внутри Смольного. Совнарком тогда еще не заседал, что дало нам возможность подготовиться к работе.

Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич прислал ко мне даже начальника канцелярии, якобы знатока американской постановки этого дела по новейшей системе. Этот начальник начал организовывать канцелярию на стульях, так как на весь аппарат Совнаркома приходился всего один стол. Но скоро он так запутал даже то небольшое количество дел, какое у нас тогда было, что пришлось отказаться от «американской рационализации».

Первое заседание Совета Народных Комиссаров состоялось 3 ноября 1917 года в той же угловой комнатке, о которой я упомянул выше. Я был вызван на это заседание Владимиром Ильичем.

Не имея представления, как нужно вести протоколы, я не зафиксировал, кто присутствовал на заседании. Председательствовал Ленин.

На заседании слушался доклад приехавшего из Москвы т. Ногина о московских событиях.

Я пытался записывать содержание доклада, но, конечно, не поспевал, так как стенографией не владел.

Конец заседания я уже вообще не мог записывать: все говорили вразброд. Речь шла о пессимизме некоторых работников, на которых московские события произвели впечатление разрушения всех культурных ценностей (например, слухи о разрушении Василия Блаженного). Помню фразу Ильича: «Что же — революция пойдет мимо них».

Между первым и вторым заседаниями Совнаркома прошло 12 дней. Как известно, в эти дни происходила лихорадочная работа по организации вооруженной борьбы с контрреволюцией и шли ожесточенные бои Красной гвардии с контрреволюционными войсками на подступах к Петрограду. Во главе этой организации стоял Военно-революционный комитет, но фактически руководил делом Владимир Ильич.

Организуя Красную гвардию и организуя оборону Петрограда, Владимир Ильич использовал каждую, маленькую даже, возможность, каждого человека.

Однажды глубокой ночью он вызвал меня к себе и дал такое поручение: «Пойдите сейчас же вместе с товарищем Х. (фамилию сейчас не припомню) и организуйте ломовой обоз, который мог бы немедленно начать подвозку снарядов из Петропавловской крепости на линию боя».

Через союз транспортников мы достали адреса ломовых извозчиков и их хозяев и ночью с револьверами в руках, разбившись по одному, стали ходить по всем домам и дворам, мобилизуя извозчиков где уговором, где угрозой. К рассвету нужный обоз был уже у ворот Петропавловской крепости.

В эти дни наш «аппарат» выполнял самые различные задания Владимира Ильича.

Например, как-то Владимир Ильич вручил мне декрет за собственной подписью (некоторые декреты подписывались Владимиром Ильичем в тот период по соглашению с одним или двумя наркомками, без заседаний Совнаркома, так как

его невозможно было в эти дни боев созывать) с приказом Госбанку вне всяких правил и формальностей выдать на руки секретарю Совнаркома десять миллионов¹ рублей в распоряжение правительства. Правительственным комиссаром банка был назначен В. В. Оболенский-Осинский. Передавая этот декрет мне в присутствии товарища Осинского, Владимир Ильич сказал: «Если денег не достанете — не возвращайтесь».

Дело в том, что это был период полного саботажа интеллигенции, и впереди всех саботажников были чиновники Государственного банка. Несмотря на декреты правительства и требования отпуска средств, Государственный банк нагло саботировал. Народный комиссар финансов товарищ Менжинский никакими мерами, вплоть до ареста директора Государственного банка Шипова, не мог заставить банк отпустить правительству нужные революции средства.

Шипова привезли в Смольный и держали там некоторое время под арестом. Ночевал он в одной комнате с товарищем Менжинским и мною. Днем эта комната превращалась в канцелярию какого-то учреждения (не Наркомфина ли?). Мне пришлось, к моей досаде, в виде особой вежливости (а вежливы и наивны были большевики вначале до того, что не расстреляли даже Краснова и из «вежливости», поверив его честному офицерскому слову, отпустили его на все четыре стороны²) уступить ему койку и спать на стульях.

Получив задание от Ленина, мы вдвоем с товарищем Осинским на автомобиле поехали в Госбанк.

¹ Может быть, не десять, а пять миллионов рублей. За цифру сейчас не ручаюсь, так как текст декрета утерян. Вероятно, оригинал был предъявлен в банке в качестве аккредитива. (Прим. автора.)

² Генерал царской армии Краснов в конце октября 1917 года командовал казачьими отрядами, двинутыми Керенским на Петроград. Был отпущен Советской властью под честное слово, которое он тут же нарушил. В 1918—1919 годах руководил белоказачьей армией на Дону. В 1919 году бежал за границу, где продолжал контрреволюционную антисоветскую деятельность. В 1941—1945 годах сотрудничал с гитлеровцами. Был взят в плен и приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР к смертной казни.

Несмотря на всякие штучки, которые выделявали высшие чины Госбанка, вроде ложных тревог и т. п., нам удалось заставить кассира выдать требуемую сумму.

Мы производили приемку денег на счетном столе под взведенными курками солдат военной охраны банка. Был довольно рискованный момент, но все сошло благополучно.

Затруднение вышло с мешком для денег. Мы ничего с собой не взяли. Кто-то из курьеров наконец одолжил пару каких-то старых больших мешков. Мы набили их деньгами доверху, взвалили на спину и потащили в автомобиль.

Ехали в Смольный, радостно улыбаясь. В Смольном также на себе дотащили мешки в кабинет Владимира Ильича. Ильича не было.

В ожидании его я сел на мешки с револьвером в руках. Сдал я их Владимиру Ильичу с особой торжественностью. Тот принял их с таким видом, как будто иначе и быть не могло, но на самом деле остался очень доволен.

В одной из соседних комнат отвели платяной шкаф под хранение первой советской казны, окружив этот шкаф полукругом из стульев и поставив часового.

Особым декретом Совнаркома был установлен порядок хранения и пользования этими деньгами.

Так было положено начало нашему первому советскому бюджету. Буржуазная печать по этому поводу всюду кричала об ограблении большевиками Государственного банка.

Второе заседание Совнаркома произошло только 15 ноября в маленькой комнатухе в другом конце Смольного, в которую Ильич перебрался уже для постоянной работы, уступив первую комнату для Наркоминдела.

На этом заседании, происходившем в более спокойных условиях, было рассмотрено уже до 20 вопросов. Один из наркомов, кажется т. Глебов-Авилов, научил меня вести протокол, так что я справлялся с этой работой в этот раз уже без особых затруднений...

Дальнейшие заседания Совнаркома проходили уже регулярно, почти каждый день, а то и по два раза в день.

В Петрограде власть уже в руках народа. А в Москве
еще идут упорные бои. На Скобелевской площади
революционные отряды отражают нападение юнкеров.
Спустя несколько часов красное знамя победы
взойдет над советской Москвой.

За первый месяц такой систематической работы было рассмотрено на 25 заседаниях Совнаркома свыше 200 вопросов. В следующем месяце на 20 заседаниях было рассмотрено столько же вопросов. На всех заседаниях, за редким исключением, председательствовал Владимир Ильич.

Разрешение многих вопросов осложнилось в связи с участием в составе Совнаркома левых эсеров¹, которые выдвигали свою принципиальную установку.

¹ Левые эсеры, которые ранее отказались войти в Совнарком без представителей других «социалистических» партий, вошли в СНК после того, как открывшийся 10 ноября 1917 года Второй съезд крестьянских депутатов выразил полное доверие Советской власти. Крестьянские депутаты одобрили первые декреты и с оркестром отправились в Смольный приветствовать Совет Народных Комиссаров.

Приходится поражаться совершенно исключительной работоспособности Владимира Ильича, который, кроме работы в Совнаркоме, был невероятно загружен сложнейшими политическими и оперативными делами и руководством партией. Однако он находил время и для задушевных бесед с отдельными партийцами и с приходившими к нему в очень большом числе беспартийными рабочими и ходаками-крестьянами.

Аппарат Совнаркома за это время несколько вырос. Нагрузка тем не менее у него была неслыханная. Кроме ежедневных заседаний Совнаркома и Малого Совнаркома, который вскоре был создан, в функции аппарата входил прием всех посетителей, разговоры от имени Владимира Ильича согласно инструкций, которые он давал, с отдельными делегациями, телеграфная переписка с местами, которые обращались в центр за директивами. Владимир Ильич оказывал большое доверие нашему аппарату, и поэтому было легко и радостно работать.

В ПЕРВЫЕ ДНИ РЕВОЛЮЦИИ

И. М. Вахрамеев

Активный участник Октябрьской революции, делегат Второго Всероссийского съезда Советов, председатель Военно-морского революционного Комитета.

Тяжелыми были первые дни революции в Петрограде. В Смольном неустанно работало первое в мире правительство рабочих и крестьян, руководимое Лениным.

Вокруг Смольного днем и ночью горели костры, у их жаркого пламени грелись патрули Красной гвардии.

На Выборгской стороне, за Нарвской заставой, на Охте, на Путиловском и Обуховском заводах бурлила новая жизнь. А на Невском проспекте еще продавали буржуазные газеты, которые пророчили скорую гибель большевикам.

Подвоза никакого не было: железнодорожники отказались водить поезда в революционный Питер. На почтамте, на

телеграфе и телефонной станции чиновники не желали работать с Советской властью.

Саботаж, отказ от работы — вот чем хотела контрреволюция задуть молодую Республику Советов.

Перед Военно-морским революционным комитетом была поставлена задача совместно с революционным пролетариатом сломить саботаж чиновников, заставить их работать.

Вот как она выполнялась нами.

9 ноября 1917 года ко мне прибыл комиссар главной электростанции Петрограда товарищ Аллилуев. Он привез с собой предписание товарища Ленина обеспечить электростанцию углем.

— Действовать надо немедленно, — сказал товарищ Аллилуев, — в противном случае город окажется без воды и света.

— Уголь будет! — ответил я ему.

— Могу я доложить об этом товарищу Ленину? — спрашивает Аллилуев.

— Доложите Владимиру Ильичу: Военно-морской революционный комитет станцию углем обеспечит.

Несколько миллионов пудов угля в ту пору находилось на складах морского министерства, в Новом порту. Это был военный неприкосновенный запас.

Я вызвал к себе комиссара Петроградского военного порта Ивана Давыдовича Сладкова и приказал:

— Возьмите отряд матросов, гоните в Новый порт грузовые баржи, доставьте уголь на городскую электростанцию. — В конце я подчеркиваю: — Это — приказание товарища Ленина. Понятно?

— Понятно! — отвечает товарищ Сладков и уходит.

Несколько часов спустя он звонит мне и очень смущенно докладывает:

— Начальник склада угля не дает.

— На каком основании?

— Этот уголь он может выдать только с разрешения морского министра.

— Объясните этому чиновнику,— говорю я,— что военно-морской министр уже вторую неделю сидит в Петропавловской крепости.

Сладков отвечает:

— Начальник склада только что получил указание от исполняющего обязанности морского министра капитана I ранга Кукеля уголь не отпускать.

— Растолкуйте чиновнику обстановку,— говорю я.— Если не поймет, грузите в баржу чиновника вместе с углем.

— Есть! — отвечает товарищ Сладков.

Повесив трубку, я немедленно решил узнать, где же находится самозванный министр Кукель.

Оказалось, что в момент штурма 25 октября 1917 года только один из министров Временного правительства не растерялся: это был морской министр Вердеревский. Услышав шаги штурмовавших Зимний дворец рабочих, солдат и матросов, он позвонил по телефону своему помощнику по части снабжения Кукелю и официально возложил на него временное исполнение обязанностей морского министра. И Кукель сидел все эти дни в том же здании Адмиралтейства, прямо над моим кабинетом, только одним этажом выше.

Прошло совсем немного времени, пока я выяснял все эти обстоятельства. Мне снова позвонил товарищ Сладков и доложил:

— Чиновник учел обстановку. Погрузка угля идет полным ходом!

Теперь надо было взяться за Кукеля.

В тот же день вместе с членами Военно-морского революционного комитета товарищами Мясниковым и Стаселюком я поднялся на второй этаж Адмиралтейства, где размещались кабинет и канцелярия военно-морского министра. В приемной нас встретил изысканно вежливый адъютант.

— Как прикажете доложить? — спросил он нас.

— Не стоит беспокоиться,— говорю я ему.— Мы без доклада войдем и переговорим с гражданином Кукелем.

Адъютант растерялся.

Мы вошли в кабинет и увидели сидевшего за столом самозванного министра.

— Вы Кукель? — спросил я его. — Одевайтесь и следуйте за нами!

Кукель берет трубку телефона, пытаясь с кем-то переговорить. Я схватил его руку, отобрал телефонную трубку и положил ее обратно на рычаг.

Поняв, что сопротивление бесполезно, Кукель как-то обмяк и сильно побледнел. Он взял со стоявшего рядом кресла свою шинель и, надевая ее, спросил:

— Что я могу захватить с собой?

Я увидел на столе коробку папирос «Зефир» и сказал:

— Можете взять их с собой.

Когда мы вышли в приемную, адъютанта на месте не оказалось. Подслушав, по-видимому, наш разговор, он поспешил удалиться.

Мы усадили Кукеля в «председательский рыдван». Так матросы окрестили автомобиль, в котором я в те дни выезжал на задания. Еще недавно этот автомобиль принадлежал великому князю Кириллу Владимировичу. Он был по высочайшему заказу изготовлен в Германии известной тогда фирмой «Даймлер».

Отделанный с величайшей роскошью, этот автомобиль казался по тем временам чудом и верхом совершенства. Кабина шофера была отгорожена от пассажиров, к ней был проведен телефон. Снаружи машина была покрыта черным лаком с белыми и золотыми кантами, внутри она вся была обита золотистым шелком и освещена пятью электрическими лампочками.

Мы усадили в этот княжеский автомобиль Кукеля и повезли.

Кукель очень нервничал, он был бледен и, все время крестясь, допытывался:

— Вы меня не расстреляете?

Когда он увидел наконец, что мы, проехав Троицкий мост, сворачиваем к крепости, лицо его вдруг оживилось. Не скрывая радости, он в последний раз переспросил:

— В тюрьму, стало быть, в Петропавловскую?..

Он был прав — мы сдали его комиссару Трубецкого бастиона Петропавловской крепости, получив соответствующую расписку.

Неделю спустя комиссар Генерального морского штаба сообщил в Военно-морской революционный комитет:

— В штабе происходит собрание всего личного состава.

— Какое собрание? Кто созвал его? — спрашиваю у комиссара.

— Собрание проводит начальник секретного отдела капитан первого ранга Романов! — докладывает комиссар.

Решено было немедленно отправиться туда. Стаселюк, Мясников и я поднялись на второй этаж Адмиралтейства и вошли в зал как раз в тот момент, когда Романов стал зачитывать обращение морского министра к сотрудникам Генерального штаба.

— Что за чертовщина! — говорю я Мясникову. — Откуда опять появился морской министр?

— Ты послушай только, к чему он гнет, — говорит, толкнув меня легонько в бок, товарищ Стаселюк.

— «...Советскую власть не признавать! Прекратить всякую работу в штабе и разойтись по домам!» — читает последние строчки обращения капитан I ранга Романов и затем от себя добавляет: — Всем сотрудникам будет выдано жалованье за три месяца вперед. А за это время, господа, от большевиков и Советской власти не останется и следа.

Мы не стали разгонять собрание, а решили послушать, что будут говорить другие. Пока что выяснили некоторые подробности. Оказалось, что после ареста принявшего на себя обязанности морского министра Кукеля нашелся еще один

самозванец. На этот раз им был контр-адмирал граф Капнист. Это он обращался к сотрудникам, призывая их к саботажу.

Начальник секретного отдела капитан I ранга Романов заявил в конце своей речи:

— Большевики никогда не получат ключей от наших сейфов, Советская власть не притронется к секретным документам...

После этого выступил один из ведущих сотрудников штаба, капитан I ранга Е. А. Беренс. Это был знающий морской офицер, незаурядный специалист, которого очень уважали сотрудники.

— Я призываю вас, господа,— обратился он к собравшимся,— быть верными патриотическому долгу и оставаться на своем посту... Наш флот находится на боевых позициях, уйти из штаба—это значит дезертировать, нанести удар в спину. Я призываю продолжать работу, сотрудничать с новой властью.

— С узурпаторами? С немецкими агентами? — кричал сидевший на подоконнике щупленький, худой офицер с рыжеватой, клинышком, бородкой. Ноги его были короткие и, не доставая до полу, смешно болтались.

Владимир Ильич учил нас применять насилие лишь в самом крайнем случае, когда другого выхода не оставалось. Не скрою: очень хотелось нам в тот момент разогнать собрание, арестовать ярых врагов Советской власти. Но мы сдержались и решили путем убеждения привлечь людей на нашу сторону.

Я протиснулся вперед, вышел на трибуну и обратился к собравшимся:

— Товарищи!..

— Большевик! Узурпатор! — крикнул рыжий офицер, сидевший на подоконнике.

Я спокойно продолжал:

— От имени Советской власти мы предлагаем вам продолжать работу, не слушать никаких самозванных министров.

Временного правительства больше не существует. Министры арестованы, и власть в России принадлежит народу, волю которого осуществляет Совет Народных Комиссаров во главе с товарищем Лениным.

Собрание внимательно выслушало меня до конца. Не поступило никаких возражений, когда было предложено избрать начальника штаба. Большинством голосов начальником Генерального морского штаба был избран Е. А. Беренс, кандидатуру которого поддерживали все матросы, работавшие здесь писарями и шифровальщиками.

Махровый саботажник Романов был арестован в этот же день при выходе из штаба. Ключей при нем не оказалось. Они не нашлись и при обыске в помещении.

— Где ключи? — спрашивали мы у арестованного Романова.

— Ключей вы не получите! — зло ответил он.

Но мы все-таки нашли ключи от сейфов. Они оказались у самозванного морского министра контр-адмирала графа Капниста, которого мы арестовали ночью на его квартире.

В том же «председательском рыдване» мы препроводили его в Петропавловскую крепость и под расписку сдали все тому же комиссару Трубецкого бастиона товарищу Павлову. Расписка эта у меня сохранилась и по сей день. По почерку, по стилю нетрудно догадаться, что граф был сдан в надежные руки.

* * *

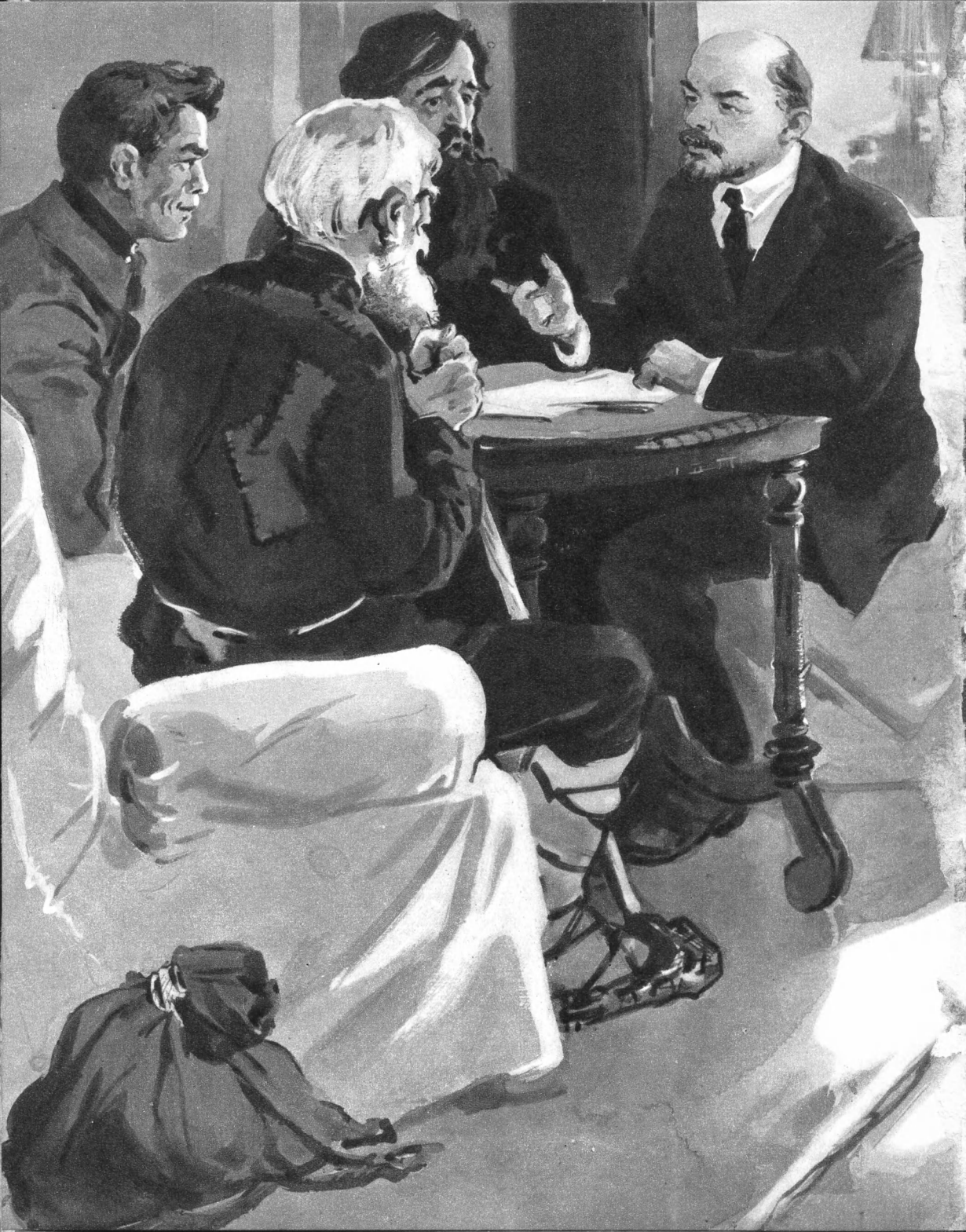
Шли дни за днями, и вот уже снова приближалось 25-е число — первый месяц Советской власти.

По-прежнему горели костры у Смольного; у костров грелись часовые с красными повязками на рукавах. Не потухали огни и в окнах Смольного.

Революция, победившая в Петрограде, продолжалась.

По всей России поднимались ее алые знамена, власть переходила в руки рабочих и крестьян.

Первые дни Советской власти. Владимир Ильич Ленин —
Председатель Совета Народных Комиссаров принимает
крестьянских ходоков.

И всюду, где бы ни создавался Совет рабочих и крестьянских депутатов, нуждались в помощи, в ободряющем слове, в указаниях и поддержке Ленина.

Уже не ржавели рельсы на подступах к Петрограду. Пусть с перебоями, но поезда и эшелоны курсировали на юг, на север, на восток и на запад страны.

А вот со связью никак дело не ладилось.

Почта, телеграф и телефон мешали и даже вредили делу революции.

Почтовые работники саботировали, не желали сотрудничать с большевиками.

Телефонистки на станции никого не соединяли со Смольным, не откликались на слово «товарищ». Телеграммы от большевиков не принимались.

Комиссары из гражданских лиц, которые сразу же после Октябрьского восстания были туда назначены, не могли сломить сопротивления большей части чиновников.

И вот 20 ноября 1917 года Народный комиссариат почты и телеграфа обратился в Военно-революционный комитет при ВЦИКе с просьбой дать указание Военно-морскому революционному комитету направить в Главный почтамт и на Центральную телефонную станцию Петрограда в качестве комиссаров революционных матросов.

Нам не пришлось объяснять значение и важность этого нового поручения Советской власти. Матросы привыкли выполнять самые различные задания, исходившие из Смольного, от первого в мире правительства рабочих и крестьян.

В этот же день Военно-морской революционный комитет выделил двух надежных товарищей: комиссаром почтамта был назначен черноморский матрос, делегат Второго съезда Советов, член Военно-морского революционного комитета Дмитрий Николаевич Марулин, служивший во флоте телеграфистом; комиссаром Центральной телефонной станции был назначен тоже матрос Черноморского флота, участник Октябрьского восстания Тимофей Матвеевич Рыжков — специалист-электрик.

Вечером, захватив с собой вооруженный отряд матросов в сто штыков, Марулин, Рыжков и я направились на Главный почтамт, который помещался там же, где и теперь, в Почтамтском переулке, недалеко от Исаакиевского собора.

Мы расставили у дверей часовых и направились в контору управляющего Главным почтамтом. Типичный почтовый чиновник в темно-синем мундирчике с желтыми кантами встретил нас очень вежливо.

— Слушаю вас,— сказал он.

— Согласно решению Военно-революционного комитета при ВЦИКе,— объявил я чиновнику,— вы освобождаетесь от должности и можете считать себя свободным.

— Кому я должен передать дела? — с неожиданной покорностью спросил бывший управляющий.

— Вот ему,— ответил я, указав на товарища Марулина.

— Матрос? — широко раскрыв глаза, удивленно переспросил бывший управляющий.

Мы собрали всех сотрудников почтамта на митинг.

— Власть в России,— сказал я,— взяли в свои руки рабочие и крестьяне. Это — крепкие руки. Ни помещикам, ни капиталистам теперь уже не вырвать этой власти, не господствовать им больше над народом. Вся Россия поднялась на последний и решительный бой! А вы кому собираетесь помогать? Народу или его поработителям? Рабочим и крестьянам или капиталистам и помещикам?.. Мы призываем вас честно выполнять свои обязанности, сотрудничать с Советской властью, которая несет всем народам мир, свободу, землю и лучшую долю.

Потом собравшимся был представлен новый комиссар Главного почтамта товарищ Марулин.

— Кто хочет высказаться? — спросил товарищ Марулин.

Долго длилось молчание. В тишине слышно было редкое всхлипывание, сдавленное покашливание. Кто-то из сотрудников решил взять слово.

— Я согласен продолжать работу,— сказал он.— Буду честно обрабатывать корреспонденцию и отправлять по лю-

бому адресу. Думаю, что Советская власть на нас не будет в обиде.

Выступали теперь и другие. Немолодая сотрудница спросила:

— А как будет с хлебными карточками?

— Тот, кто работает, хлебными карточками будет обеспечен,— ответил я.

— А остальным? — спросил кто-то робко и тихо.

— У тех, кто откажется от работы или будет умышленно тормозить народное дело, хлебные карточки отберем, из казенных квартир выселим, а злостных саботажников арестуем и посадим в тюрьму.

Выступавшие стали рассказывать нам о своем тяжелом положении.

— Есть нечего, товарищ комиссар, дети голодают,— говорили нам женщины, многие из которых были обременены большими семьями, а мужья их находились на фронте или уже погибли в боях.

Было ясно, что перед нами труженики, у которых нет никаких причин восставать против Советской власти. Они попросту были напуганы контрреволюционной пропагандой.

Мы решили помочь этим людям. На другой же день в распоряжение товарища Марулина было направлено несколько ящиков с мясными консервами, мешки с сахаром и другие продукты. Все это было роздано нуждающимся.

Иначе обстояло дело на телефонной станции.

Некоторые телефонистки категорически отказались работать под руководством матроса. Они были немедленно изгнаны с телефонной станции. На их место мы послали человек сорок матросов-телефонистов.

Комиссары-матросы оправдали себя.

Особенно хорошо справился со своими новыми обязанностями товарищ Марулин. Он сумел быстро завоевать авторитет и уважение сотрудников открытой душой, сердечностью, веселым нравом и подлинно революционным огнем в работе.

Он, например, ежедневно сам часами вел переговоры по аппарату Морзе. Дело в том, что провинциальные города все еще отказывались принимать телеграммы от большевиков, не хотели поддерживать связь с революционным Петроградом. Тогда товарищ Марулин садился за аппарат и вызывал Вологду, Мурманск, Петрозаводск, Новгород...

— Кто у аппарата? — спрашивал товарищ Марулин.

— Вологда, — отвечали ему.

— Эх, Вологда, Вологда! Слушай меня, Вологда. Это говорит матрос Марулин, такой же брат телеграфист, как и ты, а теперь вот комиссар Главного почтамта. Не буржуй, не помещик, не проклятая контра. От меня ты никогда не получал зуботычин. Поэтому слушай мою речугу внимательно и передай каждое слово товарищам...

Часами длилась революционная агитация матроса-комиссара Марулина, и длинная лента тире и точек ломала саботаж почтово-телеграфных чиновников на расстоянии 600—800 километров от Петрограда. Связь с обширной Россией налаживалась.

* * *

Ночью 13 декабря 1917 года я получил приказание немедленно явиться в здание бывшего министерства финансов. Оно помещалось на Мойке, недалеко от знаменитого мостика с грифонами.

Темно и сыро было в этот поздний час на улицах Петрограда. Огни в окнах потушены, безлюдно на скованной гранитом набережной. Идет густой мокрый снег.

Когда я вошел в указанную мне комнату, там уже находились товарищи Ленин, Свердлов, Менжинский, Подвойский и еще несколько незнакомых мне лиц. Со мной все поздоровались, предложили сесть в кресло. Начали прибывать и другие вызванные сюда представители — солдаты, командиры отрядов Красной гвардии, рабочие питерских заводов.

— Вам предстоит провести очень серьезную и архиважную операцию, — сказал, обращаясь к собравшимся, Влади-

мир Ильич.—Республике нужны деньги, но банки саботируют, отказываются сотрудничать с нами. Деньги в банках народные, и они должны принадлежать народу. Необходимо поэтому произвести национализацию банков в Петрограде.

Я уже раньше заметил, что Владимир Ильич всякий раз, когда он ставил перед нами какую-нибудь серьезную задачу, давал то или иное поручение, обязательно раскрывал смысл и цель того, что надо было сделать.

Так было и на этот раз.

Владимир Ильич, прежде чем перейти к практическим указаниям, обстоятельно объяснил исторический смысл предстоящей операции, он настаивал на том, чтобы этому мероприятию не был придан характер какого-то налета.

— Поймите,—говорил Ильич,—что в данном случае речь идет о важнейшем революционном акте...

Я понял это и старался запомнить каждое слово Ильича, чтобы так же ясно и убедительно объяснить матросам.

Владимир Ильич вручил нам письменную инструкцию:

— Вы должны явиться в банк ровно в девять часов тридцать минут. Не раньше, не позже. Вам понятно почему?

— Нет, что-то не догадываюсь...— отвечаю я.

— В девять часов утра,—поясняет товарищ Ленин,—приходят на работу сотрудники. В десять часов банк уже начинает производить операции. Вы должны быть там в такой момент, когда все сотрудники окажутся на месте, а посетителей еще не будет.

— Понятно! — ответил я.

Товарищ Менжинский сообщил, что матросам поручается занять три важнейших банка на Невском проспекте — «Лионский кредит», «Сибирский банк» и «Петроградский банк для внешней торговли», — и передал мне планы расположения этих банков.

— Обратите внимание,—говорит Владимир Ильич, указывая на один из планов,—этот банк имеет выходы на три улицы. Их необходимо блокировать одновременно.

**Советская власть действовала быстро и решительно.
Молодые части бойцов революции уже на третий день
после наступления контрреволюционных казачьих отрядов
Краснова на Петроград разгромили их под Пулковом.**

Было сказано, чтобы мы тут же ознакомились с инструкцией и, не стесняясь, спросили обо всем, что было непонятно. Однако инструкция была настолько подробно разработана и так ясно изложена, что вопросов у нас никаких не оказалось.

Только в три часа ночи я появился в казармах Гвардейского флотского экипажа и немедленно приступил к отбору людей, формированию отрядов.

Вместе со мной в этой операции должны были принять участие Василий Мясников, Борис Соколов и Николай Антропов. Каждому из них придавался отряд из 100 матросов. До рассвета мы репетировали буквально каждый свой шаг — изучали по планам расположение комнат, дверей, устройство чердаков и подвалов. К утру мы уже так ориентировались в расположении всех комнат и кабинетов банка, как будто годами служили там.

* * *

Едва мы переступили порог банка «Лионский кредит», как послышался спокойный бой стенных часов в вестибюле.

Было ровно половина десятого утра.

Бородатый швейцар в расшитой золотом ливрее хотел было броситься к начальству и доложить о нашем приходе.

— Пожалейте свое старое сердце, уважаемый,— вежливо говорит ему один из матросов и осторожно усаживает его на скамью у входа.

Старик присел и начал креститься.

Оставив часовых у входа, вывесив на двери табличку: «Банк закрыт», мы поднялись наверх.

Кто-то из сотрудников, увидев вооруженных матросов, закричал:

— Караул!..

Другие схватились за телефонные трубки, но телефоны уже не работали.

— Прошу соблюдать полнейшее спокойствие,— обратился я к перепуганным сотрудникам банка.— Мы гарантируем

полную безопасность и неприкосновенность личности каждого из вас. Мы требуем оставаться на своих местах, никаких бумаг и документов не уничтожать, беспрекословно подчиняться власти рабочих и крестьян. Мы предупреждаем: любая попытка к сопротивлению может окончиться весьма печально...

Выполняя команду, один из матросов подошел к сейфам, где стоял сонный и небритый часовой с берданкой.

— Ну, папаша, давай сюда твою пушку! — говорит матрос.

— На, сынок, бери, — отвечает часовой и охотно отдает винтовку и патроны к ней.

Поставив у дверей часовых, я объявил директору банка и главному бухгалтеру:

— Временно вам запрещается покидать свои кабинеты.

— До каких пор? — спросил меня директор.

— До особого распоряжения, — ответил я.

Затем я направился в два других банка, где остальные отряды матросов точно так же заняли помещения, сменили часовых у сейфов, взяли под стражу директоров и главных бухгалтеров.

— Все в порядке! — доложили мне командиры отрядов.

Не теряя ни минуты, отправляюсь на Мойку докладывать о выполнении приказа.

— Ну, как у вас дела? — спросил Владимир Ильич, когда я вошел в ту самую комнату, где был ночью.

По всему видно было, что здесь никто не ложился спать. На столе горела лампа, которую забыли, очевидно, потушить, стояли стаканы с недопитым, остывшим чаем.

— Инцидентов нет! — докладываю товарищу Ленину.

— Великолепно! — говорит возбужденный и радостный Владимир Ильич. И, не теряя времени, он поставил передо мной новую задачу: — Вот вам три наших товарища. Везите их и вводите в должность директоров банков. Бывшим директорам предложите остаться первыми помощниками.

И вот я снова в банке «Лионский кредит».

Вхожу к директору и говорю:

— Будьте знакомы. Это товарищ Сокольников, новый директор банка. Прошу передать ему дела и полномочия.

— Я категорически отказываюсь,— заявляет мне бывший директор.— Я назначен вкладчиками...

— Ваши вкладчики — буржуи, капиталисты,— отвечаю я.— Они лишены теперь права голоса. Власть нынче народная. Понятно?

— Отказываюсь понимать,— заявляет директор.

— Одевайтесь! — приказываю я.

— Подчиняюсь насилью,— говорит директор, снимая с вешалки подбитую куницей роскошную шубу.

Мы временно заперли его в швейцарской и пошли к бухгалтеру.

Тот не стал сопротивляться.

— Согласен остаться на службе. Буду добросовестно выполнять свои обязанности,— заявил он.

Согласился остаться заместителем и бывший директор «Петроградского банка для внешней торговли».

Военно-морской революционный комитет прекратил свою деятельность 24 ноября 1917 года. Я стал после этого членом коллегии Морского комиссариата и был назначен начальником политического отдела.

В марте 1918 года, по приказанию Совета Народных Комиссаров, наша коллегия вместе со всем Советским правительством переезжала в Москву.

Рано утром на Николаевском (ныне Московском) вокзале нам был подан специальный состав, в который должны были погрузиться все сотрудники комиссариата с семьями и отряд матросов в 500 человек. Несколько товарных вагонов было загружено имуществом и делами комиссариата. Получился довольно солидный эшелон.

Мы собирались отправиться в путь в десять или не позже одиннадцати часов утра.

Примерно за час до отправки поезда ко мне в вагон прибыл управляющий делами Совета Народных Комиссаров В. Д. Бонч-Бруевич. Он сказал мне, что поезд, в котором товарищ Ленин поедет в Москву, отойдет из Петрограда сегодня вечером. Так как мы отправляемся раньше, то Владимир Ильич приказал по прибытии на станцию Клин установить связь с Москвой по прямому проводу.

— Товарищ Ленин намерен лично разговаривать с Кремлем,— подчеркнул В. Д. Бонч-Бруевич.

Мы отправились в путь, не задерживаясь.

Прибыв к утру следующего дня на станцию Клин, я велел поставить наш эшелон на запасный путь и приступил к выполнению приказа.

Из комнаты дежурного по станции я установил прямую связь с Москвой и вызвал коменданта Кремля.

— От аппарата не отходить,— предупредил я его.— Через несколько минут с вами будет разговаривать товарищ Ленин.

Минут через десять к станции стал подходить правительственный состав. Для встречи его на перроне был выстроен почетный караул матросов, командовать которым было поручено товарищу Антропову.

Когда поезд остановился, я направился в вагон. Встретил меня Владимир Ильич, как всегда, очень приветливо. Он был уже в пальто и в кепке.

— Москва на проводе,— сообщил я ему.

Поблагодарив, товарищ Ленин поспешил на станцию.

Когда он вышел на перрон, товарищ Антропов подал команду:

— На караул!

Красиво и четко матросы взметнули винтовки и застыли, отдавая честь Председателю Совета Народных Комиссаров.

Для товарища Ленина эта церемония оказалась неожиданной и, как я заметил, не особенно приятной.

Он поздоровался с матросами и сказал, направляясь к зданию:

— Этого, пожалуй, делать было не нужно...

Прежде чем подойти к аппарату, Владимир Ильич спросил у дежурного:

— Я своим разговором не нарушу график движения поездов?

— Нет, нет, — ответил тот. — В вашем распоряжении имеется несколько минут. Поезд отправится по расписанию.

Сделав ряд распоряжений, Ильич поторопился закончить разговор и направился в вагон.

Он поблагодарил меня за проделанную работу и спросился, как мы едем, всё ли есть у нас.

Прощаясь, он крепко пожал мне руку.

Поезд тронулся. Ленин продолжал свой путь в Москву, в Кремль, к сердцу России.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

В. П. Виноградов. ВСТРЕЧА НА ФИНЛЯНДСКОМ ВОКЗАЛЕ. Литературная запись И. Крамова	7
Н. А. Емельянов. ИЛЬИЧ В РАЗЛИВЕ. Литературная запись Любови Рудневой	20
Е. Я. Драбкина. ОКТЯБРЬСКИЙ ВЕТЕР	52
М. В. Фофанова. ПОСЛЕДНЕЕ ПОДПОЛЬЕ ИЛЬИЧА. Литературная запись Любови Рудневой	63
Н. И. Подвойский. ВОЖДЬ ОКТЯБРЯ	76
С. Г. Уралов. СТРАНИЧКА РЕВОЛЮЦИИ	85
А. Ф. Ильин-Женевский. В ГРЕНАДЕРСКОМ ПОЛКУ	90
И. П. Флеровский. В ПОХОД «ЗА ВЛАСТЬ СОВЕТОВ»	96
Н. Ф. Рябов. ШТУРМ ЗИМНЕГО. Литературная запись Григория Вайса	102
А. А. Андреев. ЛЕНИН НА II СЪЕЗДЕ СОВЕТОВ В ОКТЯБРЕ 1917 ГОДА	115
Т. Ф. Людвинская. ПОД БОЛЬШЕВИСТСКИМИ ЗНАМЕНАМИ	119
А. И. Литвейко. МОЛОДЕЖЬ КРАСНОЙ ПРЕСНИ. Литературная запись Ю. Капусто	130
Д. А. Фурманов. ЗДРАВСТВУЙ, НОВАЯ ЖИЗНЬ!	144
В. Д. Бонч-Бруевич. ПЕРВЫЕ ДНИ СОВНАРКОМА	147
Н. П. Горбунов. КАК СОЗДАВАЛСЯ РАБОЧИЙ АППАРАТ СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ	151
И. М. Вахрамеев. В ПЕРВЫЕ ДНИ РЕВОЛЮЦИИ. Литературная запись Григория Вайса	160

Библиотечная серия

Для среднего и старшего возраста

КАК ПОБЕДИЛА РЕВОЛЮЦИЯ

Рассказы участников
Великой Октябрьской
социалистической революции

ИБ № 1811

Ответственный редактор
С. М. Пономарева

Художественный редактор
Л. Д. Бирюков

Технический редактор
Н. Г. Мохова

Корректоры
К. И. Каревская
и Е. И. Щербакова

Сдано в набор 24/XII 1976 г. Подписано к печати 2 III 1977 г. Формат 70X90¹/₁₆. Бум. тифдр. № 1. Печ. л. 11,5. Усл. печ. л. 13,46. Уч.-изд. л. 9,46. Тираж 100 000 экз. Заказ № 4848. Цена 70 коп. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература». Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглавополиграфпрома Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Сушёвский вал, 49.

Scan, DJVU: Tiger, 2018

K16 Как победила революция. Рассказы. Изд. третье. Оформл. Г. Ордынского. Рис. Е. Мешкова, И. Ильинского. М., «Дет. лит.», 1977.

183 с. с ил.

Рассказы участников Великой Октябрьской социалистической революции.

К 70803—281
М101{03}77 357—77

9{C}1

Да здравствует пролетарская революция!

Долой
временное правительство

Мир
народам

Мир
хижинам
войнам
дворцам!

За мир
За хлеб
и свободу!

Да здравствует
социализм

Вся власть
советам!

Пролетарии всех стран,
соединяйтесь!

Долой

Зем

Цена 70 коп.

